Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в г. Юже
Шуйской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат)
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 11

К 100-летию подвига шуйских новомучеников

Шуя-Южа
2022

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р–4)
П 463

Издаётся с июля 2006 года

Редактор-составитель А. Е. Лихачёв

Редакционная коллегия:

К. Е. Балдин, д-р истор. наук (Иваново)
Д. Ю. Кривцов, канд. истор. наук (г. Дзержинск)
А. Е. Лихачёв, священник, канд. богосл. (г. Южа)
(редактор-составитель)

В сборнике могут встречаться следующие сокращения:

ВГВ – Владимирские губернские ведомости
ВЕВ – Владимирские епархиальные ведомости
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГИМ, ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников
ГРМ – Государственный Русский музей
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея, г. Москва
ИПО – Ивановская промышленная область
ОДДАС – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПБ, 1877-1878 годы
ОР – отдел рукописей
ОР РГБ – Отдел рукописей российской государственной библиотеки, г. Москва
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
РНБ СПБ – Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург
ШИХММ – Шуйский историко-художественный и мемориальный музей им. М. В. Фрунзе

© Коллектив авторов, 2022.
© Составление. А. Е. Лихачев, 2022.
© Оформление. ООО «ПресСто», 2022.

Предисловие

Настоящий выпуск нашего продолжающегося издания «Пожарский юбилейный альманах» выходит в 2022 году, когда Шуйская епархия, Ивановская митрополия и вся полнота Русской Православной Церкви совершают 100-летнюю память трагических событий в Шуе: 15 марта 1922 года у стен Воскресенского собора, на паперти колокольни были убиты 4 человека из того многотысячного собрания, которое пришло молча засвидетельствовать несогласие с намерением Комиссии по изъятию церковных ценностей осквернить величайшую общенародную святыню, Шуйскую-Смоленскую икону Божией Матери. По приказу Высочайших лиц Советского государства делу было придано общегосударственное значение, Церковь обвинена в сопротивлении власти, инсценирован суд, согласно приговору которого 10 мая были расстреляны 2 священника и один наиболее сознательный прихожанин. Это было началом первого (после стихийных кровопролитий при установлении Советской власти в 1917-18 г.,) организованного гонения молодого Советского государства на Церковь, которое, то больше, то меньше, осуществлялось потом на всём протяжении его 70-летней истории. Семь шуйских новомучеников были причислены в 2000 году к лику святых Русской церкви в сонме новомучеников и исповедников российских. В своём Особом от 27 февраля 2022 года послании всей международной пастве Русской православной церкви о шуйской трагедии упоминал сам Святейший Патриарх Кирилл. По благословению Его Преосвященства епископа Шуйского Матфея вершиной совершения памяти «героев Веры» будет служение Божественной Литургии в день мученической их кончины 10 мая 2022 г., ко времени которого мы приносим и сей малый труд.

Наше издание посвящено имени князя Д.М.Пожарского, его первый раздел всегда посвящён был либо личности нашего великого земляка, «спасителя Отечества», либо истории Победы над Смутой. На этот раз 1-й раздел сборника мы посвящаем новомученикам и исповедникам Российским, подчёркивая этим единство важнейшего ***дела сохранения православной веры***, которому самоотверженно равно служили как «болярин князь Косьма», так и наши «новомученики шуйские».

Важным звеном в деле сохранения памяти об их подвиге является выставка, совместно организованная Шуйской епархией РПЦ и литературно-краеведческим музеем К. Бальмонта при поддержке Фонда президентских грантов. Она была знаменательно открыта в Неделю Торжества Православия 13 марта 2022 года в присутствии митрополита Крутицкого и Коломенского Павла, председателя Комитета по сохранению памяти новомучеников и исповедников российских, и Губернатора Ивановской области С.С. Воскресенского. Экспозиции этой выставки мы посвящаем цветной вкладыш настоящего выпуска, чтобы мысленно «побывать» на ней смогли все наши дорогие читатели.

Другим важным мероприятием при праздновании юбилея подвига новомучеников призвана стать научная конференция, организуемая совместно Иванов-

ской митрополией и Шуйским филиалом ИвГУ, посвящённая исповеднической деятельности Православной церкви в трудные 20-30-е годы XX века. Часть статей настоящего сборника написаны на основе докладов, готовящихся к этому научному форуму. Остальные будут изданы отдельным изданием немного позже.

Остальные разделы настоящего выпуска оставлены без изменений, но тоже включили материалы, посвящённые теме юбилея. Надеемся, что наш совместный труд будет мало лептой, венком, принесённым нами, историками, краеведами, общественниками, к ногам тех, кто отдал жизнь за сохранение Веры и Церкви, и этим обрёл право ходатайствовать за нас перед Самим Богом. Святые новомученики шуйские, молите Бога о нас!

И мы надеемся, что эта тема – **исповеднического сохранения веры** – теперь по достоинству останется постоянной рубрикой нашего Пожарского альманаха. По ценному замечанию архим. Дамаскина (Орловского), наша Южа напрямую связана с жизнью священномученика Никиты (Делекторского), епископа Орехово-Зуевского(1876-1937), который, будучи выпускником Владимирской семинарии, в течение года преподавал Закон Божий в нашем Южском начальном училище. Так что представление для любезного читателя его жизнеописания будет одной из приоритетных задач при подготовке следующего сборника.

Наконец, спешим напомнить нашим читателям-краеведам, что наше издание является не просто научно-историческим (мы очень обращаем внимание на достоверность излагаемых фактов и научный аппарат публикуемых статей), но именно ***краеведческим***, то есть открытым для любых авторов, лишь бы они обоснованно излагали свои исследования и наблюдения. Среди наших авторов есть не только историки, археологи или музейные работники, но и врачи и рабочие, художники и предприниматели, пенсионеры и студенты, и даже школьники. Если какая-то тема, статья Вас заинтересовали и Вам есть что сказать в диалоге с автором – смело пишите на наш э/адрес: yuzha-church@yandex.ru, мы с готовностью поможем в совместной работе привести Ваши наработки в достойный для публикации вид. Можно будет для этого даже целый раздел создать: «Научно-исторический диалог», и из номера в номер поводить рассмотрение какого-либо момента с разных позиций. Тем более, что формат «***продолжающегося издания***» позволяет осуществлять новые выпуски в любом режиме по мере накопления материалов.

Икона «Собор новомучеников шуйских» (2005). Воскресенский кафедральный собор. г. Шуя

Надеемся на творческое сотрудничество!

Ðàçäåë I

Ê 100-ëåòíåìó þáèëåþ ïîäâèãà øóéñêèõ íîâîìó÷åíèêîâ

А.Е. Лихачёв

О смысле христианского мученичества

Уничтожение церкви и самой веры в России, которое мы пережили в течение всего XX века и переживаем до сего дня, не поддаётся логическому объяснению, но становится ясным в свете глобальных процессов сатанизации мировой элиты. Христианская вера как внутренний источник и опора всей современной цивилизации – главный враг и предмет инфернальной ненависти закулисных кукловодов, сменяющих неугодных президентов. Только их идеологи прямо этого не заявляют, потому что уничтожают традиционное общество незаметно, изнутри, подменяя смысловые опоры самого нашего мировоззрения.

С неприятием церкви сочетается ненависть к простому народу как хранителю духовной традиции. Она и стала главным двигателем тех преобразований, которые пришли на гребне революции, осуществлённой в России согласно учению Карла Маркса, а точнее, Мардохея Леви, потомка иудейских раввинов[1]. Тотальное уничтожение крестьянства (если вспомнить этимологию, именно «христианства»), как класса, при всех оправдательных речах о его «классовой мелкособственнической стихии», было вероломно осуществлено «народно-революционной властью», вопреки экономической целесообразности, не случайно. Крепкое в хозяйственном отношении крестьянство было носителем чисто христианского подхода к жизни, здорового духа, вложенного Создателем в саму человеческую природу. Прежде всего, крестьяне понимали, что такое «страда», когда «день – месяц кормит», и ***умели не жалеть себя***, а это и есть стержень христианской нравственности. Благодаря связи с природой через хлебопашество, они глубоко ощущали Божию щедрость в мире, подчёркиваемую народным православным календарём. Благодаря крестьянскому «миру» (самоуправлению общины) хорошо понимали, что такое «лад», через многодетность и многопоколенность боль-

ших семей живым опытом понимали, что такое соборность и общность, имели навык послушания и авторитет старших. Наконец, уважали Церковь как средоточие родовой памяти (она хранила вклады их пращуров) и как духовную власть и легко организовывались хорошими священниками для социального служения и решения общественных проблем. Если до 1925 года более 90% населения России были крестьянами, то задача уничтожения христианского образа жизни властно требовала не только закрытия и разрушения храмов, но «раскрестьянивания», уничтожения деревни, что разными способами происходило вплоть до середины 90-х годов. И десятки миллионов крестьян, погибших в результате чудовищных «социальных экспериментов» от страшных голодоморов (1921-23, 1932-33 и 1942-46 гг.) и каторжных работ – это принесение их в кровавую жертву Молоху именно как носителей «духа Христова». Это невообразимое количество невинно загубленных жизней – суровая дань русского народа за потерю духовного идеала, когда православная вера, войдя в бытовую традицию, тем не менее у многих перестала осознаваться по своему существу. И только так становится понятной логика действий безбожной власти большевиков, в личном плане, может, искренно заблуждавшихся, но изначально оплачиваемых мировой финансовой верхушкой и натравленных ею на традиционный строй русского православного общества.

Сегодня, после 7 десятилетий идеологического засилья, нам очень важно помнить суть нашей христианской жизненной позиции (так ярко проявившейся в

стоянии за веру новомучеников) – являть в самих себе и в своей духовной семье Божию силу, любовь Христову. Настоящая любовь не показушна, не слащава, отвращается всего духовно пустого, как бы снаружи оно ни казалось значительным. Характернейший случай был в Шуе, когда после 1945 г. партийные власти решили открыть единственный для целого района храм и хотели поставить туда «расстригу-попа», объявившего себя в 1939 г. «неверующим». Люди отказались от его «религиозных услуг», пришлось другого, после ссылки вернувшегося, ставить[2]. Вот почему живое народное чувство угадывает в новомучениках дух истины, называет шуйских страдальцев «павшими за веру», хотя формально (кроме Павла Светозарова) они даже не реабилитированы.

Православный народ и дельцы-политики разговаривают на разных языках, как 100 лет назад, так и сегодня. Властям не обязательно наше явное отречение от Христа, как это было во времена первых гонений, им важно признание своего первенства, своего права определять нравственные критерии: социализм – это прогресс, а старые сословия (буржуазия, духовенство) – его тормоз, зло. Но этот выбор ставится либерально-демократической властью и сегодня, сначала – земное благополучие, комфорт, потом – вера[3]! Порождаемый политкорректностью формальный подход не приемлет духовной основы подвига новых мучеников, почему даже и в церковных СМИ высказывается сомнение в том, «а являются ли «новомученики» мучениками в полном смысле? Они же страдали за политические обвинения, а не за веру?!» Если мы отбросим конкретно-исторический контекст и вдумаемся в происходившие преследования по существу, то увидим, что именно вера, живая и подлинная вера мучеников, была причиной, обрекающей их на страдания. Стоило священнику прилюдно отречься от Христа и веры, ему сохраняли жизнь и даже (конечно, только в 20-е годы) могли дать обновленческий приход. Другой пример из нашего времени: Руслан Хайхороев, причастный к убийству Евгения Родионова, сказал в своё оправдание: «Ему же был предоставлен выбор, он мог бы снять нательный крест и остаться живым!»[4] Поэтому арестам, высылке на каторгу и лишению жизни подвергались, в первую очередь, самые авторитетные пастыри, а наивные прихожане своими письмами-ходатайствами только усугубляли решимость властей устранить их (как и было с о. И. Рождественским из Палеха, чьё дело было «за уши притянуто» к шуйским событиям)[5]: чем больше авторитет – тем строже были меры (о. Иоанна расстреляли). Хорошо, скажут советские историки, крестьяне были народом несознательным, далёким от понимания линии партии, получили наказание за свою «темноту». Пожалуйста, шуйские события – это пример того, как именно рабочие, трудившиеся на шуйских текстильных фабриках, «движущая сила пролетарской революции», встали на защиту своих святынь. Следствие признало, что никакой организации, якобы направлявшей и согласующей их протест, не было, это было стихийное выступление людей по причине наглого попрания сохранившегося религиозно-нравственного чувства (комиссия вошла в алтарь

даже не сняв шапки и не вынув цыгарки, а председатель её был вообще навеселе). Когда это всё прозвучало на суде, большевистское «правосудие» тем не менее обвинило не богохульников, пришедших со своими правилами в чужой монастырь и расстрелявших затем собственный трудовой народ, но тех, кто твёрдо заявил о своём несогласии (их, не отступивших от своей христианской совести, оказалось 18 человек, троих из них расстреляли).

К сожалению, религиозное одичание настолько захватило современный мир, что даже в наше «демократическое» и якобы толерантное время научно-историческое сообщество (не говоря уже о массовом сознании) демонстрирует почти полное непонимание происшедших у нас после 1917 года событий. Возьмём статью заведующего кафедрой истории ИвГУ Ю.А. Ильина о шуйских событиях[5], где автор показывает виртуозное владение фактами социально-экономической жизни Шуи и влияние разных факторов на умонастроения различных общественных прослоек. Но, не имея понятий о самих основах христианской психологии, точнее, что такое живое религиозное чувство, так – походя, с высоты своей наукообразной снисходительности – обвиняет святого патриарха Тихона в разжигании «тёмного религиозного инстинкта масс». Да ещё пытается представить благороднейшего о. Павла Светозарова эдаким незадачливым, хотя и талантливым «масс-менеджером», который сделал «неудачный ход» в своей «борьбе за умы», и теперь вот не знает, «как быть с трупами». А на самом деле отец Павел спасал душу, саму сущность народной жизни, чтобы не пришла Шуя в такое запустение, в котором она вместе со всей «нашей Рашей» реально оказалась. Возвращаясь к «мракобесу» патриарху-исповеднику: надо донести до таких горе-учёных, что патриарх был просвещённейшим человеком своего времени. Именно благодаря своему международному авторитету, в том числе и в Северной Америке (предстоятелем церкви которой он был в течение 10 лет), сумел подвигнуть международное сообщество (через опубликованное по всему миру вдохновлённое Духом Божиим и отеческой скорбью послание) на оказание голодающим русским людям быстрой и конкретной помощи, которая действительно скоро пришла от целого ряда зарубежных западных и восточных организаций. Благодаря этой помощи было спасено более 3 млн жизней[7]. И «не тёмные религиозное инстинкты» разжигал он в сердцах людей, но самопожертвенную готовность помочь близким (независимо от их веры, религии и нравственности!), а также призвал жертвовать ***всё, кроме святынь***, прикасаться к которым кому-либо, кроме православных священнослужителей – ***табу***. Церковь ***нисколько не препятствовала*** сбору церковных ценностей, потому что шуйские прихожане сами предложили комиссии (и так было повсюду!) выплатить цену тех сосудов, которые считались священными и не должны были передаваться в руки кого бы то ни было. Дело было не в стоимости золотых или серебряных чаш и не в желании что-то «утаить», как об этом до сих пор (это через 100 лет!) пишут горе-учёные, а в самом типе религиозного сознания, в его принципиальном отличии от секулярного – для

верующего человека любой религии всё в мире разделяется на «профанное» и «священное», а вот для атеиста понятия «священного» просто не существует. Хотя насиловать собственную мать позволит, наверное, из них редкий негодяй.

И по поводу «движущих массы» мотивов тоже надо разобраться. Об оскорблённом религиозном чувстве православного народа мы уже сказали. При всём при этом, движимые негодованием, верующие люди не превратились в толпу, чётко держали себя в руках: ни один красноармеец не погиб и не имел серьёзных увечий (как ни пытались это расписать в своих первоначальных отчётах руководители). Да, присланный навстречу крестному ходу отряд красноармейцев был разоружён насильно, но только потому, что в глазах людей реакция властей выглядела неадекватной: как идти с винтовками на тех, кто мирно выражает свой протест, причём совершенно справедливый? Солдат после этого никто не тронул. А вот какие чувства двигали представителей большевистской власти, мы теперь тоже имеем возможность разобраться. Совершенно логичный, учитывающий обе позиции вариант обмена святынь, предложенный церковью, был абсолютно немотивированно проигнорирован властью, практически всеми местными комитетами Помгола. Потому что у их координаторов была секретная инструкция самого Ленина: «под предлогом» голода, используя момент страшного бедствия, нанести как можно более сильный удар по церкви, «расстрелять

А. Афанасьев. Шуйский расстрел. 2022 г.

как можно больше черносотенных попов». После изъятия, как писали жалобы сами прихожане, некоторые храмы, особенно в сельской местности, стояли без службы, потому что вопреки первоначальным обещаниям не трогать самого необходимого для совершения богослужения, отбирали все священные сосуды, так что отцам служить литургию было не на чем[8]. Чиновничья узколобость и неуместная ретивость? Интуитивное угадывание желания высокого начальства? Скорее последнее, причём со своей хитрой политикой, как сам Троцкий, истинный руководитель ЦК Помгола написал: «В официальные комитеты не включать лиц, могущих провоцировать шовинистические настроения» (то есть еврейской национальности, – А.Е.Л.). Но ещё более чётко мотивы проступают в судебном деле о. Иоанна Рождественского, который к шуйским событиям не имел никакого отношения, а вся вина его состояла в том, что он через три дня после расстрела огласил послание своего патриарха прихожанам на службе в церкви другого населённого пункта, Палеха, где был настоятелем, что, впрочем, обязан был сделать каждый священник. Причём добавил, что препятствовать изъятию не будет, даже неприкосновенных святынь, но просто отказывается присутствовать при этом акте «святотатства», как о его значении для верующих предупредил общество сам патриарх. Из материалов следствия и судебного процесса мы узнаём, как давили следователи и судьи на психику обвиняемых, добиваясь самооговора – что они, мол, желали происшедших беспорядков и сознательно противились советской власти. И.О.Похлёбкин сдался, и ему смертную казнь отменили через помилование («…принимая во внимание чистосердечное раскаяние Похлёбкина и его малосознательность, заменить ему, Похлёбкину, расстрел пятилетним тюремным заключением»[9]). Какое торжество, удовлетворённость зла прочитывается через эту неуклюжую канцелярскую фразу!

Когда стало ясно, что о. Иоанн никогда этого не сделает, с него стали требовать ***назвать имя человека***, от кого он получил послание патр. Тихона. Что это? Очевидно, желание «правосудия» заставить честного человека хоть в чём-то запятнать свою совесть. Мол, «ты сам остаёшься чистеньким, да хоть кого-то в наши лапы предашь!» Так был вынужден под пытками назвать несколько имён наш владыка-страстотерпец Василий, епископ Кинешемский, которого по этой причине (когда был доказан факт называния имён) деканонизировали недавно по указу сверху. Чтобы сохранить неизвестного брата от кровожадных лап лжеправосудия, а себя от этого греха, о. Иоанн мудро ответил, что получил послание по почте, на штемпель и обратный адрес не обратил внимания, а конверт выбросил и тоже не помнит, куда. Одно и то же он повторил несколько раз, как следователю, так и всем инстанциям суда. Твёрдость о. Иоанна привела комиссию в бешенство, так что ему, в происшедших беспорядках ***никакой вины*** не имевшему, присудили высшую меру! Что это, как не инфернальная злоба?! Только господин «объективный исследователь» Ю.А.Ильин про о. Иоанна не вспоминает вовсе, неудобная для его версии фигура.

И ещё один момент по концепции статьи Ю.А.Ильина. Описывая борьбу шуйского Комитета Помгола и сопротивление верующих такому «полезному» начинанию молодой Советской власти, пока не очень опытной в работе с массами, автор выстраивает фабулу всей статьи в целом (это видно из вывода) как эпизод, иллюстрацию общего закономерного ***процесса смены общественной формации***, способа управления обществом. Там, в прошлом, должны были остаться «кровопийцы-императоры» (в правление которых за 20 лет население России увеличилось на 20 млн чел.) и «будители тёмных религиозных инстинктов масс» «с их церковниками-прихлебателями». Безусловно, это современный взгляд на вещи, который разделяет каждый нормальный учёный-прогрессист. Но вот тут как раз и «зарыта собака» – горе-учёный не осознаёт шор своего «псевдонаучного предрассудка», ничем не доказанной веры в некий абстрактный общественный прогресс, паровоз которого перемалывает кости всех неудачно попадающих под его колёса. Именно этим и объясняется всё мастерское жонглирование социально-экономическими фактами, которые призваны нравственно **оправдать геноцид большевиками собственного народа** (по размаху подобный геноциду английских огораживателей).

Если глянуть на происходившее с точки зрения непреходящих высших гуманистических ценностей, кто был «будителем тёмных инстинктов»? Патриарх Тихон, призывавший христиан помогать всем голодающим без разбора веры, с подачи которого даже Персия прислала в Россию свою помощь? Или большевики, которые призывали (и организовывали) вакханалии церковных (а сначала и всеобщих) погромов, «грабить награбленное»?! Кто заботился о народе, Советская власть, которая через год после сбора «ценностей» вообще отказала ЦК Помгола в выплате их стоимости и, соответственно, помощи пострадавшим[10] (и тихонько распродала их за границу, пополняя карманы чиновников и немного свой Золотой фонд)? Или «черносотенное духовенство», которое ещё до выхода всяких декретов организовало сбор нескольких сот тысяч рублей (которые были той же властью конфискованы, дабы церковь не подняла свой авторитет в глазах людей)? Кто, наконец, вёл свой народ к лучшему будущему, большевики, которые, укрепившись во власти, во время следующего, ещё более страшного голода (первым, в 1921-22 гг. было охвачены области с населением 35 млн человек и погибли около 4 млн, а вторым, через 10 лет – 7, 5 млн жертв) не только не позволили «загнивающему Западу» спасти хотя бы часть гибнущих людей, но всячески замалчивали размер бедствия и бросили миллионы людей умирать без всякой помощи вообще? Или энтузиасты, общественные деятели первого Комитета помощи голодающим, которые в кратчайшие сроки организовали приезд и развёртывание Американской службы спасения и Нансеновского комитета[11] (все они вскоре были арестованы и большинство высланы из страны, как пособники «врагов-эсеров»)? Тем не менее, Ю.Н.Ильиным и ему подобными учёными патриарх представлен как сторонник регресса, в прямом соответствии с навязываемыми глобалистскими пропагандистами штампами. Такое представление о Церкви не просто как консервативной, но регрессивной, отрицательной силе, является прямым продолжением марксистско-большевистских инсинуаций, то есть формой сохранения у «объективных» учёных ничем не оправданной инфернальной ненависти к христианской вере, об источнике которой мы уже сказали.

Итак, мы видим, что проблема христианского мученичества, в особенности мученичества нашего времени, является в некотором смысле «водораздельной», выявляющей мировоззренческие ориентации её исследователей. Прогрессистская

позиция является, по сути, просто «расчеловеченным подходом», так как может служить оправданием любым, самым массовым преступлениям против человечности, если все будут согласны, что они совершены («были необходимы») «ради прогресса». Собственно, это и было целью режиссёров мирового зла – расчеловечить человеческое сознание и всё наше христианское сообщество, заставить согласиться с принесением человеческих жертв ради прогресса, «светлого будущего» (а на самом деле, «Молоху», под названием «земной рай»). Для оправдания геноцида действующей силой истории надо признать не человеческий дух с его способностью вдохновляться Свыше и зажигать любовью души окружающих (ср. теорию Л.Гумилёва о «пассионариях»), а некие неумолимые, сверхсознательно действующие «законы общественного развития», в которых эволюционные периоды неизбежно сменяются революционными, а тут уж наступает «стихийное творчество масс» и печальная для маленького человеческого масштаба, но неизбежная гибель «отживших элементов». Нравственному измерению в такой картине нет места, вот почему современная лженаука истории так нелюбима школьниками, а через ВУЗы формирует бесчеловечную элиту. В эпоху либерализма стала модной промежуточная позиция, когда логически стройному бесчеловечному «титанизму» противопоставляется жалкий лепет об упущенных возможностях «мирного эволюционного пути», и вся вакханалия зла на земле, столь неизмеримо умножившегося в XX веке, представляется этакой случайностью неразумного управления. Всякие их заявления о правах человека и ценности каждой жизни оказываются безжизненными декларациями, которые при первой острой ситуации попираются самими заявителями.

Неимоверные страдания миллионов мучеников за христианский образ жизни будут оправданы, если мы вдумаемся в их немой пример, всмотримся в их мужественный образ. Самой своей смертью, свободно принятой судьбой они свидетельствуют о том, что вера в мнимый «прогресс» – это разновидность псевдорелигиозного сектантства, при последовательном проведении в

Комсомольский «крестный ход» с портретами вождей. Южа, на праздновании юбилея Ивановской обл., 1958 г.

жизнь которого возникают тяжелейшие социальные катаклизмы (даже в атеистическом обществе, как например, культурная революция в Китае). Народ, общество – это соборный организм, свободно избирающий цели и смыслы своего бытия, свои нравственные идеалы и ориентиры. Новомученики утверждают ценность христианского взгляда: есть в нашей земной жизни ***нечто***, что ***превыше её самой***, потому что является её ***источником***. Это **вера в то, что правда, добро и любовь** существуют реально и вечно в Самом Боге, и Он – не мёртвый небесный Абсолют, а такой же живой и реальный, как мы сами, как наши дух и совесть, живущие в нас самих и позволяющие отличать добро от зла. И как нам противны люди, пошло превозносящие свои гнусные пороки как что-то прекрасное, так и мы противны Богу-ревнителю, если отказываемся от определённой нравственной позиции и предаём Его, свою веру, своих родителей и свои святыни на поругание, чтобы «быть толерантными», лицемерно угодными лукавому «духу мира сего».

1. Ф.Винберг, «Крестный путь». Мюнхен, 1922. В анонимной, но весьма научно написанной брошюре «Истоки зла (тайна коммунизма)», М. 2018, ISBN 978-5-9902152-2-1, есть ссылка на работу биографа К.Маркса Роберта Пэйна «Карл Маркс», в которой тот рассматривает раннюю поэму 18-летнего К.Маркса «Оуланем» и предполагает сатанинское посвящение автора.
2. Речь идёт об открытии Преображенской церкви в Мельничном в 1945 г., когда власти хотели поставить священника Взорова. / Из частной переписки автора с Е.С.Ставровским. 27.03.2022.
3. Собственно, и Ковид-истерия поставила тот же вопрос: что вперёд, вера в животворность Крови Христовой или эпидемиологическая безопасность? Начиная с эпохи большевизма, ложь настолько проникла в саму природу государственного организма (с подачи НЛП-технологов), что теперь инструментом политики стал «птичий» язык бюрократии, в котором разрушение мы называем «реформами», деградацию «развитием», урезание финансирования «оптимизацией» и т.п. Политтехнологи пытаются и церковью сегодня управлять методами «управляемого хаоса» (вспомним попытки организовать демонстрации во время собора, осудившего еп. Диомида).
4. Андрей Михайлов. Евгений Родионов. Сквозь ужасы чеченского плена, сайт: pravda.ru // https://nasledie.pravda.ru/34229-rodionov/
5. В.И.Баделин резонно замечает, что расстрельный приговор Верховного трибунала, озвученный в итоге судебного процесса 25 апреля, присуждал к высшей мере наказания 4 фигурантов дела, среди которых не было имени о.Иоанна Рождественского, но озвученный на следующий день список почему-то состоял из 3-х имён (Похлёбкина и Сизова помиловали, а о. Иоанна вопреки заключению суда поставили).
6. Ю.А. Ильин. Статья «Церковь. Власть. Общество». 2008. Она же в интернет-ресурсе: http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/b36/ffi_2008_3.pdf#page=48
7. Е.В. Иванова. Святейший Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России // Богословские труды. 41. 2007. С. 504 – 529. О масштабах помощи международной гуманитарной миссии см. Е.Н.Бадмаева (Калмыцкий центр РАН). О голоде 1921-22 гг. // «Новый исторический вестник», РГГУ, №4, 2010.
8. М.И. Реброва. Изъятие церковных ценностей на территории современной Донецкой области. // Вестник ПСТГУ, 2015. № 6 (67). С. 74.
9. В.И. Баделин. Ук. соч. С.
10. С.Н. Иванов. Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей. // Вестник СТПГУ №5 (66) за 2015 г. https://cyberleninka.ru/article/n/finansy-i-politika-v-realizatsii-izyatyh-v-1922-g-tserkovnyh-tsennostey
11. История Помгола (общественного), по мат-лам ЦА ФСБ**.** Борис Сидоров, 2013. Интернет-публикация: https://proza.ru/2013/11/01/1187

Ю.А. Иванов

Шуя 1922 года в политической топонимике российской истории

Достаточно напомнить о событиях,
произошедших в марте 1922 года в Шуе,
чтобы понять, какое на самом деле
отношение к Церкви было у новой власти
(Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла,
посвященное 100-летию подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской
при изъятии церковных ценностей. 27 февраля 2022 г.)

В политической топонимике российской истории XX века есть географические названия, не требующие пояснения: Кронштадт и Тамбов 1921 г., Беломорканал 1933 г., Брест 1941 г., Сталинград 1942 г., Новочеркасск 1962 г., Чернобыль 1986 г. … В этот ряд заслуженно можно поставить и Шую 1922 г.

События 15 марта 1922 г. в городе Шуя Иваново-Вознесенской губернии стали самым масштабным примером гражданского сопротивления изъятию церковных ценностей и стали началом государственной политики административных гонений на церковь.

Два документа «обрамляют» шуйские события: «Воззвание патриарха Тихона к духовенству и верующим Российской Православной Церкви по поводу изъятия церковных ценностей 15/28 февраля 1922 г.» и секретное письмо Ленина членам Политбюро ЦК РКП (б) 19 марта 1922 г. Как известно, с Воззванием власти связывали беспорядки и возлагали на патриарха Тихона моральную ответственность за них.

Секретные документы партийных архивов и архивов ОГПУ – НКВД-КГБ о «Шуйском деле» стали доступны исследователям только в середине 1990-х гг.[1] После этого появляются первые обстоятельные работы об этих событиях[2]. Канонизация Шуйских новомучеников в августе 2000 г. привела к активизации работы исследователей и краеведов[3].

Парадоксально, но о шуйских событиях не сохранилось свидетельств очевидцев. С одной стороны, это было связано с «безгласностью» российской провинции, а с другой – установкой власти на широкое освещение событий в пропагандистском плане. «Каноническая» советская версия этих событий сложилась из материалов процесса, публиковавшихся в печати. Решение о публикации материалов процесса принималось на уровне Политбюро. Сегодня, исходя из нашего знания XXI века, «без гнева и пристрастия» события 100-летней давности представляются следующим образом.

В соответствии с московскими указаниями Шуйский уездный исполнительный комитет (УИК) 3 марта 1922 г. создал комиссию по изъятию церковных ценностей: руководитель – зам. председателя УИК А. Н. Вицин, члены – уполномо-

ченный политуправления И.П. Волков (его имя и сегодня носит одна из улиц Шуи) и заведующий уездным финотделом А.И. Коняев. Власти интересовали в первую очередь богатые храмы, поэтому работу предполагалось начать с проверки описей церковного имущества. 6 марта духовенство Воскресенского собора недоброжелательно встретило комиссию.

В воскресенье, 12 марта, прошли собрания в Воскресенском соборе, Крестовоздвиженском и Троицком храмах. Прихожане решили просить уездный исполнительный комитет о том, чтобы вместо изъятия церковного имущества собрать в пользу голодающих продовольствие и другие пожертвования. Но ходатайство осталось без ответа.

13 марта на богослужении в Воскресенском соборе было многолюдно. В ответ на просьбу комиссии освободить храм настоятель собора П. Светозаров заявил, что не имеет права изгонять молящихся. После требований, прозвучавших в более жёсткой форме, священник обратился к верующим с предложением разойтись. Недовольство верующих усиливалось, и покинуть собор пришлось самим членам комиссии.

Воскресенский собор оставался открытым весь день, на площади перед ним продолжали собираться люди. Конная милиция не могла их разогнать, несколько милиционеров были избиты. Комиссия предупредила, что изъятие ценностей планируется на среду, 15 марта. Вечером милиционеры сообщили, что 15 марта изъятия не будет, но часть верующих осталась на ночь охранять собор.

Г. Шуя. Воскресенский собор (с 2012 года – кафедральный). Сооружён в 1792-1798 гг. Фото 2022 г.

14 марта президиум уездного исполкома ввёл в городе чрезвычайное военное положение. Власть сосредоточилась у начальника гарнизона и начальника милиции. Они запретили незаконные публичные собрания. На фоне этих мер нарастали волнения на фабриках города. Рабочие бурно обсуждали предстоящее изъятие церковных ценностей.

Священник Павел Светозаров (1867-1922).
Фото начала XX в.

В среду, 15 марта, народ собрался на площади перед собором. Туда же прибыл конный отряд милиции. Красноармейцы, высланные им в помощь для наведения порядка, были оттеснены. После этого по приказу начальника местного гарнизона к собору в полной боевой готовности выдвинулись красноармейцы 146-го стрелкового полка.

С колокольни ударили в набат. Остановили работу несколько фабрик, рабочие и крестьяне ближайших деревень присоединились к протестующим. На Соборной площади собралось несколько тысяч человек, по разным оценкам, от 3000 до 6000.

На помощь милиционерам и красноармейцам прибыли бойцы ЧОН (части особого назначения по борьбе с бандитизмом) на двух грузовиках. Началась стрельба: из пулемётов была обстреляна колокольня. Затем были произведены винтовочные выстрелы в сторону протестующих, среди которых появились раненые и убитые. Среди убитых А. Калашников, Н. Малков, С. Мефодиев, А. Шилова – их тела были выданы родственникам для захоронения.

Данные о количестве пострадавших 15 марта варьируются даже в документах расследования. С уверенностью можно говорить о 4 убитых и 10 раненых со стороны протестующих и 26 пострадавших со стороны властей (в основном избитых красноармейцев)[4].

В связи с событиями в Шуе губернский военный комиссар А. И. Жугин ввёл военное положение и в Иваново-Вознесенске. 16 марта бюро губернского комитета РКП(б) провело экстренное заседание, на котором решено было создать комиссию для расследования беспорядков. 17 марта вызвали для допроса и арестовали настоятеля собора протоиерея П. Светозарова.

Воскресенский собор. Открытка начала XX в.

18 марта ЦК РКП(б) получил сообщение о волнениях в Шуе. В этот же день в город была направлена следственная комиссия ВЦИК в составе члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича, командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова и председателя ЦК Союза текстильщиков И. И. Кутузова.

19 марта появляется письмо В.И. Ленина в Политбюро ЦК РКП(б), где он квалифицировал события в Шуе как сопротивление советской власти со стороны духовенства во главе с патриархом Тихоном и предложил масштабные репрессии против Церкви, воспользовавшись ситуацией в Шуе как поводом. 20 марта на заседании Политбюро был рассмотрен проект директивы Л. Д. Троцкого по организации изъятия церковных ценностей. Ему же «де факто» в соответствии с указаниями ленинского письма была поручена и вся кампания.

В опубликованных в 1997 г. документах Политбюро непосредственно событиям в Шуе посвящено 13 документов, датированных 17 марта – 4 мая 1922 г. – самый многочисленный комплекс «церковных» документов Политбюро, посвящённых одному событию кампании по изъятию церковных ценностей[5].

22 марта Политбюро принимает постановление, в котором предлагалось опубликовать данные о шуйских событиях, «виновных шуйских попов и мирян – Трибуналу в недельный срок (коноводов расстрелять)». Кроме того указывалось, чтобы в «течение этой же недели поставить (т.е., организовать, – *прим. автора*) процесс попов за расхищение церковных ценностей» и после опубликования материалов о Шуе «печати взять бешеный тон, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.». Далее рекомендовалось приступить «к изъятию по всей стране. Совершенно не занимаясь церквями, не имеющими

Южная паперть Воскресенского собора и Соборная площадь
(здесь происходили основные события 15 марта 1922 г.). Фото начала XX в.

сколько-нибудь значительных ценностей». В дополнение к этому постановлению в записке в Политбюро Ф.Э. Дзержинского отмечалось, что «сейчас уже более чем достаточно оснований для ареста Тихона» и ГПУ полагает, что «всякий священник, сопротивляющийся изъятию церковных ценностей, должен быть отнесён к врагам народа»[6].

23 марта московская комиссия закончила работу в Шуе и оценила действия уездных властей по изъятию церковных ценностей как правильные, но «не достаточно энергичные и планомерные». Хотя к этому дню было арестовано 26 участников волнений. Комиссия ВЦИК выявила (точнее – назначила) зачинщиков и наиболее активных участников. Среди них лавочник, бывший городовой, колбасник, стекольщик, крестьянин и двое учителей и ни одного рабочего. Классовый подход был соблюдён. Кстати, среди активных участников нашли всего одного «черносотенца». Настоятеля Воскресенского собора П. Светозарова (1867-1922) заранее назначили главным зачинщиком и «черносотенцем». До этого он уже арестовывался трижды: в 1918 г. за уроки Закона Божиего, которые он перенёс из гимназии в собор, и дважды в 1921 г. – как «неблагонадёжный» (в дни Кронштадтского мятежа и за проповедь).

Даже комиссия признала, что действия людей на Соборной площади носили стихийный характер. Но этот вывод не укладывался в установки и цели цен-

тральных властей в связи с «Шуйским делом». 27 марта от имени Президиума ВЦИК принимается правительственное сообщение «О событиях в городе Шуе в связи с изъятием церковных ценностей», в котором события описаны, опираясь на материалы комиссии ВЦИК. Заявлено, что на духовенство скоро «опустится железная рука Советской власти». Дело о событиях в Шуе было направлено в Верховный ревтрибунал при ВЦИК.

Икона «Священномученик протоиерей Павел Светозаров» (2005). Воскресенский кафедральный собор. г. Шуя

23 марта изъяли и отправили в Гохран (согласно «Правительственному сообщению» от 27 марта 1922 г.) ценности Воскресенского собора – прежде всего «жемчужную» ризу чудотворной иконы Шуйской Смоленской Божией Матери. Кроме того 23 марта в соборе было изъято и сдано в «уфинотдел» более 10 пудов серебра, в том числе – уникальное четырёхпудовое серебряное облачение престола в алтаре.

Следствие проводило Иваново-Вознесенское ГПУ. 11 апреля, через три недели после его начала, всем арестованным вручили обвинительные заключения. По делу проходило 24 человека, к суду были привлечены 19, в том числе 4 священника.

С 21 по 25 апреля 1922 г. в Иваново-Вознесенске проходило судебное заседание выездной сессии Верховного революционного трибунала ВЦИК. Власти придавали судебному процессу большое пропагандистское значение. Поэтому он был предан широкой огласке, с привлечением прессы и приглашением рабочих делегаций.

Председательствовал бывший священник, ставший после революции активным борцом с религией М. В. Галкин. Подсудимым ставились в вину «деяния контрреволюционного характера». Обвинение стремилось доказать причастность патриарха Тихона к Шуйским событиям. В последний день процесса был оглашён приговор. К расстрелу были приговорены священники П. Светозаров, И. Рождественский и мирянин П. Языков, заведующий мастерской при Шуйской мануфактуре, «назначенный» организатором гражданского протеста. К различным срокам заключения приговорили 16 человек.

Сразу после оглашения приговора шуйские и палехские прихожане послали ходатайство во ВЦИК о помиловании приговоренных к расстрелу. 2 мая И.В. Сталин распорядился опросить членов Политбюро о возможности помилования. Большинство проголосовало за расстрел. 5 мая Президиум ВЦИК, следуя распоряжению Политбюро, утвердил приговоры. О том значении, которое придавали в Москве Иваново-Вознесенскому процессу, говорит тот факт, что с 25 апреля по 4 мая Политбюро возвращалось к нему не менее пяти раз.

Протоиерей П.Светозаров, палехский иерей И. Рождественский и мирянин П. Языков были расстреляны 10 мая в 2 часа ночи на окраине Иваново-Вознесенска. В выдаче тел родственникам было отказано. Из всех Шуйских новомучеников достоверно установлено и сохранилось только место захоронения погибшего у собора А. Калашникова[7].

События 14-15 марта 1922 г. на площади Воскресенского собора стали первым протестом против антицерковной политики советского государства. По своей значимости для трагедии русского православия XX века события в Шуе явились поводом для государственных репрессий против Церкви в 1922-1923 гг. и сопоставимы по значению с убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде для развязывания «Большого террора» 1937 г.

1. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922-1925 гг. Новосибирск, 1997. Кн.1.
2. Баделин В.И. Золото церкви. Исторические очерки. Иваново, 1995. С.185-265; Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедальники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. С.37-53.
3. Иванов Ю.А. Шуя православная (материалы к энциклопедии). Шуя, 2007; Ставровский Е.С. Шуйские новомученики и исповедальникиXX века. Шуя, 2007; Никонов Н.И. Шуйско-Смоленская икона Пресвятой Богородицы. История и иконография. СПб., 2008; Бабайкин В. Шуйское дело: неизвестные факты // Местный спрос (Шуя). 2021. №№ 16, 18, 20.
4. Хмуркин Г.Г. О масштабах человеческих жертв, вызванных изъятием церковных ценностей в 1922-1923 гг. // Уроки Октября и практики советской системы. 1920-1950-е годы. М., 2018. С.408.
5. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. Новосибирск. 1997. Кн.1.
6. Здесь и далее документы Политбюро цитируются по: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922-1925 гг. Кн.1.
7. Бабайкин В. Неизвестные факты событий 1922 года // Местный спрос (Шуя). 2022. 29 марта.

А.М. Семененко

И.И. Власов: адвокат, подававший прошение о помиловании по «шуйскому делу» 1922 года

В 2022 году исполнилось 100 лет трагическим событиям, которые вошли в историю России как «шуйское дело». В марте 1922 г. в г. Шуя произошло столкновение верующих с красноармейцами по причине изъятия церковных ценностей из шуйских храмов (4 человека убито и 10 ранено). По делу о шуйских событиях было привлечено 24 человека, из них священники: П.М. Светозаров, А.Ф. Смельчаков, И.С. Лавров, И.С. Рождественский. П.М. Светозаров и И.С. Рождественский были приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам тюремного заключения. В 2000 г. Павел Светозаров и Иоанн Рождественский были причислены к лику святых новомучеников и исповедников Российских.

14 марта 2022 г. в Ивановской Центральной универсальной научной библиотеке состоялся круглый стол «Шуйское дело» в памяти современников». Круглый стол организован совместно с Ивановской митрополией.

В мероприятии принял участие и автор данной публикации. Участникам мероприятия были продемонстрированы документы госархива из фондов Шуйского уездного исполкома и отдела общего управления Шуйского уездного исполкома Иваново-Вознесенской губернии. Было отмечено, что следственное дело о шуйских событиях хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

Участниками круглого стола стали настоятель прихода Свято-Благовещенского храма г. Кохмы игумен Герман (Дворцов), доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ИвГУ В.С.Околотин, учащиеся православной школы, студенты духовной семинарии.

Однако при рассмотрении событий тех лет обычно выпускают из вида те факты, что одним из защитников обвиняемых людей церкви был И.И.Власов и что после приговора по «шуйскому делу» было подано прошение о помиловании. И этот документ сформулировал и направлял И.И. Власов. В 1922 г. ему пришлось в последний раз выступать в качестве адвоката. От имени родственников лиц, обвинённых в беспорядках в Шуе при изъятии церковных ценностей, он написал в Москву прошение о помиловании. Однако этот шаг лишь на 10 дней продлил жизнь обречённых.[1]

Иван Иванович Власов входит в число замечательных представителей иваново-вознесенской интеллигенции 1910-1940-х годов. Он был известен как юрист, историк-краевед, литературовед и общественный деятель.

И.И. Власов родился в январе 1880 г. в Москве. Правда, в одном случае он указывает на дату рождения – 5 января (по ст. стилю). Это число он ставит в ответе на запрос от 15 октября 1917 г., который хранится в Государственном архиве Ивановской области (фонд 1150 – личный фонд И.И. Власова)[2]. В автобио-

графической справке краеведа с указанием его научных трудов, находящейся в деле И.И. Власова (инвентарный номер 20) в Шуйском музейно-культурном центре имени М.В. Фрунзе, составленной 3 июля 1936 г., названа дата рождения 18(6) января.[3] Разница в один день не принципиальна, но чем она вызвана, понять трудно.[4]

Власов Иван Иванович

Отец И.И. Власова – крестьянин деревни Большого Шемнина Никольской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии, работавший в Москве в качестве торгового служащего и поддерживающий одновременно сельское хозяйство на родине. По окончании Александровско-Басманного городского начального училища в Москве, по настоянию учителя А.К. Спижарного, И.И. Власов был отдан для дальнейшего образования во Вторую Московскую мужскую гимназию, которую окончил в 1899 году. Ввиду многочисленной семьи отца и его небольшого заработка, он ещё в последних классах гимназии начал давать уроки и писать корреспонденции для ярославской газеты «Северный Край». В то время там работали князь Д.И. Шаховской[5] и Н. П. Дружинин.[6]

В 1899-1904 гг. И.И. Власов учился на юридическом факультете Московского университета. В феврале 1902 г. принимает участие в студенческих волнениях, за что временно исключается из вуза и отбывает трёхмесячное тюремное заключение. 15 февраля 1903 г. был вновь арестован в связи с подготовкой на 19 февраля студенческой демонстрации с участием рабочих; привлечён к дознанию об участии и принадлежности к студенческим кружкам. Освобождён 15 марта 1903 г.[7] В университете И. И. Власов, по его собственным словам, занимался под руководством известнейшего правоведа П.И. Новгородцева.[8]

После окончания университета И. И. Власов осенью 1904 г. примыкает в Москве к адвокатской социал-демократической группе, становится помощником присяжного поверенного и принимает участие в судебных процессах, одновре-

менно занимаясь журналистикой. Публикуется в газетах «Курьер», «Вечерняя почта», «Рабочая газета», «Голос юга» и др. 29 ноября 1905 г. в Москве под его редакцией вышел единственный номер общественно-сатирического журнала «Жало», в котором были помещены и два произведения А.М. Горького. За редактирование этого издания Московская судебная палата 21 апреля 1906 г. приговорила И.И. Власова к одному году заключения в крепости. Обвинение заключалось в дерзостном неуважении к Верховной власти по статье 128 Уголовного уложения. Адвокатом И.И. Власова выступал П.Н. Малянтович (1869-1940; в сентябре-октябре 1917 г. – последний министр юстиции во Временном правительстве России). Он, кстати, обжаловал этот приговор, но решение суда осталось в силе. И тогда И.И. Власов уехал в Вену, где жил до декабря 1908 г., состоя там секретарём эмигрантской кассы взаимопомощи. Из-за границы под псевдонимом «Ив. Ович» посылал материалы в «Киевскую мысль» и петербургскую газету «Товарищ». По возвращении в Россию И. И. Власова тут же арестовали для исполнения приговора судебной палаты. Так что с 29 января 1909 г. по 29 января 1910 г. он провёл в заключении.

В Иваново-Вознесенске И.И. Власов оказался в 1910 году. Правда, в автобиографии от 1917 г. он пишет, что приехал в мае, а в автобиографии от 1936 г., что в феврале. Он активно занимается адвокатской практикой, участвует в различных организациях культурно-просветительского характера, например, в обществе трезвости, закрытом владимирским губернатором за политическую неблагонадёжность, в обществе благоустройства местечка «Ямы» и др. В этот же период Власов примыкает к местной организации кадетской партии. А в апреле 1915 г. его избирают гласным городской думы. Через два года, в конце апреля 1917 г. блок несоциалистических партий выдвинул И.И. Власова кандидатом на пост городского головы. По трём кандидатурам результаты голосования распределились следующим образом: М.П. Кондратьев («за» – 39, «против» – 30; он и стал головой), И.И. Власов («за» – 36, «против» – 33), А.М. Братенши («за» – 33, «против» – 36).

Надо сказать, что 1917 год стал пиком в общественной деятельности и в политической карьере И. И. Власова. Он деятельно работает в качестве товарища председателя училищной комиссии, редактирует газету «Иваново-Вознесенск», вместе с супругой Марией Васильевной принимает активное участие в деятельности местной кадетской группы. После Февральской революции И.И. Власов входит в состав Иваново-Вознесенского революционного комитета общественной безопасности. 1 июня 1917 года он стал товарищем председателя Общества юристов Иваново-Вознесенского района (в состав бюро вошли также И.А. Георгиевский (председатель), В.А. Назаретский (секретарь), С.И. Карпов (казначей) и П.В. Чистяков. (См.: «Русский Манчестер». 1917. № 1. С. 2-3.) Осенью 1917 г. он включён под номером 7 в список 15 кандидатов от партии кадетов в Учредительное Собрание по Владимирскому избирательному округу.[9] Но, как известно, кадеты выборы проиграли, а в Учредительном Собрании от Владимирской губернии оказались 6 большевиков и 3 эсера.[10] Ещё до поражения на этих выборах И.И. Власов писал в своем дневнике 19 августа 1917 г. около 10 часов вечера, находясь в гостинице Лукьянова во Владимире: «Я – обладатель земли и дома, ценность которых, по сегодняшним ценам, от 125 до 150 тысяч рублей. Это уже некоторый «плюс»…, но в общественном смысле – особенно в условиях теперешнего революционного времени – это несомненный «минус». Я – «буржуй». Это оценка моего социального положения уже принесла свои плоды. Я не попадаю в предстоящие 27 августа выборы – в городскую думу. Я был в первом десятке среди кандидатов в гласные, но против меня велась агитация. Сделать попытку пройти в Учредительное Собрание. Дерзать? Да, пожалуй, но дерзостей в моей жизни было порядочно. На первом месте партии народной Свободы В. А. Маклаков,[11] наиболее симпатичный мне среди всех кадетов. Какая честь идти с ним в одном списке!»[12] А вскоре Власова ждёт ещё одно разочарование: основанную им осенью 1917 г. «внепартийно-демократическую» газету «Русский Манчестер» городской Совет закрывает 20 декабря того же года как «буржуазную» (См.: «Русский Манчестер». 1917. № 1-38. Решение о закрытии издания подписали председатель Совета В. Калашников и секретарь Совета Лаврентьев.)

В «кратких сведениях» Власов не упомянул, что был делегатом VII съезда партии в марте 1917 г., когда кадеты приняли новую политическую платформу. Кадеты возглавили борьбу против Советской власти и с ними жестоко расправлялись, особенно в провинции – к стенке ставили даже рядовых членов партии только за принадлежность к ней. И. Власову удалось избежать этой участи. Но когда читаешь материалы следственного дела по обвинению бывшего заведующего губархивбюро И.Власова в сокрытии архивных документов, напрашивается мысль, что это расплата за приверженность конституционно-демократическим идеалам, автоматически возводившая его в ранг врага народа. Так, одним из пунктов обвинения было хищение архива Ивановской вотчинной конторы Шереметевых, который в действительности был вывезен графом С.Д.Шереметевым в

Петроград ещё до революции и помещён в его доме на Фонтанке, в так называемый «Фонтанный архив».

В начале мая 1918 г. И. И. Власов оставляет работу адвоката и начинает сотрудничать в советских учреждениях. Перечень его должностей и мест работы достаточно длинный. Одно время он являлся заведующим губернским архивным бюро в 1920-1922 гг., возглавлял И.И. Власов и подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины отдела народного образования Иваново-Вознесенского губисполкома.[13] Он полностью переключается на историко-краеведческую и литературную деятельность.

Больше с политикой и юриспруденцией И. И. Власов не пересекался. Если в своём ответе на запрос от 15 октября 1917 г., написанном 22 октября 1917 г., он охотно рассказывает о своём кадетском прошлом, то в автобиографии от 3 июля 1936 г. об этом ни слова. Скончался И.И. Власов 17 января 1943 г. в 3-й городской больнице от истощения. 20 января в номере 16 в «Рабочем крае» на второй странице вышел некролог, посвящённый И. И. Власову, подписанный членами научно-краеведческого совета Ивановской области П.И. Галкиной, Ю.Ф. Глебовым, К.И. Селяниной, П.М. Экземплярским, И. И. Борисовым.

С тех пор статьи (кроме публикации «Село Иваново до 1700 г.», вышедшей в Иваново-Вознесенском ежегоднике за 1921 год) И. И. Власова не издавались. А между тем, ряд его работ имеет несомненную научную важность, в частности, имеющийся, но неоконченный текст доклада «Образование ИВПИ (из личных воспоминаний)», хранящийся в Шуйском музейно-культурном центре им. М.В. Фрунзе в деле И.И. Власова (инвентарный номер 20). В полном объёме (рукописном и печатном) сохранились предисловие и четыре главы. В рукописи имеются также планы ещё трех глав. Полностью объём материалов, относящихся к докладу, насчитывает 35 страниц. Но и этот текст, который сохранился, позволяет более подробно увидеть процесс перевода Рижского политехнического института из Москвы в Иваново-Вознесенск. В имеющейся литературе представлена достаточно традиционная и неполная картина этого важнейшего события.[14] Только совсем недавно появились небольшие сдвиги в его объективном освещении, в том числе связанные с упоминанием роли И. И. Власова.[15]

Из документов дела И.И. Власова также явствует, что свой доклад автор начал печатать 18 ноября 1928 г. Сохранилась также записка от секретаря по поручению председателя губернского научного общества краеведения М. О. Соколова, в которой он просит И. И. Власова прибыть на чтение доклада 29 ноября к 8 часам вечера. Сохранилась также и повестка дня заседания правления краеведов в тот день. Доклад И. И. Власова стоит четвёртым после трёх организационных пунктов повестки собрания, состоявшегося в губстатбюро.

Появление в Иваново-Вознесенске вуза такого уровня было поистине революционным событием. Самому городу в 1918 г. исполнилось только 47 лет, а Рижский Политехнический Институт был старше самого губернского центра на 9 лет, поэтому открытие вуза со сложившимися традициями благотворно отра-

зилось на последующем развитии научно-педагогического и культурного потенциала города и губернии.

Как известно, у И.И. Власова с Д.Г. Бурылиным были личные встречи на почве общественной деятельности.[16] Впоследствии Д.Г. Бурылин был членом комитета по учреждению Иваново-Вознесенского политехнического института, его Товарищество перечислило 50 тыс. руб. на строительство обсерватории и метеостанции.[17] Кроме того, он был вольнослушателем вуза, посещая занятия вместе с супругой М.В. Фрунзе.[18]

И.И. Власов сыграл также большую роль в попытке сохранить и преобразовать в краеведческий музей Щудровскую палатку.[19]

В ГАИО хранится фонд № 1150 – коллекция документальных материалов по истории Владимирской и Костромской губернии, г. Иваново-Вознесенска, общественно-политического и революционного движения, социалистического строительства, собранная Власовым.

В целом же, Иван Иванович, будучи профессиональным исследователем, всегда ратовал за развитие просвещения, в том числе и за развитие музейного дела. Он всегда восхищался музеем, созданным Д.Г. Бурылиным. Власов не только знал его лично, но и состоял в переписке с ним. В письме к Д.Г. Бурылину в октябре 1921 г. Иван Иванович писал: «…Губархив, губмузей, губисполком, не слишком ли много губов, – чахотку схватишь. И при всём этом на картошку семье не заработаешь… А всё-таки жить-то ведь очень занятно…». И там же, как бы оправдываясь: «…Теперь-то не поймут, а потом нам будут ведь очень благодарны».[20]

Посвятил описанию музея множество публикаций в местной прессе, в краеведческой литературе. В частности, заслуживает внимания его статья «Иваново-Вознесенский губернский музей» в «Иваново-Вознесенском губернском ежегоднике» за 1920 год.[21] В ней он пишет, что «Иваново-Вознесенский Губернский Музей известен, как один из лучших русских провинциальных музеев».[22] В этой публикации он высоко оценивает роль создателя музея Дмитрия Геннадьевича Бурылина. Он считает, и с этим нельзя не согласиться: «Иваново-Вознесенский Музей – гордость не только Иваново-Вознесенска, но и драгоценный памятник русской культуры».[23]

Умер И.И. Власов от истощения, не разрешая продавать богатейшую библиотеку. Страдал от голода и холода, но до последнего дня, когда был свезён в больницу на саночках, потому что уже не было сил двигаться, он работал – приводил в порядок свои записи, библиотеку.[24]

И, конечно, очень важно помнить о гражданской позиции Власова в 1922 году. И не забывать его самого.

В связи с профессиональным праздником – Днём архивов – 10 марта 2022 г. в читальном зале Государственного архива Ивановской области (ул. Куконковых, 1) размещены портреты известных ивановских краеведов, историков, архи-

вистов: П.А. Сакулинского, И.И. Власова, П.М. Экземплярского. Эти люди стояли у истоков развития архивного дела в нашем крае, внесли неоценимый вклад в развитие ивановского краеведения.

Павел Андреевич Сакулинский (1889-1952 гг.), экономист, краевед. С июля 1919 г. по май 1920 г. – уполномоченный Главного управления архивного дела по Иваново-Вознесенской губернии, первый заведующий губернским архивом.

Иван Иванович Власов (1880-1943 гг.), юрист, краевед, общественный деятель. С мая 1920 г. по май 1922 г. – руководитель Иваново-Вознесенского губернского архивного бюро.

Павел Михайлович Экземплярский (1884-1947 гг.), педагог, краевед. Автор книги «История города Иванова». С мая 1922 г. по июль 1929 г. – заместитель заведующего Иваново-Вознесенского губернского архивного бюро; с января 1932 г. по сентябрь 1938 г. – научный сотрудник Ивановского областного архивного бюро.

1. Переверзев О. Краевед Иван Власов // Рабочий край. 1993, 28 декабря. См. также о И.И. Власове: Ноздрин А.Е. Дневники. Двадцатые годы. Иваново. 1997. С. 86, 87, 97, 98, 204.
2. ГАИО. Ф. 1150.Оп. 1.Д. 90.Л 64.
3. ШИХММ им. М.В. Фрунзе. Инв. № 20.
4. *Примеч.редактора:* Согласно Декрету СНК от 26.01.18 все даты старого стиля должны были быть пересчитаны на новый с прибавкой 13 дней, что и сделал в своей второй биографии И. Власов. На первых порах достоянием лишь немногих дотошных историков было знание того, что в XIX в.

вплоть до 27.02.1900 даты надо пересчитывать на 12 дней (в чём и состоит причина его ошибки), а в XVIII в. так и вообще - на 11 (так как расхождение Юлианского и Григорианского календарей составляет 3 дня за 400 лет).

5. Д. И. Шаховской (1862 – 1939) – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, земский деятель, кооператор, масон, член ЦК кадетской партии, депутат 1-й Государственной Думы, соредактор «Северного Края». Во Временном правительстве – министр государственного призрения.
6. Н.П. Дружинин впоследствии стал редактором кадетской газеты «Голос» в Ярославле.
7. В ответе И. И. Власова, который находится в ГАИО, указано, что его аресты происходили в 1901 и 1902 гг. (ГАИО. Ф. 1150.Оп. 1.Д. 90.Л. 64).
8. П. И. Новгородцев (1866 – 1924) – доктор государственного права (с 1902 г.), в 1896 – 1903 гг., 1907 – 1911 гг. приват-доцент, с 1903 г. – экстраординарный, а в 1904 – 1906 гг. ординарный профессор Московского университета. Депутат 1-й Государственной Думы, член ЦК партии кадетов. См. подробнее: Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. 1991.
9. ГАИО. Ф. 1150.Оп. 1.Д. 1.Л.4.
10. История города Иванова. Часть 2. Иваново социалистическое. Иваново.1962. С. 18 – 19.
11. В. А. Маклаков (1870 – 1957) – адвокат, депутат 2-й Государственной Думы, член ЦК партии кадетов; посол России во Франции в 1917 г., депутат Учредительного собрания от Москвы.
12. ГАИО. Ф. 1150.Оп. 1Д. 1. Л. 15 – 16.
13. На эту должность он был назначен 25 апреля 1919 года. См. подробнее: Орлов Д.Л. Иваново-Вознесенский губернский музей. 1919. Иваново. 2022. С. 26, 32, 40, 42, 44, 46, 52, 63, 64, 69.
14. См.: Кузница текстильных кадров. Иваново. 1981; 50 лет Ивановского энергетического института имени В. И. Ленина. М. 1968; Кириллов И. Н. Паначин Ф. Г. Подвиг большевика. Иваново. 1957. С. 158 – 159; В. И. Ленин и трудящиеся Иваново-Вознесенского края. Ярославль. 1969. С. 43–44 и др.
15. Биографический и библиографический справочник профессоров и преподавателей Ивановской государственной архитектурно-строительной академии за истекшие двадцать лет её существования с 1981 по 2001 гг. Иваново. 2001. С. 11; Семененко А.М. И.И. Власов и Иваново-Вознесенск: штрихи к портрету.// Иваново-Вознесенский юридический вестник. 2002. №1.С.37-39; Семененко А.М. Власов И.И. Образование Иваново-Вознесенского политехнического института (из личных воспоминаний).// Интеллигенция и мир. 2003. № 1-2. С. 105-114.
16. Почивалова Е.И., Койфман О.И. История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске. Иваново. 2010. С. 28.
17. Почивалова Е.И., Койфман О.И. Указ. Соч. С. 37.
18. Там же. С. I.
19. Орлов Д.Л. «Здание освободить от гробов!» или история одной мечты. // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. 2007. № 12. С. 28-32.
20. См.: Захарова О.И. Власов Иван Иванович – руководитель Иваново-Вознесенского губархива в 1920-1922 гг.// Официальный сайт Государственного архива Ивановской области: https://ivarh.ru/k-100-letiyu-arhivnoy-slujby-ivanovskoy-oblasti-i-gaio/vlasov-ivan-ivanovich-%E2%80%93-rukovoditel-ivanovo-voznesenskogo-gubarhiva-v-1920-1922-gg.-164.
21. Власов И.И. Иваново-Вознесенский губернский музей. // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник (календарь-справочник) на 1920 год. Иваново-Вознесенск. 1920. С. 187-190.
22. Там же. С. 187.
23. Там же. С. 190.
24. См.: Захарова О.И. Указ. Соч.

Е.С. Ставровский

Поиски биографических данных о шуйских новомучениках 1922 года

13–16 августа 2000 г. Освящённый Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых среди других мучеников за веру протоиерея Воскресенского собора Павла Светозарова, иерея Иоанна Рождественского, мирян Петра Языкова, Николая Малкова, Авксентия Калашникова, Сергея Мефодиева, Анастасию Шилову. Если по представителям духовенства имелась некоторая биографическая информация, то по мирянам практически ничего не было известно. Примерно с начала 2001 г. автором начат поиск сведений о шуйских новомучениках 1922 г.

На первом этапе поисков было всего два основных источника – труд о. Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники Русской Православной Церкви…»[1] и книга В.И. Баделина «Золото церкви»[2]. Скудный объём информации можно оценить по биографическим справкам, опубликованным в первых томах «Православной энциклопедии», например, по Авксентию Калашникову[3].

У Петра Ивановича Языкова были известны год и место рождения, у остальных максимум – фамилия, имя и возраст. Даже отчество у многих не было известно.

Поэтому архивные поиски были начаты именно с Петра Языкова. В Государственном архиве Ивановской области были просмотрены метрические книги городских храмов Шуи, и без особых проблем обнаружена нужная запись.

Святой мученик Пётр родился 29 августа 1881 г. в Шуе. На следующий день был крёщен в Шуйском Воскресенском соборе[4].

Затем, двигаясь «вглубь истории», в метрических книгах Воскресенского собора был найден факт венчания его родителей, которое произошло 18 января 1876 г. Отец святого мученика Петра записан как «шуйский мещанский сын Иван Фёдорович Скворцов, Языков тож, 21 года», мать же названа как «отставного солдата Александра Платонова дочь девица Пелагея Александровна, 16 лет». Мещане Языковы на протяжении долгого времени были прихожанами Воскресенского собора.

14 января 1908 г. Пётр Иванович Языков венчался в Воскресенском соборе с шуйской мещанской дочерью Натальей Иустиновной Гнусиной (1888 г.р.). Обряд венчания совершал о. Павел Светозаров, через 14 лет волею Божией оказавшийся плечом к плечу со своим духовным сыном на казни ночью 10 мая 1922 года.

Пётр Языков с 1915 г. участвовал в сражениях Первой мировой войны как старший унтер-офицер 11-го Кавказского полка. Попал в плен, где провёл долгие 3 года 9 месяцев.

Из его биографии видно, почему на суде он был признан «особо опасным» – он был в народе уважаем, его слово много значило для людей.

Второй непосредственно шуйский из новомучеников – Сергей Мефодиев. Из материалов газет того времени известно: «Сергей Мефодьев, 36 лет, печной мастер». Получается, год его рождения 1886 или около того. Просмотр метрических книг всех приходских храмов Шуи позволил получить искомую информацию.

Хотя не всё так просто, как кажется в теории. Основных шуйских церквей, где могли крестить новорожденного, было не так мало: Воскресенский собор, церкви Покровская, Крестовоздвиженская, Спасская, Троицкая, Васильевская Васильевская больничная, Алексеевская больничная, Всехсвятская, да ещё храмы окраинно-пригородные – в сёлах Петропавловское, Мельничное, Юрчаково, Взорново. То есть, при поиске нужно брать в расчёт не менее 10-12 церквей.

На сей раз поиски «привели» в Троицкий храм. Святой мученик Сергий Мефодиев родился 13 ноября 1886 г. в семье шуйского мещанина Ивана Никитича Мефодиева и его жены Пелагеи Гавриловны. Крещён Сергий на следующий день в Троицкой церкви г. Шуи. Крёстные его: дед (по матери) – шуйский мещанин Гавриил Григорьевич Добродеев и села Афанасьевского крестьянская жена Елизавета Давыдовна Поливанова[5].

Отец Сергия – «солдатский сын», в начале 1870-х гг. носивший фамилию Щепцов, но уже к концу 70-х ставший Мефодиевым. Мать была дочерью шуйского мещанина Гавриила Григорьевича Добродеева и его жены Анастасии Дмитриевны.

В метрических книгах были обнаружены и другие дети в семье Мефодиевых: Иван (10.02.1873), Екатерина (02.11.1875), Мария (01.04.1877), Дмитрий (15.05.1879), Василий (08.04.1881), Семён (20.04.1883), Иосиф (16.03.1890). Мария и Дмитрий умерли в младенческом возрасте.

Сергий Иванович жил в Шуе в Крутицком переулке в собственном доме. С 1909 г. был на военной службе, во время Первой мировой служил в 17-м Сибирском стрелковом полку, в июле 1916 г. получил ранение в плечо. В годы революции вернулся в родной город, работал печным мастером, но в 1922 г. числился безработным. Где он похоронен, неизвестно, но вероятнее всего на Троицком кладбище, так как Мефодиевы были прихожанами Троицкого храма.

Поиски по другим святым людям оказались более трудоёмкими. Авксентий, Николай и Анастасия – выходцы из крестьян (причём не только Шуйского уезда). У Авксентия и Николая был известен возраст, хотя, как показывает опыт генеалогических поисков, он часто бывает неточным. Пришлось искать их сплошным просмотром метрических книг храмов сёл шуйской округи (всего на территории Шуйского района было тогда 25 приходских церквей). Хорошо, хотя бы, что фамилии Калашников и Малков не относились к числу наиболее популярных.

Святой мученик Авксентий Калашников родился 6 декабря 1891 г. в деревне Калинкино Дуниловской волости. Крещён был в тот же день в Благовещенской церкви села Дунилово священником Матфеем Миловидовым. Крёстными его в

церковной книге записаны: местный псаломщик Алексей Петрович Беляев и крестьянская жена Прасковья Яковлевна Жукова[6].

Из метрических книг храма села Дунилово стали известны различные сведения по семейству Калашниковых-Калачовых.

Отец Авксентия – крестьянин деревни Калинкино Никита Прокопьевич Калачов был женат дважды. Первая его жена, Акилина Николаевна Смолина, – крестьянка из д. Посохово, умерла 28 декабря 1882 года. Почти через год, 4 ноября 1883 года, Никита Калачов обвенчался в Благовещенской церкви села Дунилово с Татьяной Андреевной Огневой.

Т.А. Огнева родилась 2 января 1864 г. в многодетной семье крестьянина д. Семейкино (Дуниловского прихода) Андрея Васильевича Огнева и его жены Веры Петровны.

В семье Никиты и Татьяны Калашниковых (иногда они назывались Калачовыми), кроме Авксентия, были ещё дети: сыновья Прокопий (1887), Кузьма (1890) и Иосиф (?), дочери Татьяна (06.01.1896) и Евлампия (26.09.1901). Младшие сыновья Василий (1898) и Тарасий (1900) умерли во младенчестве.

6 ноября 1911 года в Покровской церкви с. Дунилово венчались «крестьянский сын Авксентий Никитич Калачов, 19 лет» и «д. Змиево крестьянская дочь Ольга Терентьевна Юрова, 21 года». 30 сентября 1912 г. у них родилась дочь Параскева, которую они крестили в селе Афанасьевском. С первой женой Авксентий Никитич прожил недолго: 1 февраля 1915 г. Ольга Терентьевна умерла от чахотки и была похоронена в Шуе на Троицком кладбище.

5 апреля 1915 г. А.Н. Калашников венчался в Петропавловской церкви Шуи с Прасковьей Абрамовной Касиной. Супруга его родилась 15 октября 1893 г. в д. Новички Афанасьевской волости в семье крестьянина Абрама Лавровича Касина и его жены Екатерины Никитичны. Уже в начале XX века Касины жили в Шуе в приходе Петропавловской церкви, куда Калашниковы приехали немного позже.

В семье Авксентия и Прасковьи 22 декабря 1915 г. родилась дочь Анастасия. Вскоре появился на свет сын Павел, родившийся 14 декабря 1917 г.

Интересно отметить, что венчал Авксентия Калашникова в 1915 году и крестил его детей в Петропавловской церкви местный священник Алексей Александрович Доброхотов, родной брат священномученика Иоанна Доброхотова.

Святой мученик Николай Малков родился 2 марта 1901 года в семье крестьянина д. Конопляново Шуйского уезда Ефима Константиновича Малкова (1874-1917) и его жены Анны Ивановны. Крещён в тот же день в Троицкой церкви села Васильевского местным священником Евгением Беневоленским. Крёстными его были: «отец родителя» крестьянин той же деревни Константин Васильевич Малков и «сестра матери д. Теплово крестьянская девица» Наталия Ивановна Каллистратова[7].

Отсюда видно, что мать Н.Е. Малкова происходит из крестьян д. Теплово того же прихода с. Васильевского. У Николая Малкова был брат Александр (1905-1958) и три сестры – Анастасия, Елена (01.06.1908) и Мария (22.07.1910).

Известно, что в 1910 г. Малковы жили в Шуе в собственном доме на Рыковской улице и были прихожанами Спасской церкви. Мария Ефимовна Малкова, сестра новомученика Николая, жила в родительском доме до самой смерти. Из короткой биографии святого мученика известно, что он работал счетоводом в конторе шубного завода. В 1919 г. его семья жила на 2-й Мещанской улице.

В 1922 г. ему шёл только 22-й год. Опознал тело убитого его младший брат Александр. Похоронен святой мученик Николай Малков на Троицком кладбище.

Окончательно подтвердили верность архивных поисков проживающие в Шуе родственники новомучеников: по св. Николаю – его племянница Л.А. Семёнова и более дальняя родня, по св. Авксентию – его внучки Н.П. Калашникова и О.П. Колобова (информацию собрал о. Вячеслав Камышев – настоятель Петропавловской церкви г. Шуя).

Наибольшие сложности возникли при поиске хоть каких-либо сведений о погибшей возле стен собора 15 марта 1922 года женщине, называемой в официальных документах и в газетных публикациях как «девица Анастасия».

В документах Государственного архива Ивановской области (благодаря участию работников архива) в марте 2005 г. удалось обнаружить список шуян, умерших в марте 1922 года. В день 15 марта под номерами 192…195 записаны подряд четверо, это – Авксентий Калашников, Николай Малков, Сергей Мефодиев и Анастасия Шилова[8]. Нет никаких сомнений, что эти люди погибли у собора, и среди них была Анастасия по фамилии Шилова.

Из упомянутого документа стала известна не только её фамилия, но и место проживания – д. Поповская Пупковской волости. Деревня Поповская находилась в приходе села Чернцы, поэтому дальнейшие поиски были перенесены на документы Ильинской церкви данного села, прежде всего исповедные ведомости и метрические книги.

Исповедные ведомости Ильинской церкви подтвердили, что в д. Поповская проживали крестьяне Шиловы, среди которых была только одна Анастасия. Далее удалось найти её венчание, где было написано её полное имя – Анастасия Егоровна Уткина. 17 января 1910 г. Анастасия Уткина венчалась в Ильинской церкви с. Чернцы с Николаем Ивановичем Шиловым, крестьянским сыном из д. Поповская. В метриках записано её происхождение – д. Сельцо близ с. Вознесенье Ковровского уезда[9].

Родилась она в 1892 году в деревне Сельцо в семье крестьянина (отставного солдата) Егора Ивановича Уткина (1854-08.03.1892) и его жены Александры Алексеевны (1857-?). Отец умер от чахотки в год её рождения и был похоронен в с. Вознесенье. Егор Иванович – сын крестьянина д. Сельцо Ивана Егоровича. Александра Алексеевна происходит из крестьянской семьи д. Лядиниха (близ села Польки). Венчались Егор и Александра в церкви с. Вознесенье 23 мая 1875 г.

В семье Уткиных кроме Анастасии были дети: Фёдор (ок.1880 г.р.), Клавдия (20.05.1884), Анна (02.09.1885), Мария (05.02.1887), Пётр (17.05.1889). Старшие

Фёдор, Клавдия, Анна и Мария ещё до революции обосновались в Шуе. Мария Егоровна (по мужу Павлова) к 1922 г. жила на ул. 3-я Полянка в доме Туманова. Сестра Клавдия жила с мужем на Бутырках в доме Чернова.

Анастасия Уткина приехала в Шую, вероятно, именно вслед за сёстрами, работала ткачихой на одной из шуйских фабрик. Жила она в доме мужа в д. Поповской, но в сентябре 1910 г. стала вдовой – Н.И. Шилов умер от чахотки. Детей у них не было.

После смерти мужа Анастасия Егоровна продолжила жить в д. Поповской, также работала на фабрике. 15 марта 1922 г. она, как и многие из её смены, пришла к собору, чтобы выразить свой протест против «изъятия» ценностей из главного шуйского храма. Убитую Анастасию опознали её сёстры Мария и Клавдия. Похоронили св. Анастасию в Шуе на Троицком кладбище.

Основная часть биографических сведений была собрана за период с 2001 г. по 2006 г., но процесс поиска продолжился и в дальнейшем. Так всегда бывает: сначала находишь много нового («снимаешь сливки»), а затем часто приходится довольствоваться «мелочами» (хотя мелочь мелочи рознь!). Например, некоторое время назад в недрах Интернета удалось обнаружить списки россиян, получивших ранения в боях Первой мировой. Был в этих списках и шуянин Сергей Мефодиев.

Но не все вопросы на сегодняшний день разрешены. Не найдены пока сведения об образовании шуйских новомучеников – двое могли учиться в городских школах, остальные – в земских или церковно-приходских. Не известна точная дата рождения Анастасии Шиловой – крестили её (почему-то) не в приходском храме с. Вознесенье, а в каком-то другом. Большой удачей будет, если когда-нибудь найдутся фотографии шуйских святых – из пятерых мирян есть фото только Авксентия Калашникова. Ещё предстоит установить судьбы родственников новомучеников – их братьев-сестёр и потомков. Уверен, что находки ещё ждут нас…

1. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь: Изд-во «Булат», 1996. Кн. 2.
2. Баделин В.И. Золото церкви. Исторический очерк. Иваново: «Экологический вестник», 1995.
3. Православная энциклопедия. – http://www.pravenc.ru
4. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 858. Оп. 2. Д. 13. Л. 13об.
5. ГАИО. Ф. 858. Оп. 2. Д 37. Л. 256об.
6. ГАИО. Ф. 858. Оп. 2. Д 30. Л. 8об.
7. ГАИО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАИО. Ф. Р2252. Оп. 3. Д. 13.
9. ГАИО. Ф. 394. Оп. 11. Д. 102. Л. 90об.

Д.Ю. Кривцов

Нижегородское монашество в условиях послереволюционных большевистских гонений

В Нижегородской губернии проведение большевистской антицерковной политики практически с самого начала приобрело характер кровавого террора. Причём, именно монашество вызывало особую неприязнь у организаторов этой политики. Губернская комиссия по отделению Церкви от государства, которая в Нижнем Новгороде была создана одной из первых в стране, разработала специальную инструкцию по закрытию монастырей. Заведовавший этой комиссией К.С.Карпов в одном из своих докладов предлагал закрыть обители, «распуская тунеядные верхи и привлекая трудовой монашеский элемент к общему строительству новой жизни»[1]. Но на практике «новую жизнь» (со всеми её богоборческими прелестями) удалось увидеть далеко не всем насельникам нижегородских монастырей; некоторые из них были казнены большевиками ещё до истечения первого года советской власти.

Среди первых жертв большевистского террора на нижегородчине был настоятель Оранского Богородицкого мужского монастыря архимандрит Августин (Пятницкий), расстрелянный на Мочальном острове на Волге 18 августа 1918 г.

Мочальный остров

Отец Августин был перемещён в Нижегородскую епархию весной 1917 г. и указом архиепископа Иоакима (Левицкого) с 1 июня был назначен наместником Оранского монастыря. В январе 1918 г. жители села Оранки обратились к архимандриту Августину с просьбой помочь голодающим крестьянам, создав для этого специальное общество. Тот обещал оказать помощь, но в феврале на основании декрета большевиков «О земле» местный Алистеевский волостной земельный отдел национализировал все земельные угодья монастыря. Архимандрит Августин отправился в ближайшие селения оповестить об этом местных жителей, за что был арестован 26 февраля 1918 г. Возможно, вскоре архимандрит Августин был отпущен на свободу по ходатайству епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии Лаврентия (Князева), так как в марте того же года под председательством наместника состоялось собрание о ликвидации монастырского общества помощи голодающим «ввиду трудности добывания продуктов питания», а собранные ранее деньги были переданы Оранскому кредитному товариществу. 18 июля 1918 г. архимандрит Августин был вновь арестован по ложному доносу, обвинявшего его в «хищении монастырских средств» и «контрреволюционной пропаганде среди крестьян». На допросах он виновным себя не признал, и в ночь с 30 на 31 августа 1918 г. предстал перед военно-революционным трибуналом, на котором отказался признать советскую власть. Решением трибунала архимандрит Августин и ещё 15 человек были приговорены к расстрелу[2].

Обстоятельства этой трагической смерти сохранились на страницах дневника насельника Оранского монастыря иеромонаха Алексия (Воскресенского). По его свидетельству, приговорённые к расстрелу на рассвете 31 августа были посажены на пароход и по пути к месту казни отслужили по себе заживо панихиду. «По прибытии на остров все обречённые на смерть были расставлены, как это требовалось. Архимандрит Августин стоял бодро, бесстрашно смотря на красноармейцев, готовившихся дать залп. И он раздался, но архимандрит продолжал стоять, его повторили и во второй раз, и в третий раз, но, к удивлению всех, он всё ещё продолжал стоять. И только после четвёртого залпа пал мёртвым и был красноармейцами погребён или, точнее, только присыпан землёю с другими своими товарищами по смерти, настолько небрежно, что жители слободы Старых Печёр впоследствии сами должны были засыпать землёю общую могилу убиенных…»[3].

Впрочем, первая кровь из-за большевистского вторжения в жизнь нижегородских обителей пролилась много ранее вышеописанной трагедии. Это случилось ещё весной 1918 г. В апреле 1918 г. перед Вербным воскресеньем в Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь явился комиссар по церковным делам с намерением описать монастырское имущество. Игуменья Мария отказалась выдать ему ключи и заявила, что никакой описи произвести не позволит. Комиссар вызвал вооружённый отряд, а монахини ударили в набат. Кто-то из паломников, прибывших в обитель на праздник, выстрелил, ранив красногвардейца; в ответ отряд открыл огонь, убив двух паломников. Ещё с обеих сторон было ранено четыре человека[4].

Среди нижегородцев устойчиво бытует представление о том, что большевистские власти собирались устроить на территории обители концентрационный лагерь для заложников из городского дворянства, священников и интеллигенции, но документов, прямо или косвенно подтверждающих реальное существование концлагеря в Крестовоздвиженском монастыре, пока не найдено[5]. Однако и без того жизнь обители была необратимо расстроена. После реквизиции трапезного корпуса под военный архив кушанья монахиням пришлось отпускать по кельям. Монастырская школа была причислена к советской школе первой ступени и изъята из ведения монастыря. Кладбище также было взято в ведение города. Больница, имевшая ранее 10-12 кроватей, стала военным госпиталем, куда поместили до 50 человек. Помещения монастыря – подвал Красного корпуса, сараи, дровники, каретники, коровники, – по ордеру жилищно-земельного отдела были заняты под Военный Архив, а квартиры переданы в распоряжение частных граждан. Прачечная сестёр была взята военными,баня стала использоваться для сушки медицинского белья. Сёстры оказались принуждены обслуживать военный госпиталь, стирать бельё для раненых. В 1919 г. Крестовоздвиженский монастырь в Нижнем Новгороде был закрыт, а его насельницы вынуждены были преобразоваться в трудовую артель, взяв здания своей собственной обители в аренду[7].

А ещё раньше, в 1918 году, был закрыт Нижегородский мужской Благовещенский монастырь, став одной из самых первых в России иноческих обителей,

Северо-восточный корпус Благовещенского монастыря до реставрации. Фото ГСНРПМ, 1977 г.

ликвидированных большевиками. В течение десяти лет в обители при надвратной Андреевской церкви продолжала действовать небольшая, около 100 человек, община верующих, которую возглавлял архимандрит Иосиф (Каменецкий), но в феврале 1928 года и она была ликвидирована[8].

Сразу после закрытия Благовещенского монастыря его помещения стали раздаваться советской властью сторонним лицам и организациям. Первыми в архимандричий корпус заселились 125 учащихся школы им. М.Ю. Лермонтова. В дальнейшем они заняли монастырскую трапезную, превратив её в столовую и физкультурный зал. А после закрытия последнего монастырского храма школа требовала и его передать ей под классную комнату. Различные жилые помещения в обители были отданы под квартиры для светских лиц. Но бо́льшая часть бывшего монастыря оказалась в ведении 17-й стрелковой дивизии. Военные заняли склады и другие хозяйственные постройки,разместили там свой обозный транспорт. До 1928 г. в стенах обители производились постройки лодок, ремонт экипажей, ковка лошадей и тому подобные работы, пока, наконец, военно-обозное хозяйство не было выселено оттуда по требованию Губернского музея[9].

Монастырь был принят под охрану местным Губернским музеем в 1924 г. по просьбе приходского совета Андреевской церкви. Верующие надеялись, что тем самым обитель будет спасена от окончательного разрушения. Однако и сам музей продолжил сдавать помещение монастыря различным арендаторам. В 1929 г. в Благовещенском соборе разместился клуб инвалидов. С 30-х гг. XX в. в Благовещенском соборе, Алексеевской церкви и одном из монастырских жилых корпусов складировались документы Нижегородского архива[10].

Под предлогом борьбы с голодом в Поволжье в 1922 году из храмов Благовещенского монастыря были изъяты все остатки богослужебных предметов из драгоценных металлов – 135 предметов общим весом в 8 пудов 39 фунтов 57 золотников 77 долей серебра[11]. И в дальнейшем музейные работники не оставляли попыток получить в свои руки монастырские святыни, ещё остававшиеся у верующих. В январе 1927 г. Подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины предлагал общине верующих монастыря выдать ему иконы Одигитрии, Владимирскую и Страстную из Успенской церкви, а также шитую пелену XVII века с изображением Благовещения. В конце января 1928 г. церковному совету предлагалось выдать реставратору И.А. Баранову икону Преображения Господня и выносной Крест «для помещения их в музей». А в феврале того же года община была ликвидирована и всё принадлежавшее ей имущество было передано в Госфонд[13]. В июне 1929 г. из монастыря были изъяты для продажи за границей 21 икона второй половины XVIII в., оценённые нижегородскими музейщиками всего в 230 рублей[14].

В октябре 1929 г. музей не стал возражать против внутренних перестроек собора и снятия с куполов крестов. Колокола же, которые, по мнению руководства Нижкраймузея, не представляли «особенной историко-художественной ценности», в 1930 г. были проданы тресту «Металлом». Причём, снимали их вар-

варски: проводилось расширение пролётов арок колоколен, разрушали столбы и каменные перила. Несмотря на договоренность Горьковского краевого музея с заказчиком, последний разрушенные памятники зодчества ремонтировать отказывался[15].

Таковы оказались реалии «новой жизни», которую сулили нижегородским инокам и инокиням красные богоборцы.

1. *Галай Ю.Г.* Благовещенский монастырь в советское время // *Он же.*Храня истории следы. Н.Новгород, 2014. С. 268.
2. О жизни архим. Августина (Пятницкого) см.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь,1992. С. 123; *Власова Е.И.* Августин (Пятницкий; 1884, г. Лодейное Поле Олонецкой губ. – 31.08.1918, близ Н.Новгорода) // Православная энциклопедия. Т. I. А–Алексий Студит. М., 2000. С. 113; *Тихон (Затёкин), игум.* Жизнеописание наместника Оранского монастыря архим. Августина (Пятницкого) // Нижегородская старина. 2006. № 11. С. 36–44.
3. О расстреле на Мочальном острове 31 августа 1918 г. подробнее см.: *Смирнов С.А.*Утопия у власти. Красный террор в Нижегородской губернии (1918–1922 гг.) // Нижегородская старина. 2015. № 43–44. С. 60–61.
4. *Галай Ю.Г.* Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь [Электронный ресурс]: URL: http://opentextnn.ru/old/history/familisarchives/note/35/index.html@id=3453(дата обращения: 12.04.2022). Печатное издание данной статьи (*Галай Ю.Г.* Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь // Учёные записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры.Вып. 2. Н.Новгород, 1998. С. 80–92.) осталось нам недоступно.
5. Забвению не подлежит: Неизвестные страницы нижегородской истории (1918–1984 гг.). Кн. 2. Н.Новгород, 1993. С. 142. Нижегородскому журналисту и краеведу С.А. Смирнову удалось обнаружить в Центральном архиве Нижегородской области документ, свидетельствующий о том, что концлагерь в Нижнем Новгороде находился в здании бывшего тюремного замка на площади Острожной; но этот исследователь не исключает того, «что для временного размещения больших масс арестованных использовались и другие места, включая названный монастырь» (*Смирнов С.А.* Утопия у власти… С. 62.).
6. Рапорт Его Высокопреосвященству Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Евдокиму от игумении Марии // ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Ед. хр. 50. 1919 г.
7. *Филарета (Гажу), игуменья, Мацина Л.Е.* История Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря. Н.Новгород, 2014. С. 358.
8. *Галай Ю.Г.* Благовещенский монастырь в советское время. С. 269; *Кривцов Д.Ю., Шумилкин М.С.* Нижегородский в честь Благовещения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XLIX. Непеин – Никодим. М., 2018. С. 326–327.
9. *Галай Ю.Г.* Благовещенский монастырь в советское время. С. 269, 272.
10. Там же. С. 270, 272.
11. Там же.С. 269.
12. Там же. С. 270.
13. Там же. С. 271.
14. Там же. С. 273.
15. Там же. С. 272.

Д.М. Володихин

Много ли русские писатели говорят о гонениях на Русскую церковь?

К 100-летию расправы с верующими в городе Шуе

Эта небольшая статья выросла из доклада, прочитанного на конференции Издательского совета Русской Православной Церкви «Отражение в современной литературе и искусстве эпохи гонений на церковь в период 20–30-х годов прошлого века» (прошла 24 марта 2022 года).

Возможно, я сейчас проявлю невежество в отношении темы гонений на Церковь в советской России, но, как ни прискорбно, мне известно всего несколько ярких, мощно прозвучавших произведений художественной литературы, ей посвященных.

Это, во-первых, классический, широко известный рассказ о. Николая Блохина, сидельца за веру и лауреата Патриаршей литературной премии, под названием «Спецотряд имени товарища Диоклитиана». Рассказ посвящён убийству священника, простившего перед смертью своих убийц.

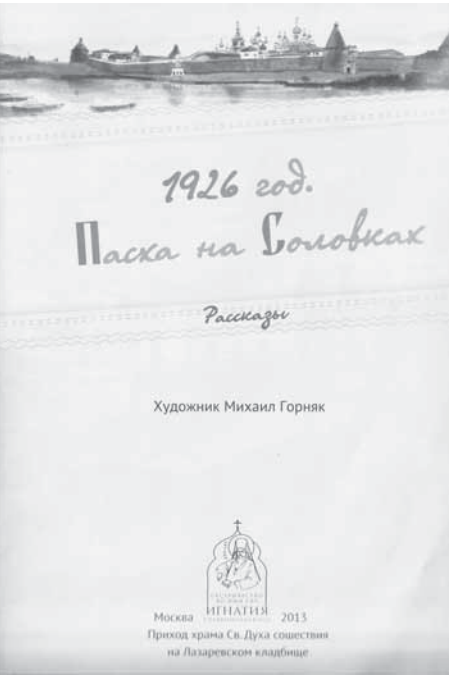
Во-вторых, роман Александра Яковлева, доктора исторических наук, номинанта Патриаршей литературной премии, посвящённый св. Тихону, патриарху Московскому и всея Руси, точнее говоря, гонениям, воздвигнутым на этого пастыря в послереволюционный период.

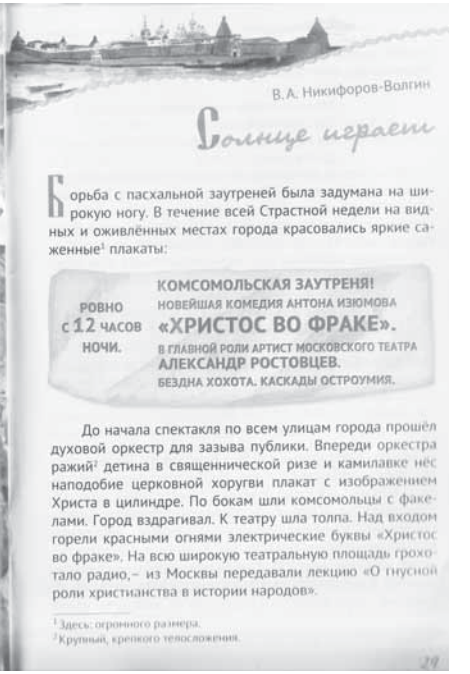
Третье и четвёртое произведения обязаны своим рождением Издательскому совету Русской Православной Церкви и, в частности, литературному конкурсу «Новая библиотека». Оба они написаны лауреатами названного конкурса. Это роман Екатерины Федорчук «Трибунал», рассказывающий о расправе, учинённой над духовенством Саратова в 1918 году, и роман Натальи Иртениной «Багряные ризы», повествующий о расправах над московскими священниками, совершённых революционной властью в первый год её существования.

Та же Иртенина, кстати, сейчас дописывает новый роман, в котором раскрывается история гонений на Церковь в 1937 году. А у Федорчук на выходе (может быть, уже вышла) книга «Последнее письмо» – повесть о завершающем дне в земной судьбе святого мученика Юрия Новицкого.

Ещё одна вещь – «Неизвестная отчизна»: текст анонимный, рассказывающий о мытарствах ссыльного священника, прототипом которого возможно был о. Павел Аникиев(Санкт-Петербургская епархия), ушедший из жизни в ссылке, в 1932 году.

Надо отметить рассказ известного литератора русской эмиграции В.А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох», созданный в 1938 году. И здесь в центре внимания – тяжёлая судьба иерея в условиях торжествующей «коммунии». У это-





В. А. Никифоров-Волгин

Солнце играет

Борьба с пасхальной заутреней была задумана на широкую ногу. В течение всей Страстной недели на видных и оживлённых местах города красовались яркие саженные[1] плакаты:

РОВНО С 12 ЧАСОВ НОЧИ.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЗАУТРЕНЯ!
НОВЕЙШАЯ КОМЕДИЯ АНТОНА ИЗЮМОВА
«ХРИСТОС ВО ФРАКЕ».
В ГЛАВНОЙ РОЛИ АРТИСТ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА
АЛЕКСАНДР РОСТОВЦЕВ.
БЕЗДНА ХОХОТА. КАСКАДЫ ОСТРОУМИЯ.

До начала спектакля по всем улицам города прошёл духовой оркестр для зазыва публики. Впереди оркестра ражий[2] детина в священнической ризе и камилавке нёс наподобие церковной хоругви плакат с изображением Христа в цилиндре. По бокам шли комсомольцы с факелами. Город вздрагивал. К театру шла толпа. Над входом горели красными огнями электрические буквы «Христос во фраке». На всю широкую театральную площадь грохотало радио,– из Москвы передавали лекцию «О гнусной роли христианства в истории народов».

[1] Здесь: огромного размера.
[2] Крупный, крепкого телосложения.

го же автора есть и другие рассказы об исповедническом подвиге православного народа, например крошечная зарисовка «Солнце играет» (об артисте-богохульнике, остановленном Самим Богом).[1]

Некое срединное место между литературой документальной и художественной занимает книга «Отец Арсений», появившаяся в брежневские времена. Книга посвящена иеромонаху Арсению (Стрельцову), сполна хлебнувшему лагерной водицы. Предисловие к одному из её многочисленных изданий сообщает, что это «сборник литературно обработанных свидетельств очевидцев о жизни современного святого – преподобного, исповедника – их духовного отца».

Мягко говоря, негусто…

Хотя сама тема для христианского сознания – одна из центральных. Судьбы мучеников – это ведь драгоценный подарок от Бога нашей стране и нашему народу. За несколько десятилетий и в рамках одного государства более тысячи человек принимали муки за Христа и публично подтверждали, как истинные исповедники, свою веру, хотя за это им грозили страшные лишения, пытки, смерть. Россия получила религиозный опыт, сопоставимый с опытом раннего христианства, только гонения на ранних христиан растянуты на столетия, а у нас муки, принятые верующими от богоборческой власти, сконцентрированы на «пятачке» в несколько десятилетий. Всему миру христианскому следовало бы знать жития тысяч русских мучеников и исповедников совершенно так же, как знает он жития раннехристианских мучеников и исповедников, ведь никакой принципиальной разницы между первыми и вторыми нет. Тот же Николай Блохин это очень хорошо понимал давным-давно, а в наши дни понимание сего факта, как ни прискорбно, несколько подрассеялось…

Может быть, я чего-то не знаю, буду благодарен за напоминание и разъяснение, но больших, притом широко известных произведений художественной литературы в строгом смысле этого слова, специально посвященных теме гонений на Русскую церковь, мне больше припомнить не удалось. «Гражданских житий», полулитературно-полудокументальных биографий, очерков, публицистики, научно-популярной литературы – очень много, а вот крупных рассказов, повестей, романов – просто кот наплакал.

Остается констатировать: тема ещё не «освоена», что называется, даже на один процент, и тут и Церкви нашей, и писательскому сообществу ещё работать и работать, закатав рукава.

А пока – острова припоминания в океане забвения…

1. В сборнике «1926. Пасха на Соловках», вместе с двумя рассказами Б.Н. Ширяева // М. Приход храма Святого Духа сошествия. 2013. На с. 41 нашего выпуска – иллюстрации из этой книги.

Ðàçäåë II

Èñòîðèÿ Þæñêîé çåìëè è ñìåæíûõ ñ íåé

К.Е. Балдин

Родственное окружение купеческой семьи Балиных в XVIII – начале XX в.

В условиях модернизации, начавшейся после крестьянской реформы 1861 года, в России, наряду с зарождавшимся делением населения на классы, сохранялась довольно отчётливая сословная структура. Одним из привилегированных сословий в это время являлось купечество, представители которого в большинстве своём являлись выходцами из крестьян. Матримониальные траектории молодёжи из купеческих семей были, как правило, пассивными, т.к. выбор женихов и невест оставался за родителями. Здесь круг потенциальных партнёров был ограничен сословными рамками. Данная закономерность наглядно прослеживается на примере семьи текстильных фабрикантов Балиных из села Южа Вязниковского уезда Владимирской губернии.

У основателя рода Балиных – Степана Балина, происходившего из села Горицы Шуйского уезда – были четыре сына: Борис, Иван, Василий и Герасим. Магистральная предпринимательская ветвь Балиных пошла от Ивана, его правнуком стал Асинкрит Яковлевич Балин – наиболее известный из владельцев прядильно-ткацкой фабрики в селе Южа. Самый младший из вышеперечисленных братьев – Герасим – являлся шуйским купцом 3-й гильдии. Его дочь Анна Герасимовна, родившаяся в 1766 году, породнилась с известными шуйскими предпринимателями Корниловыми, выйдя замуж за Михаила Ивановича Корнилова, который был старше её на десять лет[1]. Корниловы представляли собой одну из старинных предпринимательских семей в уездном городе Шуе, упоминались в делопроизводственных документах ещё в XVII столетии. Первый историк Шуи В.А. Борисов в своём исследовании («Описание города Шуи и его окрестностей») отмечал, что основателями самых ранних полотняных (т.е. льняных) «фабрик» являлись здесь купцы Игумновы, Шиловы. Корниловы, Софонеевы и Носовы[2]. Разумеется, это были всего лишь мануфактуры, а не фабрики, но до революции

последний из двух терминов употреблялся очень широко, даже для обозначения крупных ремесленных мастерских.

В территориальном отношении женитьба Анны Герасимовны Балиной на М.И. Корнилове была не случайной. В конце XVIII – первой половине XIX вв. поле предпринимательской активности Балиных лежало пока не в Юже Вязниковского уезда, а в северной части Шуйского уезда, где находились родные для них старинные сёла Дунилово и Горицы.

Муж А. Г. Балиной – Михаил Иванович – в отличие от многих своих родственников, занимался не производством, а торговлей, состоял в 3-й купеческой гильдии – низшей из всех. Таким образом, можно констатировать, что его достижения в бизнесе были довольно скромными. Некоторые его родственники из довольно многочисленной семьи Корниловых были более удачливыми, владея промышленными предприятиями – как кожевенными, так и текстильными: сначала полотняными, а затем – хлопчатобумажными[3].

Ещё одной родственной, а точнее свойственной, Балиным семьёй стали Красильщиковы. Сестра Асинкрита Яковлевича Балина – Анна Яковлевна – в 1841 году вышла замуж за Василия Ивановича Красильщикова, принадлежавшего к известному роду текстильных фабрикантов. Основателем его являлся государственный крестьянин Григорий Михайлов. Односельчане дали ему прозвище «Красильщик» оттого, что ему принадлежало небольшое красильное заведение в селе Родники Юрьевецкого уезда Костромской губернии. В дальнейшем производственная кличка превратилась в полноценную фамилию.

Род Красильщиковых был довольно многочисленным, а их генеалогическое дерево разветвлённым. Основная его линия шла через Николая Михайловича Красильщикова, который являлся двоюродным братом Василия Ивановича, женившегося на Анне Балиной. Именно эта линия родниковских предпринимателей на рубеже XIX и XX столетий владела крупнейшим предприятием текстильного края – фабрикой «Товарищества мануфактур А. Красильщиковой с Сыновьями». По данным за 1913 г. на ней трудились 8200 рабочих и служащих – больше, чем на любом другом предприятии Иваново-Вознесенского промышленного района.

Хозяева этого предприятия, в частности Николай Михайлович Красильщиков, считали, что грамотный текстильщик с широким кругозором будет трудиться гораздо продуктивнее, чем тёмный и склонный к пьянству рабочий, озлобленный на весь окружающий мир. В 1903 г. в Родниках ими был построен значительный по размерам Народный дом – многопрофильный досугово-просветительный центр. По своему функциональному назначению он был очень похож на народный дом, построенный Балиными в Юже для своих рабочих и служащих. В родниковском нардоме действовали кружки: театральный и церковного пения. На фабрике был также свой танцевальный коллектив, струнный и большой духовой оркестр. Они организовывали для рабочих и служащих воскресные общеобразовательные чтения. В начале XX века на содержание культурно-просветительных

учреждений Товарищество мануфактур А. Красильщиковой ежегодно тратило в среднем по 112 тыс. рублей[4].

Наряду с семьёй Красильщиковых, владевшей этим огромным предприятием, в том же селе Родники работала ещё одна фабрика, которая принадлежала правнуку «дедушки Григория» – Михаилу Ивановичу. В начале XX в. она стала базой для организации «Товарищества мануфактур Наследников Михаила Ивановича Красильщикова». Братом этого М.И. Красильщикова являлся муж Анны Яковлевны Балиной – Василий Иванович Красильщиков. Фабрика «Товарищества мануфактур Наследников М.И. Красильщикова» производила в основном неотделанные хлопчатобумажные ткани, которые отправлялись в набивку на иваново-вознесенские предприятия, в частности – на фабрику Куваевых, а потом сбывались в Москве и на украинских ярмарках. Такой способ производства и торговли тканями широко использовал в Юже А.Я. Балин. Вполне возможно, что его опыт был использован благодаря родственной связи Красильщиковых и Балиных[5].

По данным за 1913 год, на фабрике Товарищества мануфактур наследников М.И. Красильщикова» трудились 470 рабочих и служащих, которые обслуживали 263 ткацких станка и красильное оборудование. В то время годовое производство здесь составляло 800 тысяч рублей[6].

Родословная связь объединила шуйских купцов Балиных и кинешемских купцов Коноваловых. Это свидетельствовало о том, что родители иногда искали женихов и невест для своих дочерей и сыновей за пределами своей родной губернии: Шуйский уезд являлся частью Владимирской губернии, а Кинешемский уезд – Костромской.

Асинкрит Яковлевич Балин выдал свою старшую дочь Анфису за потомственного почётного гражданина Петра Кузьмича Коновалова. По неизвестным причинам последний не участвовал в дележе отцовского наследства (текстильной фабрики), т.е., судя по всему, он не отличался богатством. Его ветвь в семейной родословной представляется тупиковой в отношении предпринимательской удачи. Брак Анфисы Асинкритовны Балиной и Петра Кузьмича Коновалова был заключён в 1857 году. Через десятилетие П.К. Коновалов скончался, Анфиса пережила его ещё на десять лет и скончалась в 1877 году.

Гораздо более успешной стала деятельность двоюродного брата П.К. Коновалова, Никанора Ефимовича и его потомков. Внук Никанора, Иван Капитонович, стал одним из самых удачливых и богатых текстильных фабрикантов города Кинешмы. Он основал Анненскую мануфактуру – одно из крупнейших кинешемских предприятий. Годовое производство этой прядильно-ткацкой фабрики накануне Первой мировой войны составляло 1,5 миллиона рублей, здесь трудились полторы тысячи рабочих и служащих[7]

При этом нужно особо оговориться, что род Коноваловых, к которому принадлежали Пётр Кузьмич и Иван Капитонович, был не единственным в Кинешем-

ском уезде, который носил эту фамилию. Исследователям и широкой читающей публике гораздо больше известен другой предпринимательский клан Коноваловых, к которому принадлежал фабрикант из села Бонячки Кинешемского уезда Александр Иванович Коновалов. Это был известный российский политический деятель начала XX века, один из руководителей партии прогрессистов, вице-премьер Временного правительства в 1917 году.

Две родственные линии связывали Балиных с предпринимательским миром города Иваново-Вознесенска. Одна из них объединила (правда, ненадолго) южских фабрикантов с известной семьёй Куваевых, которая владела ситцепечатным предприятием.

Александр Асинкритович Балин женился в 1884 году на Ольге Харлампиевне Куваевой. Яков Ефимович Куваев (прадед Ольги) ещё в 1817 году основал мануфактуру, на которой производилась ручная отделка ситцев. В 1841 г. здесь была установлена первая печатная машина с конным приводом, а в 1857 году – первый паровой котел и паровая машина. Таким образом, мануфактура постепенно превращалась в фабрику. После Я.Е. Куваева ею владел его сын Иван, а затем внук Харлампий – отец О.Х. Куваевой (в замужестве Балиной)[8].

Сыновей у Харлампия Ивановича не было, и его наследницами являлись две дочери – старшая Надежда и младшая Ольга. Разница между ними составляла 15 лет. Харлампий умер рано, когда ему было всего 40 лет, а Ольге – всего один год. Достигнув соответствующего возраста, она вышла замуж за Александра Асинкритовича Балина, который был старше её на семь лет. К сожалению, их супружеская жизнь оказалась очень непродолжительной. Свадьба с А.А. Балиным состоялась в 1884 году, а уже в 1885 г. молодая супруга скончалась. Причины её смерти нам не известны. Характерно, что похороны ещё совсем юной Ольги Харлампиевны Балиной состоялись не в Юже и не в Дунилове, где находились родовые гнёзда Балиных, а на её родине – в Иваново-Вознесенске на наиболее престижном кладбище, находившемся около Покровского собора, где также упокоились многие иваново-вознесенские фабриканты и члены их семей[9]. Вообще, муж Ольги Харлампиевны является самой загадочным персонажем в семье Балиных, сведений о нём сохранилось очень мало.

Что касается старшей сестры Ольги – Надежды Харлампиевны Куваевой, то её семейная жизнь сложилась счастливо. Она вышла замуж за Н.Г. Бурылина, служившего на её семейной фабрике конторщиком. Надежда нашла в нём не только заботливого и надёжного мужа, но талантливого предпринимателя. Именно он сумел превратить среднюю по размерам фабрику, доставшуюся ему от тестя и тёщи, в крупнейшее в Иваново-Вознесенске текстильное предприятие с миллионными оборотами[10].

Вторая родословная линия, связавшая Балиных с Иваново-Вознесенском, протянулась к Ямановским – одному из старейших фабрикантских родов «Русского Манчестера». В 1876 г. Геннадий Миронович Ямановский венчался в Кре-

Иваново-Вознесенские фабриканты. Н.Г. Бурылин сидит в первом ряду в центре

стовоздвиженской церкви города Иваново-Вознесенска с девицей Елизаветой – дочерью Асинкрита Яковлевича Балина[11].

Ямановские, будучи «капиталистыми» крестьянами графов Шереметевых, ещё в середине XVIII века завели текстильную мануфактуру наряду с другими местными крепостными предпринимателями – Бутримовыми, Грачёвыми, Гарелиными. Ямановские в первой половине XIX столетия выкупились на свободу, записались в купечество. Но их мануфактурное дело со второй четверти позапрошлого столетия скорее не развивалось, а постепенно катилось под гору. Они то поднимались в первую гильдию, то вновь спускались во вторую, что свидетельствовало о проблемах в их семейном бизнесе, традиционно связанном с текстильной промышленностью.

В браке у Геннадия Мироновича и Елизаветы Асинкритовны родились друг за другом несколько детей: Сергей (1877 г.), Вера (1878 г.), Надежда (1880 г.), Александра (1882 г.), Елизавета (1883 г.), Ксения (1887 г.). Во время их крещения в Воздвиженской церкви Иваново-Вознесенска воспреемниками выступали не только представители семейства Ямановских, но и Балины, специально приезжавшие из Южи – Асинкрит Яковлевич, Илария Николаевна, а также их дети – Людмила, Александра и Леонид[12].

Несколько слов необходимо сказать о Геннадии Мироновиче Ямановском, это несложно сделать на основании его формуляра (аналога листка по учёту ка-

Дача Ямановских в Плёсе

дров), составленного в 1898 году, когда ему было уже 50 лет. Ему принадлежал в это время жилой дом с мезонином и общая с братом ткацкая и ситцевая фабрика. В графе «образование» в формуляре было написано: «домашнее». Это означало, что он не ходил в какую-либо школу, его обучали элементарной грамоте на дому.

На протяжении нескольких десятков лет Г.М. Ямановский занимал в городе значимые общественные должности: был попечителем одной из местных начальных школ, членом Комитета торговли и мануфактур (представительской организации местных промышленников), председателем сиротского суда, заведовавшего попечением о детях, оставшихся без родителей. В формуляре говорилось, что он женат на Елизавете Асинкритовне, перечислялись все их дети, упомянутые выше. К ним в этом документе был добавлен также их младший сын Леонид пяти лет от роду[13].Вполне вероятно, что ему дали такое имя в память его дяди по матери – Леонида Асинкритовича Балина, умершего незадолго до его рождения.

Старший из сыновей Г.М. Ямановского – Сергей Геннадьевич – был очень близок к семье Балиных. Когда они, в начале XX в. купили Шуйско-Тезинскую фабрику и организовали на базе её Товарищество мануфактур, наряду с Владимиром, Василием и Александром Асинкритовичами Балиными, в состав правления Товарищества был включён и Сергей Геннадьевич Ямановский, правда, в качестве кандидата в члены этого управляющего органа[14].

Семейный бизнес Ямановских не пережил революцию 1917 года. Незадолго до неё, в декабре 1916 года, ткацкая фабрика Г.М. Ямановского была продана гораздо более крупной текстильной фирме Иваново-Вознесенска – Товариществу Куваевской мануфактуры[15].

Подводя итоги, следует констатировать, что в купеческой среде хорошо помнили широко известную народную пословицу: «не в свои сани не садись». Браки заключались, как правило, внутри своего сословия и чаще всего в родных местах, т.к. личностные и деловые качества женихов и невест были хорошо известны в рамках отдельно взятого города или уезда благодаря быстро распространявшейся изустной информации. Вместе с тем, бывали случаи, когда купеческие семьи находили половины для своих отпрысков в соседних уездах и даже в соседних губерниях. Среди избранников могли оказаться представители семейств, в которых бизнес успешно шёл по восходящей. Могла быть и диаметрально противоположная ситуация, когда семейное мануфактурное дело деградировало и заканчивалось банкротством или поглощением его более крупными игроками на предпринимательском поле. По-разному складывались браки и в демографическом отношении. В одних случаях семейная жизнь довольно быстро прерывалась кончиной одного из супругов, в других она была долгой, счастливой, при этом Господь благословлял брак большим количеством детей.

1. Вопилин Е., Баделин В., Зимин Д. Деловые люди. Текстильные предприниматели Российской Империи XVIII– XX века. Иваново, 2016. С. 30.
2. Борисов В. А. Собрание трудов (материалов): В 3 т.: Т.1. Иваново, 2001. С. 64.
3. Вопилин Е. С. 236.
4. Красильщиков А. П., Софронов В. Д. Фабриканты Красильщиковы. М., 2000. С. 36, 54, 58, 70.
5. 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 181-182.
6. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг.,1914.
7. Там же.
8. Краткий очерк основания фабрики, учреждения и развития фабричной и торговой деятельности Товарищества Куваевской ситце-набивной мануфактуры в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1901. С. 3-4.
9. ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 291. Л. 6.
10. Захарова О. И. Единое целое. Почётные граждане Иваново-Вознесенска чета Бурылиных // Наша родина Иваново-Вознесенск. 2007. № 6. С. 25-26.
11. ГАИО. Ф.2. Оп. 1. Д. 356 Л. 3.
12. Там же. Д. 3569. Л. 3-4.
13. Там же. Д. 2101. Л. 73-74.
14. ВГВ. 1914. 13 июня.
15. Ивановский листок. 1916. 17 декабря.

Н.В. Фролов

Серапионова пустынь

В 2009 году довелось впервые побывать в Серапионовой пустыни – небольшой обители в труднодоступном уголке вязниковского Заречья на левом берегу реки Клязьмы. Впечатления стали поводом для написания данного материала, который ныне тоже уже история...

От городской черты Вязников до Серапионовой пустыни по прямой всего около 8 километров. Однако столь короткое, казалось бы, расстояние можно преодолеть разве что по воздуху. А по земле получается крюк едва ли не втрое длиннее. Причём и этот окольный путь непрост – местами можно пробираться лишь пешком, да и то заплутать недолго. Именно поэтому Серапионова пустынь заслужила славу одной из наиболее труднодоступных обителей срединной России. В старину иноки как нельзя лучше находили места, где можно найти уединение для молитв и монашеских подвигов. Так в незапамятные времена и была основана Серапионова пустынь – среди заклязьменских болот и лесных дебрей. Точное время её возникновения неизвестно до сих пор. По преданию, первым насельником там был монах Серапион – отсюда и название.

Обитель с деревянной Троицкой церковью (сохранилось её описание за 1702 год – «об одной главе, глава обита чешуёю древяною, крест опаян белым железом, с двух сторон паперти, крыто тесом») просуществовала до середины XVIII столетия. В 1764 году императрица Екатерина II своим указом упразднила множество малых монастырей на Руси. В их числе оказалась и Серапионова пустынь. Троицкая церковь была обращена в приходскую, но прежнее название осталось – теперь уже за погостом. В приходе пустыни значилось около 100 крестьянских дворов. В 1828-1829 годах на пожертвования прихожан вместо старой деревянной церквушки был возведён новый Троицкий каменный храм.

В 1865 году епископ Владимирский и Суздальский Феофан (Говоров), позже получивший известность как святитель Феофан Затворник, благословил основание женской иноческой обители на месте упразднённого мужского монастыря. Эта, вторая по счёту, Серапионова пустынь просуществовала чуть более полувека. В 1900 году к Троицкому храму была пристроена каменная колокольня вместо прежней невысокой деревянной звонницы. В 1905-1906 гг. при богадельне иждивением купца А.Ф. Малинина была построена деревянная на каменном фундаменте церковь в честь свят. Алексия Московского, пустынь стала называться Серапионо-Алексеевской[1]. Расширяет представление об Алексеевском храме опись его от 14 октября 1920 года: «церковь деревянная на каменном фундаменте, с двумя печами, вся тёплая. Иконостас однорядный, в нём пять икон, за правым клиросом чтимая икона Феодоровской Божией Матери в сребропозлащённой ризе. На звоннице восемь колоколов»[2].

В июне 1915-го специально прибывший в пустынь для закладки третьего каменного Преображенского храма архиепископ Владимирский и Суздальский Алексий III (Дородницын) торжественно совершил службу, храм начал строиться. Однако Свято-Алексеевская домовая церковь при богадельне, упомянутая выше, сгорела на большом пожаре обители в начале 1922 года[3]. В этом же году пустынь была вновь упразднена – теперь уже Советской властью. Недостроенную Преображенскую церковь богоборцы взорвали[4]. Но в уцелевшей Троицкой долгое время теплилась духовная жизнь. Здесь в уединённом месте находили приют гонимые священники и православные миряне.

Священник Алексей Зверев – священник женской обители в Серапионовой пустыни до её ликвидации. Позже служил в Пировых Городищах под Вязниками. Репрессирован в 1937-м

18 августа 1937 года целый отряд сотрудников НКВД нагрянул в Серапионову пустынь. Были арестованы укрывшийся в погосте бывший настоятель Муромского Благовещенского монастыря архимандрит Мелхисидек (Бирев) и последняя настоятельница общины игуменья Дарья. А через две недели чекисты забрали и последнего настоятеля Троицкого храма священника Михаила Купрессова. В октябре того же года их приговорили к расстрелу[5].

Долгое время Троицкая церковь в уничтоженной обители стояла почти не разорённой. Но когда в 1950-х годах умер последний церковный сторож, то и этот храм пришел в запустение. Постепенно обезлюдели или даже вовсе исчезли деревни по соседству: Порзамка, Круглицы, Кобяково. Оставалось только старое название, которым обозначалось место с руинами Преображенского и почти развалинами Троицкого храмов, да старое кладбище рядом.

Новое возрождение Серапионовой пустыни началось в 2001 году. Это уже третья по счёту обитель на святом намоленном месте. Сегодня Серапионова пустынь – скит Вязниковского Свято-Введенского монастыря. Этот монастырь основан совсем недавно. Всё его достояние – Введенский храм в центре Вязников, который долгое время был закрыт и использовался в качестве помещения спортивной школы. Средства у братии более чем скудные. Но постепенное восстановление поруганных святынь идёт, в том числе и в Серапионовой пустыни.

Для того чтобы попасть в пустынь, надо преодолеть два моста. Первый – гремящий железный наплавной через Клязьму близ Вязников. Второй – недавно устроенный из бетонных блоков через исток неподалёку от турбазы Порзамка. Дальше мостов нет, но местами нет и самой дороги. Даже заслуженно славящаяся своей проходимостью «Нива», на которой автор этих строк попытался добраться до Серапионовой пустыни, «забастовала» на очередном топком месте, которое, если проще сказать, больше напоминало обычное болото, нежели просёлочную дорогу. Дабы не искушать судьбу и не утопить транспорт, дальше пришлось продвигаться пешим порядком.

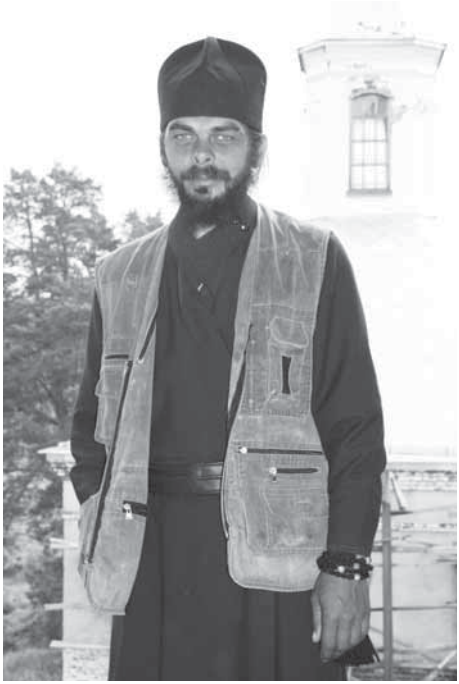
Последний настоятель Троицкой церкви Серапионовой пустыни перед её закрытием священник Михаил Купресов во время окончания Владимирской духовной семинарии

Топкая луговина сменилась перелеском, потом вновь пошло поросшее разнотравьем поле, над которым в знойном мареве роились тучи слепней. Дальше колея, проходимая разве что для «Урала», вывела на более сухое место в сосновый бор. Идти стало легче, но ненадолго – дорога вновь завела в непролазные дебри, причём по грязи там смог бы пройти разве что танк. Затем колею перегородило подобие шлагбаума, за которым над болотиной была настелена гать из местами покривившихся древесных плах, стянутых ржавым металлическим тросом. Грубо сбитый деревянный крест на краю этой «дороги жизни» с образком Святой Троицы, словно дошедшее из седой старины видение, указывал, что пустынь рядом.

Крест на въезде в скит

Действительно, сквозь листву показалась сверкающая оцинко-

ванным железом маковка краснокирпичной колокольни. Слева на возвышенности – восстанавливаемая Троицкая церковь. На небольшой опушке среди сосен и дубов находится небольшой кирпичный домик, заново выстроенный насельниками скита. Рядом – несколько деревянных хозяйственных построек. Напротив, словно место боя, вывороченные давним взрывом обломки кирпичных стен Преображенского храма, над которыми уже выросли деревья изрядной величины.



Отец Тихон – инок возрожденной Серапионовой пустыни

Монах Тихон, который является старшим в скиту, принимает гостей радушно. «Экскурсия» по Серапионовой пустыни включает непременный подъём на колокольню Троицкой церкви. Деревянные лестницы узки и круты, но неудобство восхождения с лихвой возмещается красотой открывающегося вида. Оттуда всё немудреное хозяйство братии как на ладони. Пустынь находится на берегу Троицкого озера – старицы Клязьмы. Рыбалка – одно из любимых занятий насельников скита. В озере – изобилие рыбы. Там обитают два вида щук, карась, окунь, плотва, линь, лещ и иные, менее ценные виды.

Монастырский «флот» состоит из двух видавших виды лодчонок. На одной из них отец Тихон за капитана вывозит гостей на середину Троицкого озера, откуда открывается прекрасный вид на храм и окрестности пустыни.

Среди других местных «достопримечательностей» – крупный… козёл с большими рогами по кличке Бекон. Говорят, что он бывает весьма агрессивным и может здорово погонять тех пришельцев, которые ему чем-то не понравились. Но к нам этот рогатый старожил отнёсся вполне дружелюбно. Если козёл Бекон – сторож обители, то конь Буран – единственное транспортное средство. Запряжённый в телегу, он исправно преодолевает самые тяжёлые участки так называемой дороги. Одна лошадиная сила запросто проходит там, где пасуют сотни «лошадей» крутых внедорожников. В этом простом факте – почти философская притча. Ещё есть монастырское стадо – целых пять коз, которым на окрестных лугах раздолье.

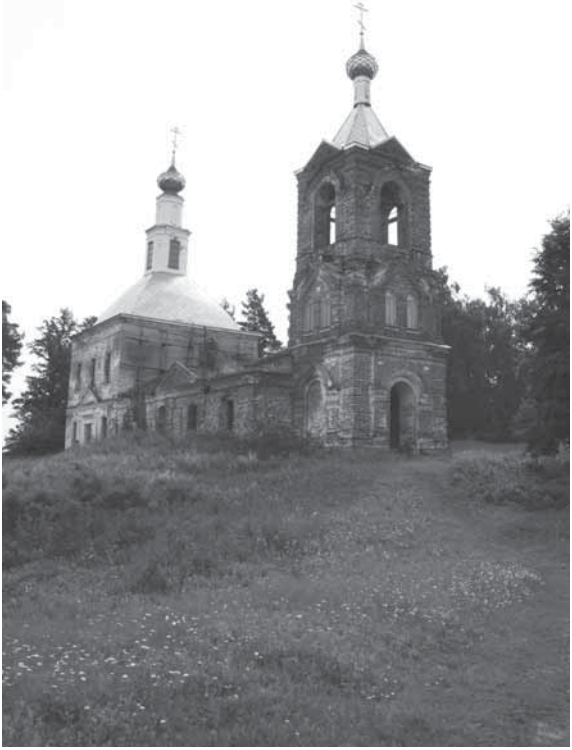
Троицкий храм возрождается медленно. Местных прихожан практически не осталось, разве из деревень, что за несколько километров, кто-то иногда забредёт. Приезжие бывают в пустыни частенько, но попадают туда или туристы-экс-

тремалы, или же особо настойчивые паломники. По большому счёту и тех, и других немного.

Всего в Серапионовой пустыни нынче жительствуют 5 человек (написано в 2009 г., – *прим. ред.*): кроме инока Тихона, ещё два послушника – Анатолий и Алексей, трудник Георгий из вязниковского посёлка Лукново и оставшийся в обители паломник Анатолий из Никологор. Скитоначальником является недавно назначенный настоятелем Свято-Введенского монастыря иеромонах Севастиан – тот самый, который возродил Свято-Казанский скит в Акиншино неподалёку от Мстёры. Теперь отцу Севастиану предстоит благоустраивать новую обитель. В скит он приезжает регулярно, но и у него и в Вязниках немало забот.

Летом солнце заходит поздно, рабочий день в скиту продолжается дотемна. Осенью и зимой, когда над пустынью сгущаются ранние сумерки, послушания и чтение душеспасительных книг продолжаются при свете керосиновых ламп (сегодня к ним очень сложно достать керосин особого «светового» сорта) или при обычных свечах. Никакой навязчивой музыки из динамиков, никаких теле- или радионовостей, ни газет, ни телефонных звонков, не говоря уже о компьютере и интернете. Бытие здесь течёт размеренно и неторопливо, позволяя увидеть, услышать и понять то, на что у большинства из нас не хватает времени, внимания, желания, а, в конечном счёте, и всей жизни.

Даже немного побыв в Серапионовой пустыни и соприкоснувшись с её особым мироустройством, очень не хочется покидать этот удивительный уголок. Впрочем, мирские привычки и стереотипы берут-таки, наконец, своё. Отец Тихон проводит до импровизированного шлагбаума, в последний раз мелькнёт над зелёной чащей серебристая главка церковной звонницы. Серапионова пустынь скроется из глаз, словно её и не было. Но потом туда опять тянет снова и снова…



Троицкая церковь, 2009 г.

1. Сн.1. Дело об обустройстве деревянной церкви при богадельне в Серапионовой пустыни / ГАВО. Цит. по рукописи вязниковского краеведа Ю.А.Васищева.
2. Там же.
3. По воспоминаниям Ольги Степановны (1916 г. рождения), дочери последнего псаломщика Стефана Александровича Изволенского, в пустыни в том году был большой пожар, в результате которого церковь сгорела./ Из записей беседы Ю.А.Васищева с О.С.Изволенской (28.08.03).
4. *Примечание редактора*: Эта версия устарела, найдены достоверные подтверждения о завершении строительства. Согласно Описи имущества Серапионо-Алексеевской общины от 14 февраля 1920-го (заверена подписью председателя Рыловского волостного исполкома, его печатью и внесена в документацию за №381 от 27 апреля 1921 года), на балансе общины, кроме Троицкой церкви, ещё две церкви: 1) «деревянная на каменном фундаменте» и 2) «церковь новая каменная с такой же колокольнею». Здесь также говорится о построенном в 1916 г. «новом доме для священника», а в клировой ведомости это подтверждается и говорится о новой сторожке, тоже построенной в 1916 г. / Из рукописных материалов Ю.А. Васищева.
   Из рассказа О.С. Изволенской: «Храм Преображения Господня был построен. Когда я была маленькой (пять-шесть лет), то в красной церкви была несколько раз, церковь была очень красивою. Она была сложена из красного кирпича (её так и стали называть – красной), внутри всё сверкало от золота. Приходская (белая) Троицкая церковь по своему убранству не шла ни в какое сравнение с новой. Красная церковь стояла на бугре, как и Троицкая, и их разделяла низина. Стояли они напротив друг друга. Однажды мать послала меня с узелком (гостинцами) в пустынь. Территория общины была огорожена красивой изгородью. За ней церковь деревянная и каменная из красного кирпича. Пришла к воротам, у калитки позвонила в колокольчик. Открыла монашенка, после чего вызвала игуменью. Вышла высокая, стройная женщина, голова покрыта чёрным платком. Мне несколько раз доводилось бывать в монастыре во время службы, видела я и настоятельницу Серафиму» (Это, безусловно, ошибка. – Прим. Ю.А.Васищева). По её словам, храм закрыли в 1935 году (в этот год она закончила десятилетку и поступила в институт). Окна и двери были заложены кирпичом. Взорвали церковь после 1937 года.
   Профессор Ленинградского Электротехнического ин-та Ерофеев Ю.Н. (родился в г. Вязники в 1936 г.) пишет: «Моя очередная встреча с Васягой состоялась только весной 1947 года. Васяга состоял сторожем при Троицкой церкви Серапионовой пустыни, «белой церкви», как их, построенные церкви, тогда различали – вторая церковь, «красная», из небелёного кирпича, состоявшая при бывшем женском монастыре, была уже в руинах и из-под земли высились обломки её стен и куски искорёженной арматуры.» // Повесть «Последние жители Серапиёновой пустни». Цит. по рукописи Ю.А. Васищева. По словам О.С. Изволенской, храм был взорван ради добычи кирпича для строящегося в Станках свинарника.
5. Из архива Вязниковского РО НКВД: «В сентябре 1937 г. в Станках на квартире Бирева состоялось сборище, в котором приняли участие две монахини, прибывшие из Горьковской области, на сборище присутствовала Панова Е., Забелина Д., Гусева А. и другие… Преступная контрреволю-ционная деятельность группы монахинь-церковников пресечена, её участники 19.08.37 г. арестованы: Мельхиседек (Бирев Михаил Иванович), 1864 г.р., уроженец д. Холуй. Из семьи иконописца, архимандрит, судим в 1930 году по ст. 58-10 на 5 лет концлагерей, до ареста проживал в с. Станки, настоятель Станковской церкви; Купресов Михаил Гаврилович,1883 г.р., уроженец с. Шиморское Меленковского района, из семьи псаломщика, окончил духовную семинарию, священник церкви Серапионовой Пустыни; Баринова Дарья Васильевна, 1870 г.р., уроженка с. Наместово, из крестьян середняков, бывшая игуменья, до ареста проживала в Серапионовой Пустыни; Богомолова Анастасия Прокофьевна, 1881 г.р., уроженка д. Глубоково, из крестьян, до ареста проживала в г. Вязники, Петринский поселок, д.5, активная церковница… (и т.д., всего перечислены 18 чел.) 3 октября 1937 года тройкой УНКВД по Ивановской за контррево-люционную агитацию, участие в контрреволюционной группе церковников Бирев М.И., Купресов М.Г., Баринова Д.В., Сорокина А.Ф., Платонова А.И., Панова Е.И., Дмитроусова К.Е., Забелина Д.В., Смирнова М.Я., Белухина Е.С. были приговорены к высшей мере наказаний – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 10 октября 1937 года, в отношении Бирева М.И. – 13 октября 1937 года.

Архимандрит Мелхиседек

В.В. Борисов

Мстёрские предприниматели Панкратовы

Посёлок Мстёра расположен в Вязниковском районе Владимирской области. Он знаменит искусством лаковой миниатюры, иконописью, изделиями мстёрских ювелиров, вышивкой. Его история начинается в далёком XVI веке. Первое письменное упоминание о Мстёре относится к 1628 г. В писцовой книге «Суздальского уезду письма и меры Михаила Трусова да дьяка Фёдора Витовтова» за 1628-1630 гг. сказано: старинная родовая вотчина князей Ромодановских «погост Богоявленская слободка (в те времена она так называлась, а позднее получила своё современное название от реки, на берегу которой расположена – *В.Б.*) на реке на Мстёре да на погосте церковь Богоявления Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа каменная да другая церковь Ивана Милостивого древянна вверх». Но ещё раньше, в духовной грамоте Ивана Васильевича Ромодановского от 1521-1522 г. упоминается Свято-Ивановский монастырь близ села Татарово, которое сейчас граничит со Мстёрой. Постепенно, с развитием промышленности и ремёсел слободка перерастает в торгово-промышленную слободу.

Мстёра. Площадь им. Ленина, бывшая Базарная. Дом Фёдора Васильевича Панкратова (справа). 1950-е годы. Фото Сергея Степановича Никифорова

«Это одно из самых бойких мест края, – отмечал в путевых записках русский экономист В.П. Безобразов, посетивший слободу в 1861 г. – Мстёра только носит официальное звание села, а по фабричной деятельности (разные домашние производства, преимущественно иконопись) и торговле, по всему быту жителей, вовсе не занимающихся земледелием, кроме огородничества […] – это настоящий город». Заняться местных жителей ремёслами и торговлей заставили низкое плодородие почв и малоземелье. Ещё в древних актах записано, что здесь «пашни пахотные худые земли». При выходе из крепостной зависимости мстёрские крестьяне получили в надел не столько земли (всего 880 десятин из положенного

минимума в 1752 десятины), сколько так называемые «оброчные статьи»: базарную площадь с лавками, четыре водяных мельницы на реках Мстёрка и Тара, перевозы, пристани и рыбные ловли на Клязьме, паточный завод, миткалевую и полотняную фабрики.

Возникновение иконописного промысла среди крестьянского населения Мстёры относится к 1-й половине XVIII в. Среди иконописцев, получавших «виды на отлучки» в 1740 и 1742 гг., значатся мстёрские крестьяне Иван Фёдоров и его сын Фёдор Иванов Панкратовы[1]. Вероятно, это предки героев настоящей статьи, хотя проследить их родственные связи пока не удалось. Во второй половине XIX в. предпринимательская деятельность Панкратовых уже не связана с иконописью. Они пробовали свои силы в разных отраслях промышленности, но их коньком стали кожевенное и колбасное производства, мучная торговля.

Панкратовы – выходцы из старообрядчества. На это указывает то обстоятельство, что они являлись прихожанами мстёрской Троицкой единоверческой церкви, сразу после её открытия в 1854 г. Записи в метрических книгах этой церкви стали источником для восстановления генеалогических связей этого рода. Старшим его представителем, упомянутым в метриках, является Андрей Семёнович Панкратов (ок. 1801 – 15.07.1871)[2]. В другом источнике упоминается Михаил Семёнович Панкратов, но в метриках единоверческой церкви о нём информации нет. Это можно объяснить тем, что он не перешёл в единоверие, а оставался старообрядцем.

В 1831 г. М.С. Панкратовым основана полотняная фабрика[3]. Следует отметить, что этот вид промышленности был широко распространён в Вязниковском уезде, и в тот период только во Мстёре было три производства этого профиля. Фабрика Панкратова размещалась в каменном двухэтажном здании, в котором располагалась контора, пресс, шпульная и сновальная. Пряжеварня была оборудована двумя чанами для вываривания пряжи и одним щелочным котлом. В деревянных строениях работали: галандр, приводимый в действие двумя лошадьми, и катальный стан – одной лошадью. Ткацкие станы находились в окрестных деревнях, а не при фабрике. Их количество было более 50. Ежегодно вырабатывалось до трёх тысяч кусков полотна[4]. В 1852 г. изготовлено продукции на 6825 руб.[5] Изделия фабрики (равендуки и фламские полотна) были представлены на Владимирской губернской выставке произведений сельского хозяйства и промышленности 1837 г.[6], что говорит о хорошем их качестве. В 1853 г. Михаилу Семёновичу объявлена благодарность Владимирского губернского комитета общества попечительства о тюрьмах за пожертвование на улучшение содержания арестантов в Вязниковском тюремном замке[7].

У А.С. Панкратова было четыре сына: Василий (ок. 1834 – 11.08.1906), Иван (ок. 1836 – 20.03.1914), женившийся 06.11.1855 г. на дочери мстёрского крестьянина Прасковье Петровне Сеньковой (род. ок. 1839)[8], Михаил (род. ок. 1837), женившийся 23.10.1857 г. на дочери мстёрского крестьянина Евлампии Кузьминичне (род. ок. 1841)[9], и Дмитрий (ок. 1842 – 20.03.1909).

У Василия Андреевича Панкратова и его супруги Елены Семёновны (ок. 1836 – 22.11.1894) родилось тринадцать детей: Фёдор (род. 29.07.1856), женившийся 15.01.1906 г. в возрасте 49 лет на дочери мстёрского крестьянина Агриппине Иосифовне Модоровой (ок. 1883 – 13(26).10.1918)[10], Иван (26.02.1858 – 21.05.1914), женившийся 02.02.1886 г. на дочери крестьянина сл. Холуй Марии Андреевне Горбуновой (род. ок. 1867)[11], Мария (12.06.1859 – 25.06.1859), Наталья (род. 18.08.1860), Евдокия (12.02.1863 – 18.10.1865), Александр (12.03.1864 – 17.07.1864), Василий (род. 03.01.1868), женившийся 08.06.1894 г. на дочери купца г. Горбатов Нижегородской губернии Анне Андреевне Спириной (род. ок. 1873), Мария (28.05.1869 – 01.08.1869), Александр (род. 28.08.1870), женившийся 27.05.1892 г. на дочери ковровского мещанина Клавдии Ивановне Мартьяновой (род. ок. 1875)[12], Мария (23.03.1872 – 07.06.1872), Ольга (род. 27.05.1873), Анна (род. 01.02.1875), Александра (28.03.1879 – 06.06.1879).

Чем занимался В.А. Панкратов до 35 летнего возраста – неизвестно, но в 1869 г. он купил солодовенное заведение за 1500 руб., которое им было переоборудовано под кожевенный завод – устроены толчея, амбар, семь чанов и флигель для жилья рабочих. В 1875 г. была произведена новая земская оценка завода, которая составила 1775 руб. (старая – 1000 руб.). Строения оценены в 1525 руб., оборудование – в 250 руб.[13] Мстёрский краевед И.А. Голышев отмечал, что кожевенное производство для Мстёры новое и не имеет ещё местных мастеров, поэтому все они приезжие[14]. Завод работал на местном сырье. 19 сентября 1880 г. на заводе произошёл сильный пожар. Деревянные здания уничтожены огнём полностью, а каменные – получили значительные повреждения. В связи с

Мстёра. Площадь им. Ленина, бывшая Базарная. Здание Мстёрской средней школы № 11, до революции принадлежало четырём домовладельцам: Хайдакову, Демидову, Фёдору Михайловичу Панкратову и Дмитрию Андреевичу Панкратову. Середина XX века

пожаром в прессе поднимается вопрос о переносе предприятия на другое место по санитарным причинам. В публикации отмечалось, что завод «находится по течению реки выше селения, и в реке подолгу кожа мочится и моется, то все дрянные нечистоты остаются в воде, которую жители употребляют для пищи и питья»[15]. Несмотря на это предприятие оставлено на прежнем месте и выведено за пределы слободы лишь в начале XX в.

Отстроенный после пожара кожевенный завод значительно вырос. Его земская оценка, произведённая в 1883 г., составила 5717 руб. В 1884 г. на заводе работали 15 человек. Ими выделано 2000 кож на сумму 12000 руб.[16] К 1890 г. основным оборудованием производства были чаны – семь дубильных, три зольных, один хлебный, и толчея для корья на шесть пестов. Механизмы приводились в движение с помощью конного привода на одну лошадь. Для отопления использовались дрова, для освещения – керосин. Рабочих было 12 человек с годовым содержанием в 1420 руб.[17] В 1897 г. численность рабочих на заводе уменьшилась до пяти человек. В том же году выработано 2000 кож на сумму 6000 руб. Продукция главным образом сбывалась в сл. Мстёра и городах Вязники и Иваново-Вознесенск[18].

В июле 1880 г. В. Панкратов открывает в слободе клеёночное заведение[19]. Мастера для него были приглашены из Москвы, так как производство этого профиля во Мстёре было открыто впервые и не имело местных специалистов. Изготовление клеёнки было ручное. Полотно приобреталось в Вязниках. Готовая продукция главным образом сбывалась через офеней. В 1884 г. выпущено 25000

Мстёра. Площадь им. Ленина (справа – дом Фёдора Васильевича Панкратова). Конец 1990-х годов.
Фото С. С. Пирожкова

арш. клеёнки на сумму 7000 руб.[20] Рабочих было 6 человек. К концу XIX в. это заведение уже закрыто. Причиной закрытия стала малая рентабельность ручного производства и конкуренция.

Кроме предпринимательской деятельности Василий Андреевич принимал участие в местном самоуправлении. С 1872 г. девять раз подряд сроком на три года он избирался от сельских обществ гласным Вязниковского уездного земского собрания. В том же году уездным земским собранием избран членом Вязниковской уездной земской управы на три года[21]. Работа управы и её члена В.А. Панкратова получила положительную оценку коллег. В 1874 г. отмечено, что собрание «находило все отделы земского хозяйства и возлагаемые […] поручения исполненными с истинною заботливостью и безукоризненною добросовестностью»[22]. На следующий год ему выражена «благодарность собрания за усердную и полную деятельность […] по земскому […] делу»[23]. В 1900 г. Василий Андреевич обратился в собрание с заявлением, в котором говорилось, что «По выборам крестьянских волостных сходов по 1900 г., состоя гласным в Вязниковском земстве, где очередными земскими собраниями был избираем два трёхлетия в податное присутствие и разные комиссии по назначению присяжных заседателей и в расценочную комиссию и на случай войны по снаряжению ополчения; все эти обязанности я принимал на себя охотно, исполнял с желанием, честно. А потому покорнейше прошу […] представить меня к какой-либо награде, исключая денежной»[24]. Собрание постановило представить его к награждению званием личного почётного гражданина[25].

В 1866 г. В. Панкратов был избран присяжным заседателем по Вязниковскому уезду[26]. Несколько раз (в кон. 1860-х и во 2-й пол. 1870-х гг.) мстёрское сельское общество избирало его волостным старшиной[27]. Это говорит о доверии ему односельчан. Неоднократно Василию Андреевичу объявлялись благодарности и признательность губернского начальства: в 1870 г. – «за энергичные действия […], оказанные к тушению пожаров, и за похвальную деятельность по должности старшины»[28], в 1880 г. – «за успешное взыскание […] казённых и земских сборов за 1 половину сего года»[29] и «за энергические и полезные действия […] по прекращению пожара в с. Мстёре»[30]. В 1870-1876 гг. и с июня 1880 г. он был попечителем Мстёрского мужского училища, в котором в своё время сам получил образование[31]. В 1883 г. им пожертвованы в училище книги и на личные средства окрашены классные комнаты[32]. 14 февраля 1880 г. В. Панкратову объявлена признательность Владимирского губернского училищного совета «за усердие к делу народного образования и пожертвования»[33]. В 1867 г. за пожертвование 550 руб. серебром и 300 пудов алебастра на строительство Никольского единоверческого храма во Мстёре ему объявлено благословение и признательность архиепископа Владимирского и Суздальского Антония[34], а в 1902 г. за заслуги по духовному ведомству преподано благословение Святейшего Синода без выдачи грамоты[35]. В 1903 г. ему преподано благословение от Владимирского архиерея за пожертвование 25 руб. на строительство дома для священника единоверческой церкви[36].

После смерти В.А. Панкратова кожевенный завод переходит к его старшему сыну Фёдору. К 1911 г. его земская оценка составляла 2500 руб.[37] Возможно, уменьшение оценки связано с переносом предприятия за пределы населённого пункта. В период 1903 – 1908 гг. годовое производство составляло до 6000 рублей[38]. Изготовлялись следующие сорта кож: мостовьё, юфть и выросток. Рабочих было четверо. До 1921 г. завод принадлежал его основателям, пока не был передан Вязниковским УИК-ом в аренду сапожной артели[39]. В 1914 г. Ф.В. Панкратовым было открыто колбасное заведение, которое оценено в 300 руб.[40]

Несколько слов нужно сказать и о других сыновьях Василия Панкратова. Двое из них проходили службу в армии: Иван – эскадренным фельдшером в Лейб-гвардии Его Величества Кирасирском полку[41] и Василий – писарем в Лейб-гвардии Литовском полку[42]. Иван Васильевич в 1890 г. был избран членом уездного податного присутствия[43], а в 1904 – 1909 гг. был заведующим Мстёрским военно-конским участком[44]. Сумел он организовать и своё коммерческое дело. Уже в 1890 г. он числится в списке лиц, торгующих по свидетельствам на мелочный торг и промысловым – 1-го и 2-го разрядов[45]. Как в дальнейшем развивалось торговое предприятие И.В. Панкратова неизвестно, но в 1911 г. по документам земской управы за его супругой, Марией Андреевной, во Мстёре числится мучная лавка с оценкой 300 руб. После этого лавка работала ещё семь лет и исключена из оклада по постановлению земской управы от 28 июня 1918 г.[46]

Мстёра. Дом Петра Ивановича Панкратова на Большой, ныне Ленинградской, улице. 2010 год.
Фото В.В. Борисова

Более крупной (оценка 500 руб.), тоже мучной, лавкой владел младший сын, Александр Васильевич[47]. Являясь попечителем Павловской школы грамоты Рыловской волости, он на свои средства отапливал, освещал и страховал школьное здание и содержал школьную прислугу[48]. В 1908 г. за заботы о нуждах этой школы ему выражена благодарность Владимирского епархиального училищного совета[49]. За пожертвование в Троицкий единоверческий храм сл. Мстёра кирпича на сумму 17 руб., А.В. Панкратову в 1902 г. преподано благословение епархиального архиерея[50].

Предпринимательство и благотворительность были присущи и другим потомкам А.С. Панкратова. Второй его сын, Иван Андреевич, так же занимался производством и торговлей. До 1892 г. он был владельцем кирпичного сарая (заведение по изготовлению кирпича)[51]. Его имя значилось в списке лиц получивших свидетельства на мелочный торг на 1889 г.[52] Коммерческое дело И.А. Панкратова процветало. Об этом говорит то обстоятельство, что на свои средства он построил новый дом для причта Троицкой единоверческой церкви, израсходовав на это около 600 руб., за что ему объявлена благодарность епископа Иакова, викария Владимирской епархии[53]. В 1903 г. им пожертвованы 25 руб. на строительство дома для священника мстёрского единоверческого храма[54]. В начале XX в. он владелец мучной лавки, оценённой в 500 руб. Согласно переоценке, произведённой в 1912 г., её ценность понижена до 200 руб. В 1913 г. лавка закрыта[55]. И. Панкратов в 1866 г. был избран присяжным заседателем по Вязниковскому уезду[56], в 1890 г. – кандидатом в члены от земства в уездное податное присутствие[57]. В 1875 – 1877 гг. он был старостой Мстёрской единоверческой церкви[58].

По линии Михаила Андреевича[59] сохранились сведения о предпринимательской деятельности его сына Фёдора, который в 1890 г. числился вязниковским временным купцом[60]. В нач. XX в. его мучная лавка была самой крупной во Мстёре (земская оценка 1000 руб.) и проработала до 1918 г., пока не была закрыта по постановлению Совнархоза от 2 сентября того же года[61]. В лавке Ф.М. Панкратова практиковалась торговля в долг. Об этом говорит его расписка, данная одному из клиентов в 1897 г. В ней сказано, что все долговые документы, взятые с покупателя за отпущенный товар, считать недействительными[62].

Дмитрий Андреевич, младший сын А.С. Панкратова, оставался в старообрядчестве дольше всех родственников и присоединён к единоверию лишь в 1889-1890 гг., а его жена, Капитолина Косьминична Николаева (ок. 1861 – 23.01.1908), дочь московского купца, старообрядка австрийского священства – в 1893 г. Законный брак они заключили 27.04.1894 г.[63] Венчание проходило в Троицкой единоверческой церкви сл. Мстёра[64]. Из воспоминаний мстёрских жителей известно, что мучник Д. Панкратов имел свою торговую лавку[65]. Начальное образование он получил в Мстёрском мужском училище, в которое в 1877 г. был избран попечителем, сменив на этом поприще своего брата Василия[66]. С июня 1880 г. Дмитрий Панкратов попечитель Мстёрского женского училища[67]. В 1883 г. он пожертвовал учебные пособия в это училище и для обучающихся в нём бедных девочек[68].

Дважды ему преподано благословение епархиального архиерея: в 1902 г. за пожертвование 30 руб. в свою приходскую церковь[69], а в 1903 г. – 50 руб. на строительство дома для священника того же храма[70].

В заключении нужно отметить, что Панкратовы сумели выбрать правильное направление своей предпринимательской деятельности, которое позволило им жить безбедно. Единственный кожевенный завод, одно из двух колбасных заведений и основная часть мучных лавок во Мстёре принадлежали представителям этого рода.

После 1917 г. у Панкратовых, кроме кожевенного завода и колбасного заведения, были отобраны дома: каменные двухэтажные на Базарной площади – у Фёдора Васильевича, Фёдора Михайловича, потомков Дмитрия Андреевича и Ивана Васильевича, каменный одноэтажный на Большой улице – у потомков Ивана Андреевича и полукаменный двухэтажный на той же улице – у Петра Ивановича[71].

1. Голышев И. Иконописцы XVIII столетия в слободе Мстёре Вязниковского уезда // ВГВ. 1873. № 22. Часть неоф.
2. Все даты до 14.02.1918 даются по старому стилю. Даты рождения, бракосочетания и смерти представителей рода Панкратовых установлены по метрическим книгам, данным из Владимирской Духовной Консистории Вязниковского уезда слободы Мстёры в Троицкую единоверческую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1854-1919 гг. (далее – МК ТЕЦ) // ГАВО. Ф. 590. Оп. 25. Д. 7 – 11.
3. О полотняной фабрикации в городе Вязниках с уездом // ВГВ. 1848. № 49. Часть неоф.
4. Там же.
5. Журнал мануфактур и торговли. 1854. Часть первая. С. 156.
6. Описание выставки произведений Владимирской губернии. 1837 года. М., 1837. С. 26.
7. ВГВ. 1853. № 10. Часть оф. С. 84.
8. Дети Ивана Андреевича и Прасковьи Петровны Панкратовых: Николай (18.07.1858 – 03.08.1858), Александр (07.11.1860 – до 1880), Пётр (17.08.1862 – 05.10.1880). Пётр Иванович получил образование в Мстёрском приходском училище, затем в Холуйском образцовом. Окончив реальное училище в Иваново-Вознесенске, учился в Москве. Умер от тифозной горячки. См.: Вести из губернии. Сл. Мстёра // ВГВ. 1880. № 45. Часть неоф.
9. У Михаила Андреевича и Евлампии Кузминичны Панкратовых в метриках единоверческой церкви зарегистрировано рождение только одного сына Иоанна (14.07.1859 – 28.07.1859).
10. Дети Фёдора Васильевича и Агриппины Иосифовны Панкратовых: Дмитрий (р. 14.10.1907), Мария (р. 27.10.1909), Анатолий (р. 10.04.1911), Василий (р. 21.03.1914), Зоя (р. 13.03.1916).
11. Дети Ивана Васильевича и Марии Андреевны Панкратовых: Пётр (р. 13.12.1886), Татьяна (р. 08.01.1888), в замужестве Мартьянова (См.: Приглашение на бал в день благословления Андрея Ивановича Мартьянова с девицей Татьяной Ивановной Панкратовой. 11 мая 1908 г. // Личный архив Борисова В.В. (далее – **ЛАБВВ**). № 3616), Александра (01.04.1889 – 05.06.1902), Лидия (р. 05.02.1901). Пётр Иванович Панкратов был членом правления Мстёрской пожарной дружины (См.: Владимирский календарь и памятная книжка на 1911 год. Вл., 1910. С. 160.). Брак 10.01.1914 с дочерью мещанина г. Шуя Софьей Алексеевной Трусовой. Дети: Михаил (02.09.1914 – 23.09.1914), Константин (12.04.1915 – 12.04.1915), Герман (р. 01.10.1917), Вера (р. 08.09.1918).
12. Дети Александра Васильевича и Клавдии Ивановны Панкратовых: Мария (р. 27.05.1893), Зинаида (25.09.1894 – 03.07.1895), Антонина (р. 05.04.1898), вышедшая замуж 28.04.1919 г. (Брак

зарегистрирован в Богоявленской церкви сл. Мстёра. См.: ГАВО. Ф. 590. Оп. 22. Д. 107.) за студента медика 4 курса Донского университета Геннадия Ерастовича Тихомирова (р. ок. 1895), Сергей (р. 03.02.1900), Мария (20.01.1901 – 20.01.1901), Николай (22.04.1902 – 20.08.1902), Надежда (р. 14.09.1903), Владимир (р. 09.07.1905), Николай (16.01.1907 – 08.06.1907), Валентина (р. 10.02.1908), Леонид (р. 19.01.1910), Мария (р. 12.07.1911), Зинаида (22.09.1915 – 12.03.1916).

13. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1875 года // Владимирский земский сборник (далее – ВЗС). 1876. № 4. С. 81.
14. Промышленные заведения в сл. Мстёре, Вязниковского уезда // ВГВ. 1878. № 46. Часть неоф.
15. Вести из губернии. Сл. Мстёра // ВГВ. 1880. № 39. Часть неоф.
16. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики. Изд. второе. СПб., 1887. С. 209.
17. Свирский В.Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Вл., 1890. С. 70 – 71.
18. Фабрично-заводская промышленность во Владимирской губернии. По сведениям полученным от владельцев фабрик и заводов // Памятная книжка Владимирской губернии. Вл., 1900. С. 74 – 75.
19. Голышев И. О новых кустарно-промышленных заведениях в Вязниковском уезде // ВГВ. 1880. № 40. Часть неоф.
20. Орлов П.А. Указ. соч. С. 88.
21. Журналы Вязниковского очередного уездного земского собрания 1872 года // ВЗС. 1873. № 5. С.34.
22. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1874 года // ВЗС. 1875. № 6. С. 306.
23. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1875 года // ВЗС. 1876. № 4. С. 28.
24. Журналы очередного и экстренного Вязниковских уездных земских собраний 1900 года. Вл., 1901. С. 316.
25. Там же. С. 29. Очевидно, это звание Панкратову не присвоили, т.к. в записи о смерти он по-прежнему записан крестьянином. См.: МК ТЕЦ на 1906 г. Часть 3. О умерших // ГАВО. Ф. 590. Оп. 25. Д. 10. Некоторое время он числился временным вязниковским купцом. См.: Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1890 года. Вл., 1891. С. 73.
26. ВГВ. 1866. № 40. Прибавление.
27. ВГВ. 1870. № 5. Часть оф. С. 2; Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1879 года // ВЗС. 1880. № 5. С. 209.
28. ВГВ. 1870. № 5. Часть оф. С. 2.
29. ВГВ. 1880. № 6. Часть оф. С. 2.
30. ВГВ. 1880. № 25. Часть оф. С. 4.
31. Доклады Вязниковской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1877 года // ВЗС. 1877. № 9. С. 11; Вести из губернии. Сл. Мстёра // ВГВ. 1877. № 14. Часть неоф.; Ведомости о начальных народных училищах Владимирской губернии за 1880-81 учебный год. Вл., 1882. С. 75.
32. Доклад членов губернского училищного совета от земства А.П. Смирнова и Г.В. Тюрикова о состоянии начальных народных училищ Владимирской губернии в 1883 году. Вл., 1884. С. 147.
33. ВГВ. 1880. № 8. Часть оф. С. 4.
34. ВЕВ. 1867. № 14. Часть оф. С. 646.
35. Церковные ведомости. 1902. № 47. С. 363.
36. ВЕВ. 1903. № 24. Часть оф. С. 528-529.
37. Описание фабрик, заводов и торгово-промышленных заведений Вязниковского уезда 1911 г. (далее – ОФЗ 1911 г.). № 3128. [Рукопись. Хранится в библиотеке Вязниковского историко-художественного музея].
38. Мельников Н.П. Кожевенное производство по современным данным с применением дубильных экстрактов и пояснением бактериологических процессов. Список русских кожевенных заводов. СПб., 1908. С. 133.

39. Захаров И. Мстёрский кожевенный завод // Мстёрский край. Сборник краеведческих материалов. / Мстёрское отделение Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Вл., 1929. С.51.
40. ОФЗ 1911 г. № 3128.
41. МК ТЕЦ на 1886 г. Часть 2. О браком сочетавшихся // ГАВО. Ф. 590. Оп. 25. Д. 8.
42. МК ТЕЦ на 1894 г. Часть 2. О браком сочетавшихся // ГАВО. Ф. 590. Оп. 25. Д. 9.
43. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1890 года. Вл., 1891. С. 111.
44. Журналы очередного и экстренных Вязниковских уездных земских собраний 1903 года. Вл., 1904. С. 27; Журналы Вязниковского уездного земского собрания очередной сессии 1906 года с приложениями. Вл., 1906. С. 201.
45. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1890 года. Вл., 1891. С. 80. Список составлен в связи с избранием членов в уездное податное присутствие, из лиц указанных в нём. И.В. Панкратов в данное присутствие был избран. См.: Там же. С. 111.
46. ОФЗ 1911 г. № 3056.
47. ОФЗ 1911 г. № 3068.
48. Журналы экстренного и очередного Вязниковских уездных земских собраний 1905 года. Вл., 1906. С. 99.
49. ВЕВ. 1908. № 49. Отдел оф. С. 267.
50. ВЕВ. 1902. № 8. Часть оф. С. 135 – 136.
51. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1894 года. Вл., 1895. С. 116.
52. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1889 года. Вл., 1890. С. 61.
53. ВЕВ. 1879. № 1. Часть оф. С. 17.
54. ВЕВ. 1903. № 24. Часть оф. С. 528 – 529.
55. ОФЗ 1911 г. № 3047.
56. ВГВ. 1866. № 40. Прибавление.
57. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1890 года. Вл., 1891. С. 111.
58. ВЕВ. 1875. № 11. Часть оф. С. 507.
59. В 1866 г. М.А. Панкратов был избран присяжным заседателем по Вязниковскому уезду. См.: ВГВ. 1866. № 40. Прибавление.
60. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1890 года. Вл., 1891. С. 72.
61. ОФЗ 1911 г. № 3084.
62. Расписка Панкратова Фёдора Михайловича Панкрышеву Ивану Андреевичу. 10 июня 1897 г. // ЛАБВВ. № 5290.
63. Официальная церковь не признавала браки, заключенные по старым обрядам, поэтому при рождении детей Д.А. и К.К. Панркатовых, мать записана в метриках: «называемая им (отцом – В.Б.) женой». Дети Дмитрия Андреевича и Капитолины Косьминичны Панкратовых: Алексей (р. 13.05.1885), Иоанн (р. 11.04.1886), Николай (28.04.1887 – 24.05.1887), Александр (05.08.1888 – 17.09.1888), Елизавета (р. 28.08.1889), Михаил (06.01.1891– 16.06.1892), Дмитрий (13.05.1892 – 10.09.1892), Екатерина (р. 01.10.1893), Павел (08.12.1896 – 24.01.1897), Александр (10.10.1898 – 29.08.1899), Антонина (19.02.1901 – 23.02.1901).
64. МК ТЕЦ на 1885 г. Часть 1. О родившихся; То же на 1893 г. Часть 1. О родившихся; То же на 1894 г. Часть 2. О браком сочетавшихся // ГАВО. Ф. 590. Оп. 25. Д. 8, 9.
65. Семеновский Дм. Мстёра. Очерки. Иваново, 1937. С. 111 – 113.
66. Журналы Владимирского очередного губернского земского собрания 1878 года // ВЗС. 1878. № 12. С. 219.
67. Ведомости о начальных народных училищах Владимирской губернии за 1880 – 81 учебный год. Вл., 1882. С. 75.
68. Доклад членов губернского училищного совета от земства А.П. Смирнова и Г.В. Тюрикова о состоянии начальных народных училищ Владимирской губернии в 1883 году. Вл., 1884. С. 148.
69. ВЕВ. 1902. № 8. Часть оф. С. 135 – 136.
70. ВЕВ. 1903. № 24. Часть оф. С. 528 – 529.
71. Андрющин И.А. Хозяйства, выбывшие из Мстёры по реквизиции и раскулачиванию. Л. 5об., 6, 8. [Рукопись. 1964 – 1966 гг.] // ЛАБВВ. № 572.

Ðàçäåë III

Äóõîâíàÿ è íðàâñòâåííàÿ êóëüòóðà

Б.Л. Макарьянц

Шуйский образ Богоматери в обстоятельствах 1935-1939 гг.

История Шуйской-Смоленской иконы Богоматери в начале 20-х годов XX столетия оказалась связана с острым политическим противостоянием новой власти и Русской Православной Церкви, вызванного декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим». Слово «изъятие» здесь означало, что предстояла конфискация из *действующих* храмов и монастырей. Драгоценности *закрытых* монастырей и крупнейших музеев России находились в спецхранах новой власти с ноября 1921 года, по Постановлению Политбюро ЦК РКП(б) и Совета труда и обороны. Первая попытка изъятия из Воскресенского собора, предпринятая местной властью 15 марта, не удалась, несмотря на предварительное введение в Шуе военного положения (с 13 марта). Колокольный набат в этот день собрал на Соборной площади по разным оценкам от 3 до 6 тысяч жителей города и окрестных деревень, т.е. около четверти населения Шуи того времени, в том числе – и рабочих текстильных предприятий. Для разгона народного схода потребовалась вооружённая сила в виде отряда частей особого назначения (ЧОН) и пулемётной команды на двух грузовиках. Среди лиц гражданского населения были убиты 6 человек, ранены не менее 10. Со стороны красноармейцев потерь не было, но двое из них получили тяжёлые побои. Отчёт о событиях в Шуе незамедлительно был отправлен в Иваново-Вознесенск и в Москву[1].

Вторая попытка изъятия была успешно реализована выездной комиссией ВЦИК (председатель Смидович П.Г.), прибывшей в Шую по секретному указанию В.И. Ленина от 19 марта[2]. Акция в Шуйском Воскресенском соборе проходила 23 марта с 15:00 до 20:30, под руководством командующего войсками МВО Н.И. Муралова. После предварительной агитации, проведённой главкомом, в оцеплении собора и прилегающей территории приняли участие сводная рота 1-го батальо-

на 146 полка численностью 150 человек, пулемётная команда при 6 пулемётах, рота ЧОН и 6 конных милиционеров. Непосредственно в соборе и в алтарях, под личным наблюдением Н.И. Муралова, работали 6 слесарей из гарнизонной автомастерской с молотками, зубилами и прочими инструментами[3].

Среди т.н. «церковных ценностей» особый интерес для организаторов изъятия представляла жемчужная риза на чудотворной иконе Богоматери Шуйской-Смоленской, щедро украшенная драгоценными камнями[4]. Она была изготовлена состоятельными прихожанами в дар чтимому образу Богоматери в 1823 году[5]. В отличие от серебра, снятого с престолов и других икон и переданного в виде «лома» в местный Финотдел, этот шедевр ювелирного искусства (в соответствии с требованиями протокола изъятия) был отправлен в Гохран. Начальствующим лицом Гохрана был член РКП(Б) Г.Д. Базилевич[6], подчинявшийся непосредственно Л.Д. Троцкому, который, в свою очередь, имел временный статус Особоуполномоченного Совнаркома по учёту и сосредоточению ценностей. 23 мая 1922 года в докладе Л.Д. Троцкому Г.Д. Базилевич сообщал, что за 6 месяцев работы Комиссии по учёту и сосредоточению ценностей в Гохране удалось собрать «детально учтённые ценности» на сумму 233 142 990 рублей золотом. Через полгода сводная ведомость контрольной комиссии ЦК Последгол ВЦИК от 4 ноября 1922 года зафиксировала в Гохране наличие «собранных церковных ценностей» лишь на 4 650 810 рублей золотом. На момент ревизии Гохрана Г.Д. Базилевич состоял в должности начальника «Отдела Металл. Алмаз. Фонда» Валютного управления Наркомфина РСФСР. Впоследствии «за особые заслуги» он получил должность командующего Московским военным округом (с 1925 г.), вместо Н.И. Муралова, перемещённого в ЦКК ВКП(б). По оценке М.Ю. Крапивина (профессора Института истории РАН), остаточная сумма ценностей в Гохране «*соответствовала всего нескольким процентам от денежной массы общей «добычи» Троцкого – Базилевича*»[7]. Приходится думать, что жемчужная риза из Шуйского собора не избежала общей участи драгоценностей, прошедших через Гохран, и была вывезена из России.

И всё же, несмотря на совершившееся под благовидным предлогом разграбление народного достояния, сам чудотворный образ Богоматери, который местные жители именовали не иначе как «Пресвятая Владычица Шуйская», остался в соборе на своём прежнем месте, в главном иконостасе по левую сторону царских врат.

Юридический процесс по «Шуйскому делу» получил широкую огласку в центральной печати. Газета «Известия ВЦИК» 28 марта 1922 г. опубликовала «Правительственное сообщение о событиях в городе Шуе в связи с изъятием церковных ценностей». Вся вина за беспорядки была возложена на местное духовенство. Расследование было проведено в сжатые сроки, и уже через месяц в Иваново-Вознесенске было организовано выездное заседание Верховного Ревтрибунала, проходившее в городском театре с 21 по 25 апреля. Троим обвиняемым был вынесен совсем не театральный смертный приговор. В связи с

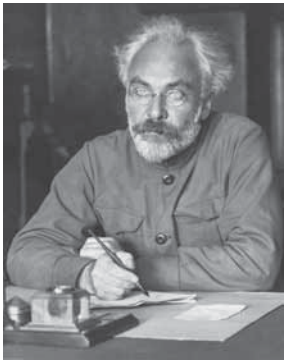
просьбой о смягчении наказания, поступившей из Президиума ВЦИК (наделённого официальным правом помилования), решение Ревтрибунала выносилось 2 и 4 мая на обсуждение Политбюро ЦК РКП(б). Под давлением В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого смертный приговор, с перевесом в один голос (4 – «за» и 3 – «против»), был окончательно утверждён. Решение Политбюро было приведено в исполнение 10 мая в 2 часа ночи возле здания тюрьмы на окраине Иваново-Вознесенска[8]. Шуйскими мучениками за веру стали протоиерей Павел Светозаров, иерей Иоанн Рождественский и мирянин Пётр Языков.

В итоге народный протест всё же повлиял на действия властей. Опасаясь новых массовых выступлений рабочих, они не посмели уничтожить общенародную святыню в Воскресенском соборе. Но политика «воинствующего безбожия» в стране не прекращалась[9], она только поменяла свои формы.

В январе 1929 года была образована Ивановская промышленная область (ИПО). Эта обширная административно-территориальная единица включала крупные части Ярославской и Костромской губерний (до марта 1936 года), а также всю территорию бывшей Владимирской губернии (до 1944 года). В октябре того же года было создано новое музейное объединение – Музей Ивановской промышленной области. Совместно с Отделом народного образования, это учреждение имело полномочия определять судьбу объектов культурного наследия всех названных регионов[10]. Должность областного инспектора по делам музеев в те годы занимал сотрудник Наркомата Просвещения А.Ф. Дубынин. Известно, что он закончил аспирантуру при Московском университете под руководством профессора В.А. Городцова по специальности археология и искусствознание (1926-1929)[11]. К моменту назначения в Иваново в 1931 году он уже имел опыт работы в музейных объединениях Суздаля и Костромы. Ему пришлось курировать вопросы охраны исторических памятников в сложный период времени, известный как «безбожная пятилетка» (1932-1937). Так, осенью 1935 года инспектор по делам музеев в докладной записке заведующему ОблОНО Ильину сообщал о неудовлетворительном состоянии Дмитриевского и Успенского соборов во Владимире и церкви Покрова на Нерли[12]. Изменить недостойное отношение к историческим памятникам со стороны местных властей было призвано постановление Президиума ВЦИК от 20 марта 1935 года[13]. Согласно этому акту, около 500 зданий на территории ИПО подлежали взятию на Госохрану.

Внимание А.Ф. Дубынина к шуйским достопримечательностям было вызвано тем же постановлением Президиума ВЦИК. Его ознакомление с архитектурными памятниками и предметами старины в Шуе произошло 13 мая 1935 года, по пути к месту археологических раскопок в деревне Змеево. Древний могильник, обнаруженный в местном карьере при добыче гравия, нуждался в изучении как новый элемент фатьяновской культуры[14]. При этом, в отчёте о командировке инспектор сообщал, что «*при выезде в г. Шую были зарегистрированы ранее не числящиеся памятники, о чём см. отношение в Отдел учёта памятников ГИМ и Комитет по охране памятников при ВЦИК*»[15]. Именно благодаря деловой переписке с Нар-

коматом просвещения нам сегодня известно о сохранности древней иконы Богоматери Шуйской-Смоленской в соборной Воскресенской церкви на 1935 год[16].



П.Г. Смидович

Главком Муралов

А. Ф. Дубынин

Первым документом в этом ряду стоит «Список инспектора по делам музеев ОблОНО ИПО»[17], направленный в мае 1935 года в Комитет охраны памятников при Президиуме ВЦИК. В отчёте А.Ф. Дубынин перечисляет «*весьма ценные памятники искусства и старины*», обнаруженные в Шуе. Первой в списке стоит Крестовоздвиженская церковь, «*построенная в 1693 г. и реставрированная в 1823 г., с типом архитектуры Казаковской школы*». Отмечено её внутреннее убранство в стиле ампир: «*иконостас стиля рококо*[18]*, престол бронзовый работы Кампиони*[19] *по гравировке академика Скотникова*[20] *и ампирные люстры».* Среди икон выделены: *«а/ Икона Успение (моление Николая Сократа), по заключению А.И. Некрасова в 1930 г. итало-критского письма XVI-XVII вв.; б/ Икона Бориса и Глеба в княжеском одеянии, XVI в.; в/ Икона Дмитрия царевича с историей убийства, XVII в.; г/ Резной деревянный крест надвратный, начало XVII в.*».

Здесь следует заметить, что молодой инспектор вёл себя в действующей[21] Крестовоздвиженской церкви по-хозяйски, как представитель власти. Он прошёл в алтарь, чтобы осмотреть бронзовый престол и его изящные барельефы; внимательно изучил резной крест над царскими вратами; уточнил датировку местного образа святых князей Бориса и Глеба; открыл киот и прочитал греческую надпись[22] на иконе Успения Богоматери; отметил редкую икону царевича Димитрия.

Вторым памятником, имеющим историческую ценность, А.Ф. Дубынин назвал Воскресенский собор, главное здание (1792). Среди икон выделены: «*а/ Икона местная Николая чудотворца («крещатые ризы»), московских мастеров, XIII и XIV век. Реставрирована Сусловым в 1925 г.; б/ Икона Шуйская-Смоленская, 1654 г., («Чудотворная»), местного иконописца Герасима Тихонова; в/ Икона Власия [и] Антипия, XVI век; г/ Икона «Тебе радуемся» местного письма, XVII век; д/ Икона «Спас мокрая борода», XVII век*».

Осмотр двустолпного соборного храма, пятиярусного иконостаса и ценных икон в интерьере был проведён также достаточно внимательно и профессионально. В местном ряду главного иконостаса инспектор отметил древний образ святителя Николая московских писем; в киоте у южных входных дверей – образ священномучеников Власия и Антипы XVI века; а также оценил иконографию двух редких икон XVII века. Но главным его свидетельством по соборной церкви для нас является упоминание о сохранности чудотворной иконы Богоматери Шуйской-Смоленской.

Третьим храмовым зданием Шуи в списке значится Покровская церковь (1754). Здесь внимание инспектора привлекли: «*а/ Икона Иоанна Предтечи царских писем, XV и XVI вв; б/ Икона «Покрова» 1652 г., местного письма Григория Утешова*[23]*; в/ Икона Шуйско-Смоленская 1745 г., копия местного иконописца Бориса Ив. Болотова*[24]». Среди рукописных книг было отмечено редкое Евангелие 1601 года, в пол-листа, «*юсовое*».

По видимому, А.Ф. Дубынину были известны заключения специалистов, работавших с шуйскими иконописными памятниками. Среди них крупный реставратор ВХРНЦ И.И. Суслов[25] и видный искусствовед А.И. Некрасов[26]. Возможно, кто-то из них выступил в качестве консультанта при составлении ответа на его письмо.

Согласно учётной записи, письмо ивановского инспектора было получено Комитетом охраны памятников 28 мая 1935 года. Через три месяца (31 августа 1935) его отчёт был передан на рассмотрение экспертов Третьяковской галереи. Заключение от 4 сентября 1935 приводится ниже[27]. «*В ответ на отношение Комитета от 31 августа за № 15 Государственная Третьяковская Галерея считает, что датированные и авторизованные памятники древне-русской станковой живописи, а именно: 1. Шуйская-Смоленская 1654 года письма Герасима Тихонова, 2. Покров 1652 года письма Григория Утешова, 3. Шуйская-Смоленская 1745 года письма Б.И. Болотова – должны быть приняты на Госохрану, тогда как остальные имеют местное значение. <…>*». Под документом поставили свои подписи директор ГТГ М.П. Кристи и учёный секретарь В.А. Эйферт[28]. В конце экспертного заключения было сделано особое замечание в отношении иконы святителя Николая из местного ряда главного соборного иконостаса: «…*икона Николы Воскресенского собора не 13-14 в., а 16-го*».

Трудно сказать, каким образом за четыре дня можно было провести экспертизу и уточнить датировку памятников станковой живописи из Шуи. Вероятно, отбор производился заочно, по признаку «*датированных и авторизованных памятников*». Как бы то ни было, далее Комитет охраны памятников при президиуме ВЦИК направил свой ответ инспектору по делам музеев, цитируя дословно заключение эксперта ГТГ: «*На Ваш № М-4 от 28.V-35 г. Комитет сообщает, что Шуйская Смоленская 1654 года письма Герасима Тихонова, Покров 1652 года письма Григория Утешова, Шуйская Смоленская 1745 года, письма Б.И. Болотова взяты на учёт, остальные имеют местное значение <…>*». Резолюция под-

писана учёным секретарём Ивановым и была направлена не только в ОблОНО ИПО, но также в Государственную Третьяковскую галерею[29]. Помета о получении резолюции в ГТГ – 3 октября 1935 г.

8/II /636 л. 15

15

В КОМИТЕТ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ

ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК .-

35-
17/12/686.

В ответ на отношение Комитета от 31-го Августа за № 15 Государственная Третьяковская Галлерея считает, что датированные и авторизованные памятники древне-русской станковой живописи, а именно:

1. Шуйская-Смоленская 1654 года письма Герасима Тихонова,
2. Покров 1652 года письма Григория Утемова,
3. Шуйская Смоленская 1745 года, письма Б.И.Болотова -

должны быть приняты на Госохрану, тогда как остальные имеют местное значение.

Упоминаемая в списке Инспектора по делам Музеев Облоно икона Николы Воскресенского собора не 13-14 века, а 16-го.-

ДИРЕКТОР ГАЛЛЕРЕИ:
/М.ХРИСТИ/

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
/В.А.ЭТТЕНГ/

Ответ ГТГ, сентябрь 1935 г.

Таким образом, переписка между ОблОНО ИПО и Комитетом охраны памятников в мае-октябре 1935 года свидетельствует, что культурная ценность икон была признана специалистами ГТГ, и они были поставлены на особый учёт, то есть взяты под охрану государства. К сожалению, это решение не повляло на действия местных властей. Утрата шуйской святыни связана с реорганизацией Воскресенского собора в 1936-1939 гг. Через полгода после признания культурной ценности трёх шуйских икон, по постановлению того же президиума ВЦИК от 20 апреля 1936 г., договор с «*религиозным обществом Тихоновской ориентации*» на пользование Воскресенской церковью был расторгнут[30]. Здание собора было передано в пользование «*религиозной общине обновленческой ориентации*». Согласно постановлению Облисполкома от 2 октября 1937 года, Воскресенский собор был закрыт и для обновленцев. Тем же актом была утверждена передача

помещений собора Шуйскому Горсовету «*для использования на местные нужды*»[31]. Действия областных властей определялись постановлениями пост. Комиссии по вопросам культов пр ВЦИК. Её руководителем (в 1929-1938 гг.) был уже известный нам по событиям в Шуе П.Г. Смидович.

Для Ивановской промышленной области 1937 год памятен разгромом областного руководства, который был произведён по указанию секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, выступившим на августовском пленуме Ивановского обкома. Перед новым уполномоченным НКВД А.П. Радзивиловским была поставлена задача в четырехмесячный срок репрессировать 2750 человек, из них – 750 по 1-й категории (расстрел)[32]. В Москве в тот же период времени был репрессирован Нарком Просвещения А.С. Бубнов. В таких обстоятельствах ход дел по распоряжениям областного руководства мог быть приостановлен. Этим можно объяснить тот факт, что «*религиозная община Воскресенской церкви*», несмотря на постановление облисполкома 1937 года, просуществовала ещё два года. В архиве Шуйского Горсовета за 1939 год находим документ о дальнейшей судьбе Воскресенского собора. Из протокола заседания от 10 сентября видно, что на Президиум Горсовета вновь выносился вопрос о закрытии собора как культового здания, со «*сдачей имущества в трёхдневный срок*»[33]. Формальным поводом стал отказ членов «двадцатки» религиозной общины, в том числе старосты и священника, соблюдать условия договора и нести непомерное налоговое бремя. Надзор за передачей имущества осуществлялся представителями Шуйского Горсовета. На этом известные нам документальные упоминания о чудотворном образе Богоматери из Воскресенского собора исчерпываются. Но есть основания надеяться, что официальный статус памятника искусства, утверждённый решением профильного Комитета при Президиуме ВЦИК, всё же воспрепятствовал уничтожению чудотворной иконы или продаже её иностранным «собирателям» русских иконописных памятников. В настоящее время местонахождение иконы остаётся неизвестным и её статус официально определяется как «исчезнувшая». К этому следует добавить, что судьба других предметов искусства, упомянутых в отчёте ивановского инспектора по делам музеев от 28 мая 1935 года, также остаётся невыясненной. В настоящее время в собрании икон областного художественного музея или в собраниях шуйских музеев ни один из них не числится.

В рамках обсуждаемой темы можно добавить, что один из чтимых списков Шуйской Одигитрии в настоящее хранится в Третьяковской галерее. По имеющимся учётным записям, он поступил в ГТГ в составе т.н. «Ростовской коллекции» в августе 1937 года[34]. Список исполнен мастером Оружейной палаты в конце XVII века. Имеются предположения о его происхождении из Златоустовской церкви Ярославского Кремля[35]. Формированием «Ростовской коллекции» занимались сотрудники галереи А.И. Леонов и Н.Е. Мнева, командированные Наркомпросом и Комитетом по охране памятников ВЦИК в Ростов и другие провинциальные музеи летом 1935 года. Несмотря на то, что музейное дело региона инспектировалось Ивановским Облмузеем, московские эксперты взяли на себя

инициативу по отбору ростовских памятников в ГТГ на реставрацию и хранение». Но никаких документов о подобной командировке экспертов ГТГ в Шую за период 1935-1939 гг. выявить не удалось. Также нет никаких следов пребывания чудотворной иконы из Шуйского Воскресенского собора в самой Третьяковской галерее.

Ивановские репрессии 1937 года миновали инспектора А.Ф. Дубынина. С мая 1936 года он работал в должности «старшего научного работника» Облмузея и был руководителем полевых археологических работ.[36] На момент закрытия шуйского Воскресенского собора (1939 г.) инспекторских полномочий у него уже не было.[37] Далее он участвовал в Великой Отечественной войне, закончив службу в звании старшего лейтенанта. После демобилизации он вернулся в Иваново, защитил диссертацию по археологии на материале раскопок Малышевского могильника муромы[38] и продолжил работу в должности доцента педагогического института. Затем, в 1953 году А.Ф. Дубынин был принят по конкурсу в Институт археологии АН, где в течение двадцати лет возглавлял Московскую археологическую экспедицию[39]. Ещё двадцать лет он находился на заслуженном отдыхе и дожил до переломного момента в истории советского государства.

Изменение отношения Советского государства к Русской православной церкви и нашим национальным святыням исторически связано с празднованием 1000-летия крещения Руси, проведённым в государственном масштабе. Первым церковным зданием в Шуе, возвращённым Церкви, стал Воскресенский собор. Возобновление богослужений состоялось на Пасху 1990 года. Одной из первых в возрождаемом соборе была совершена заупокойная служба в память о шуянах, погибших в годы политических репрессий. Осенью 1991 года Воскресенский собор был передан Николо-Шартомскому монастырю. Преемником чудотворного образа Богоматери в наши дни пребывает список XIX века, помещённый в соборе вскоре после визита в Шую Патриарха Алексия II, состоявшегося 20 августа 1993 года[40].

1. Отчёт «О ходе событий и ликвидации беспорядков в городе Шуе» секретаря Шуйского Укома С. Эдельмана от 18 марта 1922 года. *Баделин В.И.* Правда о Шуйском деле / Золото церкви. «Рыбинское подворье»: Ивановское отделение. 1995. С. 207-210.
2. «*В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти…*». Письмо В.И. Ленина для членов Политбюро 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. №4. С. 190-193.
3. Доклад Н.И. Муралова Л.Д. Троцкому о событиях в г. Шуе. 27 марта 1922 г. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 1. Д. 60. Л. 43-43об. Подлинник. «Дело» патриарха Тихона / публикация М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 57-59.
4. Первое описание драгоценной ризы оставил П.И. Гундобин: «*По левую сторону Царских врат чудотворная икона Шуйския-Смоленския Божией Матери, написанная в 1655 году. На ней риза жемчужная, украшенная разными дорогими каменьями. Жемчугу крупного и мелкого в ризе 5 фунтов 36 золотников. Камней бриллиантовых (кроме мелких осыпных) 794 камня. Весу в них 90 карат. Изумрудов крупных и средней величины 21, алмазов 75, яхонтов разного цвета 204,*

финисов и аметистов до 1000 камней. – Кроме этого к ризе приделано бриллиантовое ожерелье и две большие бриллиантовые звезды». Описание Шуйского Воскресенского собора / [П.И. Гундобин]. – М.: Н.Г. Калужский, 1862. С. 18.

5. Историческое описание соборных и приходских церквей Российской Империи. М., 1828. С. 160.
6. Базилевич Георгий Дмитриевич (1889-1939), подполковник царской армии. С марта 1918 года в РККА. Командующий Северо-Кавказским военным округом (1920), далее главный начальник снабжения РККА (1921). С 1924 года снова в РККА. Репрессирован в 1939 г.
7. *Крапивин М.Ю.* Главмузей и комиссия Л.Д. Троцкого «по учёту и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г. – октябрь 1922 г.) // Вопросы музеологии. №1 (13). 2016. С. 22.
8. Срочная телеграмма председателя губернского трибунала С.Ф. Павлова председателю Верховного Трибунала Крыленко от 10 мая 1922 г. в 4 часа утра. *Иеромонах Дамаскин* (*Орловский*) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2. Тверь, 1996. С. 53.
9. *Иванов Ю.А.* Шуя православная (материалы к энциклопедии). Шуя, 2007. С. 58-60.
10. 1-5 декабря 1930 года в Москве состоялся Первый Всероссийский Музейный съезд, который курировал Нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов (1929-1937). В его письме-приветствии была определена основная задача текущего момента: «*поставить музеи на службу социалистическому строительству и превратить в инструмент культурной революции*».
11. *Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. №1 (23). 2018. С. 329.
12. *Ревякин Е.С.* Памятники церковной архитектуры в период «воинствующего безбожия» (По материалам Ивановской Промышленной области) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Иваново: ИГУ, 2015. С. 287.
13. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 76. Д. 90. Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 20 марта 1935 г. об утверждении списка памятников архитектуры, находящихся под государственной охраной с приложением списка.
14. *Дубынин А. Ф.* Археологические обследования и раскопки в Ивановской области. 29. Шуйский и Комсомольский районы // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 87.
15. ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Обращение в Отдел учёта памятников ГИМ, вероятно, было связано с архитектурными памятниками.
16. Местную часть переписки 1935 года с Комитетом охраны памятников о ценности икон из Шуи упоминает *Виноградова Л.П.* К вопросу об иконографии иконы Шуйско-Смоленской Богоматери // Краеведческие записки. Иваново, 1998. С. 114. Московскую часть этой переписки с привлечением эксперта ГТГ кратко обсуждает *Никонов Н.И.* Шуйская Смоленская икона Божией Матери. СПб., 2008. С. 112-113.
17. ОР ГТГ Ф. 67. Отдел ДРЖ. № 506. Л. 1.
18. Резьбу иконостаса выполнил мастер Григорий Чухнов, дворовый человек графа Шереметева. Краткое описание Шуйской Крестовоздвиженской церкви. М., 1839. С. 9.
19. Кампиони, Сантин Петрович (1774-1847), российский скульптор итальянского происхождения. Мастерская Кампиони находилась в Москве с 1795 года.
20. Скотников, Егор Осипович (1780-1843), академик (1809). Им выполнено гравированное изображение на верхней доске престола по евангельскому сюжету «положения Спасителя во гроб». Краткое описание Шуйской Крестовоздвиженской церкви. М., 1839. С. 10.
21. По сведениям С.С. Семягина, вопрос о закрытии Крестовоздвиженской церкви решался на заседании Президиума Шуйского Горсовета 21 августа 1937 года (ГАИО, Ф. Р-1510).
22. Греческая надпись на иконе упоминает Николая Сокара (а не Сократа, как ошибочно указал инспектор). Датировка иконы по надписи҃аФѯҐ = 1563 год. *Там же*, С. 19.
23. Надпись на иконе: «*Лета 7160 (1652) сентября 1 дня поставил сию икону в соборную церковь Покрова Богородицы Григорий Утешов иконник*». *Правдин Е.И.*, иерей. Описание города Шуи и шуйских церквей. Шуя : издание Ив. Турушина, 1884. С. 133.
24. Полную надпись см. *Правдин Е.И.*, иерей. Описание города Шуи... Шуя, 1884. С. 134.
25. Суслов, Иван Иванович (1879-1947), иконописец, реставратор иконописи. После окончания

Мстёрской школы иконописи с 1895 года работал в Москве. В 1918 году приглашён в Комиссию по сохранению и раскрытию памятников древней русской живописи. Отечественная реставрация в именах 1918–1991 гг. М., 2010. С. 356-358.
26. Некрасов, Алексей Иванович (1885-1950), профессор Московского университета, создатель московской школы искусствознания. В начале 1920-х годов читал курс лекций по истории искусства в Иваново-Вознесенском политехническом институте.
27. ОР ГТГ Ф. 67. № 506. Л. 5; копия: ОР ГТГ Ф. 8. II. № 686. Л. 15.
28. Эйферт, Владимир Александрович (1884-1960), художник, искусствовед. Эксперт по антиквариату в торгпредствах Германии, Швеции, Австрии и Франции (1931-1935). С 1936 по 1939 годы директор ГМИИ им. А.С. Пушкина.
29. ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 210; ОР ГТГ Ф. 8. II. № 609. Л. 3.
30. Переписка по вопросу религиозного культа Шуйского района. ГАИО Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 847. Л. 28.
31. Впоследствии здесь долгое время размещались торговая база и городской архив.
32. *Муравьёва Н.А.* Документы ГАИО о периоде массовых политических репрессий 20-30-х гг. XX в. Доклад на Круглом столе «Трагедия 1937 года» 26 октября 2012 года. https://ivarh.ru/dokumenty-gaio-o-periode-massovyh-politicheskih-repressiy-XX-v--520.
33. Выписка из протокола № 28 заседания Президиума Шуйского городского совета Ивановской области от 10 сентября 1939 г. МУ АГОШ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 3. Автор благодарит иеромонаха Тихона (Захарова) и Е.С. Ставровского за предоставленные сведения из Шуйского городского архива.
34. Акт № 0459 от 16 августа, по инвентарной книге ГТГ за 1937 г. *Кочетков И.А.* Иконы из Ростова в собрании Третьяковской галереи. История поступления // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1994 г. Ростов, 1995. С. 200-206.
35. *Макарьянц Б.Л.* Похвала на икону Одигитрии Шуйскую. Особенности гимнографии. // Кадашевские чтения. Вып. XXV. М., 2019. С. 171–172.
36. *Дубынин А.Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936-1940 гг.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. – АН СССР, вып. 11. 1945. С. 91-99.
37. С мая 1936 г. обязанности инспектора по музейным делам были возложены на директора Облмузея В.П. Чихачёва. Приказ № 39 от 7 июня 1936 г. ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Архив кадровой службы. Книга приказов по Ивановскому областному краеведческому музею 1935-1949 гг.
38. *Дубынин А.Ф.* Раскопки Малышевского могильника. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. – АН СССР, вып. 27. 1949. С. 91-98.
39. *Смирнов К.А.* Памяти Александра Фёдоровича Дубынина (1903-1992) // Российская археология. 1993. №3. С. 268-269.
40. *Полосина Т.Г.* «Я вижу, доброта не ушла из вашей жизни» // Рабочий край. – 21.08.1993.

А.Е. Лихачев, Е.В. Шаповалова (ассистент)

Памятник новомученикам в сознании шуйских жителей

Преамбула

В 2007 году в Шуе на Соборной площади был открыт памятник жертвам шуйского расстрела 1922 года, столетие которого мы отмечем в этом году. Автор – московский скульптор Александр Рукавишников – создал незаурядный динамичный образ, несущий в себе сильный смысловой заряд. Он представляет собой трёхфигурную композицию, двух священников, падающих под пулями палачей, и обращённую к ним, раскинувшую руки отроковицу, видимо, пытающуюся защитить их от пуль. Парадокс, заложенный автором в композицию – ребёнок, девочка, защищающая взрослых мужчин – значительно усиливает нравственные акценты непростой исторической ситуации, которой посвящён памятник. Любой памятник, если ему быть востребованным, призван иметь эмоционально-нравственное измерение. Видимо, автор глубоко вник в обстоятельства трагедии.

Жертв идеологического столкновения богоборческой советской власти и глубоко верующего шуйского народа было, как известно, семь (если считать только погибших): четверо погибли 15 марта под пулями красноармейцев, в том числе названная у первых исследователей «отроковицей» Анастасия Шилова, а трое, два священника, Павел Светозаров и Иоанн Рождественский, и мирянин Пётр

Языков, были расстреляны по приговору Верховного Трибунала 10 мая того же 1922 года. В тот мартовский день народ вышел показать властям, покушавшимся на его святыни, свою веру, своё отношение к величайшей народной святыне, хранившейся в шуйском Воскресенском соборе – чудотворной иконе Шуйской-Смоленской Пресвятой Богородицы. Характерны слова, произнесённые Николаем Малковым, самым юным из жертв расстрела (21 год), перед самой гибелью: «Умрём за Матерь Божию!» Названная следствием «толпа, возбуждённая черносотенным духовенством» была не толпой, а зримым единством людей, твёрдо верующих в незыблемость общенародных христианских установок, потому что они безоружными шли на отряды, ощерившиеся винтовками и пулемётами. Не случайно, когда к милиции на помощь торопился военный отряд ЧОН (части особого назначения), встречные люди просили бойцов не поднимать оружия против собственных братьев. Те люди ещё верили, что государственная власть распоряжается только земными делами людей, а не душами, нравственными установками. Отнять жизнь у невинного и безоружного считалось крайней степенью беззакония, люди верили в это и надеялись, что солдаты не послушаются безнравственных приказов начальства. И именно здесь, в Шуе, произошёл окончательный слом взаимоотношений власти и народа, впервые проявившийся в старообрядческом расколе, и до сего дня цветущий пышным цветом, например, в стихийном движении антипрививочников. Расстреляв безоружных людей (4 убитых, 20 тяжело раненых), власть окончательно потеряла лицо «народной», явила себя властью узурпационной.

Чтобы обелить действия властей в глазах шуйских жителей и всего советского народа, сразу после событий был проведён целый ряд шумных газетных и общественных мероприятий. На съезде шуйских рабочих, представителей всех трудовых коллективов, было выражено ложное соболезнование всем «жертвам стихийных беспорядков, как погибшим рабочим, ***так и погибшим красноармейцам***»[1]. Перед следователем Галкиным (кстати, отрёкшимся священником), была поставлена задача найти «заговор духовенства», которую он, к досаде руководства, не смог выполнить – представители ГПУ научились этому уже в 30-е годы. Из Полного собрания сочинений В.И. Ленина было стыдливо изъято его секретное письмо по следам событий, в котором он откровенно пишет о подлинных мотивах действия властей: ***под предлогом голода нанести церкви как можно более сильный удар***[2]***.*** Человеколюбие вообще было несвойственно партийной верхушке, пришедшей к власти на гребне кровавой революции, ведь это были террористы, для которых люди был «расходным материалом» для реализации разных социальных идей. Этому и служил созданный Троцким и Дзержинским репрессивный аппарат. Народ знал это интуитивно, почему тотчас, после отказа власти от коммунистической идеологии (в конце августа 1991 года), был снесён памятник «железному Феликсу». Большевики верно понимали, что подлинная христианская нравственность несовместима с их методами общественного переустройства, потому и поставили первой идеологической своей задачей «расхри-

стианизацию» общественного сознания. Возвращение христианских ценностей в народное сознание стало возможным только после смены идеологической парадигмы. Открытие в Шуе в 2007 году подобного яркого памятника должно было быть «лакмусовой бумажкой» этих сложных процессов, и потому мы с большим интересом попытались сделать первый пробный замер общественного мнения вокруг него. Проходящее празднование столетия трагических событий лишь актуализировало эту важную задачу.

* * *

Опрос решили делать не письменный, а устный, анонимный, в форме краткой беседы в виду памятника. Он был сделан выборочным, охватил 101 человека самого разного возраста и положения. Его провели две студентки, Шуйского филиала ИвГУ и ШДУ. Результаты тут же фиксировались, и по времени, и по минимальным анкетным данным (пол, возраст, социальное положение респондента), и по ответам. Опросник был разработан настоятелем Свято-Смоленского храма в Юже, историком по образованию, включённым в рабочую комиссию по подготовке празднования 100-летия подвига шуйских мучеников. 9 вопросов должны были отразить 3 момента восприятия респондентом скульптурной композиции: 1) информированность респондента о памятнике, исторической ситуации и участниках события; 2) его понимание символического значения памятника; 3) его собственную оценку шуйской трагедии.

Результаты оказались достаточно интересными для самих опрашивающих. Во-первых, выяснилось небезразличие шуян как к самой теме, так и к истории своего города. Только 3 человека отказались от ответов совсем (1 женщина средних лет и 2 мужчин лет 25 и 40), 1 женщина на бегу сказала, что всё о памятнике знает, но отвечать не желает, и лишь 15 из 100 остановленных людей заявили о безразличии к памятнику и его значению, причём из них двое были приезжими недавно в Шую на учёбу иногородними студентами. То есть только о 8% опрошенных шуянах мы можем сказать, что эти люди были безразличны к тому монументу, который стоит на одной из их центральных площадей. Также выяснилась осведомлённость людей об установке этого памятника и его мотивах (надо сказать, что событие его открытия в 2007 году получилось резонансным, на него в Шую приезжал не только губернатор, но и постпред Президента, и всё было широко освещено в СМИ). Кроме 15 безразличных, только 6% оказались не знающими о памятнике и его значении. Интересны некоторые ответы, прежде всего, мальчишек лет 9-11, игравших со сверстниками прямо у подножия монумента, показывающие непосредственное воздействие символики памятника на сознание. Они завили себя верующими, ничего не знали ни о шуйских событиях, ни о тех, кто изображён в скульптурной композиции, но на вопрос, почему на памятнике изображены священники, ответили – «расстрелянные попы». А один

парень 16 лет, тоже почти ничего не знавший, тем не менее ответил, что это памятник эпохи революции. Хорошую или отличную информированность о памятнике (62%) и происшедшей в Шуе трагедии (56%) проявили больше половины респондентов. Только, увы, имена погибших и изображённых на памятнике людей знали всего 4 человека (две школьницы и 2 женщины средних лет), из них все заявили себя верующими, а хотя бы одно имя верно назвали ещё 6 человек. Из них 1 женщина средних лет считает, что изображённая на памятнике отроковица – дочь о. Павла Светозарова.

Здесь мы уже вплотную подходим к пониманию людьми символического значения памятника. Безусловно, в момент расстрела никакая девочка не могла защищать священников, это действительно эмоционально-символическая фигура. Проявить этот момент народного сознания были призваны несколько вопросов, один прямой (№8 по порядку опроса), «что бы Вы хотели (могли) рассказать о памятнике своим иногородним гостям?», но косвенно – ещё три: самый первый, «…в честь чего поставлен памятник?»; 6-й: «Почему на памятнике изображены священники?» и отчасти 7-й: «Знаете ли Вы имена кого-нибудь из погибших?» Сначала разберём результаты по косвенным вопросам. 23%, т.е. практически четверть опрошенных, сообщили совершенно точно, что памятник посвящён расстрелу верующих безоружных людей, ещё и год его установки назвали, а ещё 43% знали, что он посвящён борьбе соввласти с церковью (итого – 66%, т.е. 2/3 всех опрошенных). 32% опрошенных знали, что в результате гибели людей вместо истинных виновников трагедии были взяты и расстреляны по приговору лже-суда два священника, никакого отношения к пролитию крови не имевших. То есть каждый третий из опрошенных понимал, что этот памятник является свидетельством невинности жертв (кстати, нам органы так и не смогли дать ответа, реабилитирован ли о. Иоанн Рождественский). И ещё 25% понимали, что люди просто защищали народное достояние от разграбления, отмечая, что помощь голодающим была только предлогом. Хотя, интересно отметить, прямой вопрос об обмане властями народа, подразумевающий осознание именно этого момента, повисал в воздухе (он задавался пятым, до вопроса о том, почему изображены священники). При ответе на него только 5 человек сказали, что целью власти было уничтожение церкви как таковой, и ещё 10% сказали, что целью кампании по изъятию было обогащение партийной верхушки. Одна женщина (по анкетным данным средних лет, работающая, верующая) либо была даже в курсе последних достижений исторических исследований темы[3] (либо интуитивно догадалась), сказала, что деньги, собранные таким жестоким способом, ушли за границу. Таким образом, сопоставление ответов на 6 и 5 вопросы показывает, что если 57% понимали невинность жертв, то только 15% (меньше трети из них) видели причиной трагедии действия властей. Ещё 4 человека посчитали вопрос об обмане неэтичным и отказались на него отвечать, хотя в ответе на следующий верно указали на невиновность погибших священников.

Теперь обратимся к анализу ответов на прямой (8-й по порядку анкеты) вопрос: «Что Вы рассказали бы о памятнике своим гостям?» Только 4 человека (1 из 25) отметили, что это памятник героизму, силе духа русского народа как православного, то есть полноценно осознавали пафос композиции, заложенный автором скульптуры (когда девочка не прячется от пуль за взрослыми, а ещё пытается их защитить). Ещё 29 человек охарактеризовали его как память о важных, значимых событиях в нашей истории, что он напоминает о том, как народ защищал свою веру (5 человек так прямо и сказали – «важнейшая достопримечательность Шуи)». При этом надо учесть, что 30 респондентам, проявлявшим безразличие к теме самого опроса, этот вопрос вообще не задавался, а у 5 из 71 ответивших вызвал смущение (из-за понимания сложности вопроса и своего незнания), которое они и выразили в ответ (например, «нужно купить брошюру и почитать, чтобы что-то рассказать»). Последнее свидетельствует скорее о понимании людьми значимости события, которому памятник посвящён, их можно присоединить к 29 вышеназванным. Интересно отметить, что два человека (женщины средних лет) были несогласны именно с самой композицией памятника, одна из них, причём заявившая себя неверующей, но знавшая имя о. Павла, считает, что его надо было сделать по-другому (жаль, опрашивающие не догадались спросить, а как надо было бы); другая, верующая, – что на его месте должен быть просто поклонный Крест. То есть больше 2/3 ответивших соглашаются со значимостью этого памятника в сознании людей, и лишь 3 человека прямо выразили или своё безразличие (стоит и стоит), или окружающих (никто не интересуется). 15 респондентов простодушно сказали, что не знают, что о нём можно рассказать. В любом случае, даже включая 30 не спрошенных, всё же больше половины людей подтвердили значимость этого монумента в сознании шуйских жителей.

Безусловно, самым главным аспектом восприятия памятника и как художественного образа, и как символа важного дела обновления общественного сознания является аспект нравственный, но он же и самый деликатный момент опроса. Для раскрытия этого аспекта мы, во-первых, осторожно пытались узнать мировоззренческую позицию респондента (выборочный анкетный вопрос о вере), также воспользовались одним прямым вопросом, о котором выше упоминали и который справедливо мог быть воспринят некоторыми как провокационный («в чём состоял обман властей?»), а ещё – косвенным («На соседней улице уже много десятилетий стоит памятник Ленину. С установкой нового монумента может ли теперь сочетаться там его пребывание?»). Надо заметить, что сами исследователи оказались в очень непростом положении, потому что любая этическая оценка должна быть ясной, определённой (добро/зло), но сама ситуация смены общественных формаций и идеологии породила сложнейший конгломерат нравственных коллизий. Ведь даже уничтожение церкви как общественного института проводилось под прикрытием лозунгов о помощи голодающим и контрреволюционности самой церкви, что есть обвинение в препятствии делу благо-

го переустройства общества. Глубокий анализ приведёт нас к философским спорам о природе человека и общества, но они не для массового сознания. Видимо, и сам памятник призван сыграть определённую роль в преодолении духовного вакуума, отсутствия нравственных критериев.

Тот факт, что общество относится с безразличием к важнейшим урокам недавнего прошлого, уже широко обсуждается в связи с актуальными политическими событиями. В особенности это относится, увы, к молодому поколению. Сопоставление ответов, выражающих безразличие к теме с возрастной шкалой опрошенных показывает, что из 49 респондентов возрастом до 35 лет включительно эту позицию занимало 30 человек, т.е. более 60% молодых людей. Причём безразличие к теме встречалось даже у школьников из православной гимназии (человек 8). Характерны ответы девушки 17 лет, верующей, учащейся православной школы, она не знает, ни в каком году произошла трагедия, ни намерений верующих, пришедших на Соборную площадь, хотя о трагедии и расстреле священников что-то слышала. Про памятник сказала: «Все и так знают». На последний вопрос, как совмещается с этим памятником другой памятник на соседней улице, она прямо сказала: «Мне это всё равно». Среди людей зрелого и старшего возраста, 52 респондента, только 9 либо отказались от опроса (сказали, что спешат на работу) или не знали, что ответить (8,5%). Выше мы отметили, что именно 5-й вопрос, «в чём состоял обман властей» (был задан только 47 респондентам), имеет прямой нравственный аспект, и на него 3 чел. даже отказались отвечать (мужчина, пенсионер 80 лет, сказал – «такого быть не могло», хотя о гибели священников знает), а 2 человека справедливо отметили, что для ответа на него надо хорошо знать канву событий. 11 человек выразили ясное понимание антигуманной позиции власти, из них 3 человека отметили именно желание властей уничтожить саму веру у людей, а один посчитал их «заблуждающимися». Последний респондент, юноша возраста 21 год, тонко чувствует нравственную идею самого памятника, это он толкует образ так, что «девочка защищает своего отца». Из подростков (до 15 лет включительно), кто естественно не вникал глубоко в нравственные коллизии, 4 школьника прямо считают, что это просто был способ легко добыть деньги, то есть «официальный» грабёж. Итого, 15 ответов из 47 (почти 30% ответивших) ясно определяют действия властей как безнравственные, неприемлемые.

Обратимся к последнему вопросу, «есть ли смысл в памятнике Ленину», – он был о том, как могут сочетаться два памятника, палачу и его жертвам? В него мы вкладывали мысль о возможном повороте массового сознания к восстановлению христианских ценностей, задан он был не всем, только 67 респондентам из 101. Хорошо видится неготовность общества к чёткому определению нравственных предпочтений, многие люди не заявляют о своей нравственной позиции. Неопределённый ответ (не знаю, не хочу отвечать) дали 10 человек (1/7, т.е. ок. 15%) из опрошенных. Только 11 человек признали, что с установкой памятника

новомученикам как героям общенародной защиты веры, нахождение рядом памятника Ленину не имеет смысла. В том числе тот юноша 21 года, который проявил ясную нравственную позицию, так решительно и заявил, что «памятник надо убрать». Один мужчина, инвалид 59 лет, мудро ответил про памятник вождю: «Пусть стоит как горькое напоминание». А женщина зрелого возраста, ясно сознающая смысл трагедии 1922 года, дала тоже очень характерный ответ: «Смысла в нём нет, но есть ещё коммунисты…» Их ответы можно присоединить к отрицательным, т.е. нравственно определённым – 13 ответов, 19%. Но вот главный «корпус» ответов состоял в «примиренческой позиции», которая была наиболее ясно выражена в ответе женщины 58 лет, пенсионера: «Да, имеет смысл. Ведь это история, не нужно её переписывать, Ленин тоже сделал что-то хорошее». В таком значении утвердительных ответов о наличии смысла памятника вождю было 40, то есть 60%. Среди них есть разные оттенки, от «допускающих», даже с каким-то извинительным оправданием («может и нет, но для истории важно»), до абсурдного отвержения исторических фактов (женщина, ветеран труда, 71 год: «Памятник вождю нужен. Ленин хотел не того. Эти события одно, Ленин – другое»). Весь вопрос в том, является ли эта позиция нравственным безразличием («тут памятник убийце, на соседней улице – его жертвам, путь будет всё»), или это выражение чего-то другого?

На наш взгляд, и он может быть, конечно, оспорен, старшее поколение (от 36 и выше) точно можно назвать небезразличным. Просто те люди, которым сейчас около 50, застали на собственном опыте колебание идеологического маятника, от революционной идеологии, когда станции метро и улицы носят имена убийц неповинных детей и террористов, до агрессивной идеологии либерализма, когда

само наличие убеждений и нравственных ценностей считается «комплексами» и «узостью сознания». В самой постановке вопроса о смысле памятника вождю они и видят такую скрытую агрессию, опасность насильственной христианской идеологизации. Мы про этих людей можем сказать: «Обжегшийся на молоке, дует на воду». Елена Шаповалова (одна из ассистентов, проводивших этот опрос) отмечает случай: пока задавала вопросы респонденту, её на площади увидела одна знакомая и хотела было подойти. Но как только поняла, что ведётся опрос, да на религиозную тему, как-то резко повернула в сторону и сделала вид, что незнакома. Несколько человек даже с каким-то страхом отказались от участия, сказали, что не хотят опросов. Именно это опасение (обратной насильственной идеологизации) и является, по нашему мнению, той реальностью массового сознания, которая определяет вскрытый нами факт желания сохранить оба памятника. К сожалению, некоторые высказывания в современных светских и даже некоторых церковных СМИ подтверждают такого рода опасения. Но надо ясно понимать (и доносить до общественного сознания), что христианская вера по самому существу не только предполагает, но и воспитывает свободу человека. Церковь даже не дерзает поимённо молиться за тех, кто не крещён и не заявил о своей принадлежности к ней. Также существует мнение о «шизоидности» современного общества, в котором должны уживаться пенсионеры-коммунисты и их «беспринципные» внуки, что надо бы только сохранять «худой мир, который лучше доброй ссоры». Мы не можем с ним согласиться, потому что отстаивание свободы самоопределения, которое прочитывается в позиции «пусть будет и то, и другое», означает не беспринципность и раздвоенность, но верное, на интуитивном уровне, понимание самой природы нравственного чувства, нравственного выбора. Сначала полное и решительное неприятие зла должно стать собственной позицией каждого человека, а тогда вопрос нахождения памятника «злым гениям» станет вторичным, действительно, будет горьким напоминанием ошибок наших дедов в назидание нам, потомкам.

1. В.И. Баделин. Золото церкви. Исторические очерки. «Экологический вестник». Иваново. С. 158.
2. Письмо Ленина от 19.03.1922. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 1–4, 9. Подлинник. Машинописный текст, помета В.М. Молотова – автограф.
3. С.Н. Иванов. Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей. // Вестник СТПГУ №5 (66) за 2015 г. https://cyberleninka.ru/article/n/finansy-i-politika-v-realizatsii-izyatyh-v-1922-g-tserkovnyh-tsennostey

Ðàçäåë IV

Ñåìåéíûé ôîòîàðõèâ

М.Н. Валюх, А.Е. Лихачёв

Из жизни моей дорогой прабабушки, Марии Фёдоровны Жеганиной (Усовой), 96 лет

Удивительны и непохожи судьбы каждого человека. Я уже студентка, недавно стала тётей (племянник родился), но до сих пор нашу семью радует своим общением дорогая наша долгожительница, мама моей бабушки по отцу Мария Фёдоровна, урождённая Усова. В беседах с ней можно из первых уст узнать про то, что другим известно только как история. Хочу поделиться с читателями интересными её рассказами о прежней жизни и старинными фотографиями из семейного альбома.

Родилась Мария в крестьянской семье 29 марта 1926 года в деревне Иваньково, что на берегу р. Лух неподалёку от Мыта (теперь она относится к Верхнеландеховскому району Ивановской области). Изначально в деревне было 73 дома. Сейчас много домов вывезено (на нашем порядке примерно 14 домов, на другом примерно 16) – дома увозили и продавали. Отца Марии звали Фёдор Иванович Усов, он был рождён 21 мая 1893 года тоже в д. Иваньково, а мать – Евдокия Ивановна – родилась 14 марта 1899 в семье Кирилловых в деревне Жданиха Лухского района[1]. Их семья была многодетной, у прабабушки были старшие сестра Прасковья (18.11.1921-4.02.2006) и умершие братья Василий (в младенчестве) и др. Василий (умер в 7 лет), и младшие – Иван (17.05.1928-14.10.2010) и Клавдия (род. 27 марта 1930), ныне проживает в г. Фурманове Ивановской области.

Баба Маша (так мы её называем) помнит и имена своих бабушек и дедушек[2], особенно хорошо помнит «старого Ивана», папу своего родителя, который долго прожил и много ей, своей внучке, рассказывал – Ивана Васильевича. Его первая жена, Наталья, мать Фёдора и ещё двоих детей, рано умерла, и он взял в дом мачеху, Александру Григорьевну, от которой родились ещё две младшие его дочери. Крестьянин он был крепкий, имел свою мельницу на Лухе, держал в избе (в чулане) лавку, в которой торговал продуктами. Он был хотя и не обучен грамоте,

Фёдор Иванович Усов и Евдокия Ивановна Усова (Кириллова), примерно 1931-1932 г.

но считать умел хорошо, а также был глубоко религиозным человеком, почитал все праздники.

Недалеко от деревни, в 3 километрах, была деревянная церковь великомученика Георгия, которого в народе называли Егорий. Там, на берегу реки, отдельно от всех окрестных селений стояли две церкви, летняя и зимняя. И из всех деревень сюда приходили на службы певчие. Из их деревни ходили петь на клирос 4 человека, в т. ч. сын Ивана, Фёдор (отец моей бабушки). Наверное, уже в начале XX века жители Иваньково посреди деревни тоже сами для себя срубили церковь (возможно, часовню с алтарём, не помнит, в честь кого). Служили мужики сами, без священника, все деревенские ходили сюда молиться. Мужиков звали: Михаил Михайлович Шадрин, дядя Шадрин Дмитрий Гордеич, тятенька (Федор Иванович Усов), Николай Андреевич Блинов, а все девки стояли и пели хором. Сделали за мельницей на рву и маленькую часовню с нишами для икон (её в народе называли «церквушка»), в неё были вложены иконы, зажигали лампады с маслицем. Жители окрестных деревень устраивали часто Крестные ходы. Во главе всех Крестных ходов был Федор Иванович Усов. Федор Иванович нёс из церкви Животворящий Крест (большой, красивый). Были случаи, когда в некоторые дома с Крестом невозможно было зайти: «*В который дом пойдет, в который не пойдет, и кроме тятеньки Крест в дом никто не несёт. Вот возьмутся мужики идти в избу, а Крест назад пятится, не идёт Крест. А отец возьмёт – Крест идет.*

Не ко всем заходил Крест. Никто кроме него не мог донести, другим тяжело нести было». Все местные старались участвовать в Крестных ходах, на каждый из них приезжали 3 священника.

Эта жизнь сохранялась до 1929-30 годов, когда начались коллективизация и раскулачивание, у священнослужителей стали отбирать в колхозы дома. По словам бабушки Мани, «*стали раскулачивать, у Егория такие 2 церкви «раскорючили», а домов сколько! – где жили и священники, и дьяконы*». Разрушили по приказу начальства и церковь в Иваньково. Остался посередине деревни только большой камень (рядом с домом Галины Шадриной и Тони Шадриной). Церковной жизни не стало, но праздники в народе остались. «*К каждому приезжали родственники, коли были не в колхозе. У каждого дома лошади стояли. На Масленицу по последнему снегу было гулянье – катались на лошадях (называли «Катанье»), жгли саму масленицу, пекли блины. Было очень много людей. Вот сколь миру со всех деревень! К каждому дому приезжало по несколько лошадей. Катались на лошадях, на пролётках. Так катались, что чистого снега не было в деревне. Сколь лошадей-то было! Не пройти людям, дочка!*» Как только начиналось катанье, народ не выходил из дома. А тем, кому нужно выйти куда-то, пробирались «задами».

И Пасху праздновали. «*Ай бывало-то хорошо! А как стал колхоз, собирались и праздновали все вместе: 4 дома стряпали, пекли куличи, собирали всех. В деревне было много тех, кто играл на гармони, везде играли на ней. Ай, было у нас весело! Как до Мыта есть деревни, у нас лучше всех*». Ещё всегда праздновали Троицу. Тоже было гулянье. За день до праздника «подвивали» берёзки, а потом в сам праздник «развивали». Ещё существовали праздники деревень, в каждой большой деревне – свой. Было, так называемое, Крюковское гулянье (деревня Крюковская). В Советское время гуляли и 1 мая, и в октябре, был общий колхозный праздник во всех деревнях (у каждого колхоза тоже делали свой праздник). 3 деревни (Игнатовка, Юрино, Задняя) – был один колхоз, а д. Иваньково – большая, у неё был отдельный колхоз. А такие деревни как Крюковская и Ванино – вероятно не праздновали, были маленькие. В соседнюю Крюковскую деревню за 3 км ходили в клуб.

Имея своё крепкое хозяйство, семья Усовых первоначально не стала вступать в колхоз, тем более советским законодательством было предусмотрено ведение «единоличных хозяйств», которым просто были назначены налоги в пользу государства. Но это – на бумаге, а на деле было иначе. В 1930 году к уже объявленным налогам были прибавлены новые, уже неподъёмные. А не в меру ретивые односельчане, входившие в сельский Совет, примерно в 1931 г. составили список «кулаков» для высылки за Урал. Парламентёром от их имени в Москву на приём к М.И. Калинину, председателю Правительства, поехал Фёдор Иванович.

Промыслом Божиим всё сложилось удивительно хорошо. В беседе он случайно упомянул о том, что служил на Балтийском флоте, Михаил Иванович попросил рассказать подробнее, а потом составил бумагу о несправедливости

решения местной власти по отношению к участнику революции (корабельная команда принимала участие в одном из революционных выступлений). Этим же распоряжением были помилованы семьи Блиновых и Пушковых. Скоро в сельсовет пришла «окончательная бумага», отменявшая репрессивные планы, а единоличники поспешили войти в колхоз, в котором Фёдору Ивановичу было велено работать… на той самой мельнице.

Мария Фёдоровна Жеганина (Усова). Фото ок. 1941 г.

От старого доброго времени, церковных традиций родители бабы Маши сохранили любовь к пению. Все раньше собирались и пели. «*И мама, и тятенька хорошо пели*». Поженились Фёдор Усов и Евдокия Кириллова ещё примерно году в 1920-м. Фёдор был грамотный, а супруга – нет. Он ей читал молитвы и песнопения, а она – запоминала. Но гулянья – это были дни короткого роздыха после целых недель тяжёлой работы. У всех в деревне было своё хозяйство, все были в работе, у каждого была лошадь и поле (а не только огород). Поля все засевали: сеяли рожь, пшеницу, картошку, лён и т.д. Евдокия днём работала на ферме, а потом – швеёй в артели «У инвалидов». По-видимому, эта артель была организована ещё в войну – где трудились комиссованные фронтовики и шили всё для фронта: маскхалаты, рукавицы и т.п., сдавали в район.

Когда пришла война, она вошла в каждый дом! Война забрала жизни примерно 30 мужчин из деревни, а 27 пришли раненые. Остались женщины – у кого двое-трое-четверо детей, а у кого и 6 детей; по одному ребенку только у 5 баб было. «Напротив нас у тёти Кати Мазовой (Борис, Аркадий, Николай, Павел и ещё… 6 детей было) – отца взяли и скоро старшего сына забрали, обоих убили. У Курицыных убили 2х, у наших Усовых – 2х парнишек, у других Усовых (двоюродных) – 2х, у тетки Натальи – двоих сыновей. В пяти домах-семьях убили по 2 человека».

В это время 15-летней девочкой и начала свой трудовой путь в колхозе Мария Фёдоровна. Работала на ферме дояркой от зари до зари. У каждой доярки в группе было 12 коров, их надо было поить и доить без всякой механизации, вручную. Каждой принести по 2 ведра воды, каждую помыть, подоить, молоко

Деревенские женщины, которые остались без мужей. Фото 1941 г.

Деревенские парни. Второй слева в нижнем ряду – брат б. Маши Иван Фёдорович Усов. Фото ок. 1951 г.

процедить и слить в бидоны, и так не меньше двух раз в день. По 600-700 литров в вёдрах таскать каждый день, да ещё стойла чистить. А во время пастбищного сезона доить приходилось прямо в поле, на пастбище. В зимнее время Мария ещё находила время колоть дрова для медпункта и школы, потому что за это там платили наличными. Деньги очень были нужны, а в колхозе давали только трудодни, а осенью за них – продукцию.

Свою семью она создала в зрелом возрасте, в 1957 году. Вышла замуж за крестьянина из деревни Игнатовка Бронислава Фёдоровича Жеганина (1932-2004), сначала уехала жить к супругу, но скоро вернулись назад, в Иваньково, потому что родители Марии были уже пожилые и нуждались в уходе. Дед Слава работал после армии в колхозе «Дружба» мытского сельсовета, со временем стал бригадиром полеводческой бригады, а потом и директором сельского маслозавода в Игнатовке. Теперь и Мария Фёдоровна уже стала работать бригадиром. Вся деревня была под её руководством, бабушка назначала людей на работы, следила, чтобы все качественно выполняли свои обязанности. А ещё они держали большое подсобное личное хозяйство. На заслуженную пенсию она вышла только в 1981 году и до 2020 года продолжала жить в Иваньково. И вот только теперь, в глубокой старости, переехала в Южу к своей дочери Галине, моей бабушке, и мы смогли удобнее составить этот рассказ о её жизни.

Бабушка Маня в своём доме в Иваньково. 2019 г.

[1]. Родители её скончались: отец – 14 октября 1961 года, мать – 9 февраля 1991 года. Оба похоронены на церковном кладбище в Мыту.

[2]. По отцу: Иван Васильевич Усов, Усова Александра Григорьевна (не родная), родная – Усова Наталья; по матери: Иван Никитич Кириллов и Кириллова Евлампья Николаевна

В.Г. Овчинников

Из жизни уроженки Южи схимонахини Мариамны (Овчинниковой) (1899–1994)

Листаю архивные тетради моих предков. В судьбах людей сочетается и доброта, и жертвенность, и труд, и лишения, и отчаянная лихость, чуть не до «рубки икон». Трудно бывает разобрать почерк. Ум путается в годах и именах. Стараюсь сосредоточиться на ближайших родственниках. Думается, что важно и нужно знать судьбы родных людей, но для чего? Просто ответить, чтобы иметь в себе чувство духовной связи с ними. Но почему-то вспоминаются слова великого нашего поэта:

– *Они любить умеют только мёртвых*.

Да, живых любить сложнее, с их немощами, болезнями, недостатками… Или бывает так, погрузится человек в дела архивные, создаст себе образ всезнайки. Нет от этого радости близким его, живущим сегодня. Где же она, золотая середина?

Это было в девяностые годы, как сейчас называют – тяжёлые девяностые. Это было время основания семьи нашей, рождение первенца, Серафима. За радостными хлопотами, за увлечённой заботой о приобретении самого необходимого, мы даже не заметили тяжести времени. Разваливалась армия. Ходил на работу в яловых сапогах и длинной чёрной матросской шинели, купленных на толкучке за копейки. Деревня продолжала своё головокружительное падение, и многие наши знакомые москвичи покупали за бесценок дома. Так судьба привела меня в Лухский край. На «свадебные деньги» был куплен дом в деревне Рябово. Четыреста с лишним километров от столицы, но транспорт тогда ещё ходил исправно. В Вичуге можно было прыгнуть на уходящий автобус в Котово. Было счастье успеть на него. Сейчас трудно себе представить, как всё это можно было превозмочь – восстановить порушенный двор, поднять заросший терновником участок! Жена, с только родившимся первенцем жила по полгода в стенах почти пустого дома, правда печи не подводили. С работы я приезжал в деревню к своим, и вновь спешил в Москву на работу. А поспать можно было в пути. Всё это было в радость. Другого не мнилось. Одно огорчало меня, не мог выполнить просьбы бабушки.

– *Где ты купил дом? В Рябове? А где это Рябово? Ивановская область? А далеко ли Южа?* – спрашивала она. Южа была родиной бабушки. И (надо же такому случиться!) была всего в 60 км от нашей деревни. Сейчас нетрудно на машине преодолеть этот путь, а тогда не было ни машины, ни времени. Для бабушки Южа город, где прошло её детство, где жили и умирали её предки, где на её глазах всё вдруг поменялось, и то дорогое, что раньше было добрым, объявлено злым. Ей хотелось, чтобы хотя бы я поклонился той сиротствующей земле и, по возможности, передал поклон ещё живущим родственникам. Мне было не до того, но было

стыдно, что не могу выполнить настойчивую просьбу бабушки. Помню, просил папу объяснить ей, почему я не могу поехать в Южу. Эх, молодость не разумеет старость. Пройдёт несколько лет, не станет бабушки, и я часто буду посещать те места. Мне станут дороги остатки храма на горе, где пела на клиросе бабушка, мне станут близкими оставшиеся здесь родственники с воспоминаниями прожитых лет. Такие пути наши земные. Так, видно, нужно для каждого из нас.

Вот передо мной архивные материалы. Пожелтевшие бумаги, побледневшие чернила. Разные люди, разные судьбы. Проникнуть в их жизнь, сопережить события тех лет, мешает порой трудный почерк. В каких условиях всё это происходило – Бог весть. В основном почерк папы, писавший со слов отца, бабушки или тётки. Писавший наскоро, спешивший мысли своих родных перенести на бумагу. Как-то оформить начисто уже не было времени, в семье было пятеро детей. Времени всегда не хватало, но я понял, вернее сказать, прочувствовал это только к годам пятидесяти, когда выросли собственные дети. Вот три тетрадных листка. Папин почерк. Наверное, происходило это после смерти дедушки. Папа приехал навестить старенькую свою маму и в тишине опустевшего дома пишет под её диктовку воспоминания давних лет. Здесь почерк более-менее чёткий, спокойный. В нём мысли человека, сохранившего живую память.

Дедушка Коля и бабушка Маша – будущие схииеромонах Нектарий и схимонахиня Мариамна.1929 г.

Привожу начало родословия Марии Алексеевны Хохловой. Со слов мамы записано: *Родители моей мамы приехали из Сибири и вели сельское хозяйство. Бережливы (не теряли ни колоска), заботливые хозяева. Помимо сельского хозяйства прирабатывали при фабрике Балина. Бабушка, Мария Парфёновна – прядильщицей. Мама, Ирина Иасоновна, была хорошей ткачихой. Иасон, дедушка, был на войне (гусар). Был дородный, высокого роста, много трудился в поле (сеял, косил). Был несдержан, ругался, дерзал «рубить икону». Бабушка, Мария Парфёновна, добрейшей души человек – кормила нищих. Были огромные запасы, закрома полные хлеба. За помощью шли к ней. Семья большая. Ирина Иасоновна вступила в брак с Алексеем Александровичем Хохловым из Палеха. Он поступил на службу фабриканта Балина. Жили на фабричной квартире (свой большой дом был в Юже). Балин в награду подарил папе землю в лесу. Там построили дом. Мама занималась землёй. Место прозвано было – «Преподобный Серафим». Собирала грибы, ягоды. Ничего не боялась* (от себя добавлю, что бояться было чего. Со слов племянницы бабушки, зимой ночью волки приходили к самой избе. Ирина Иасоновна кидала в них горящие головешки из печки). *Была лошадь, несколько коров.*

Время шло, и дети стали ходить в училище при фабрике. Были хорошие преподаватели. Балин построил церковь при фабрике. По воскресеньям будили рано, ходили на Литургию. Пели хорошо. Я осмелилась подойти к регенту и с семи лет пела в хоре Южской сельской церкви[1]*, но продолжала ходить в фабричную церковь слушать хор. В семье нас было четверо: Анна Алексеевна 1893 г.р, Василий Алексеевич 1896 г.р., я, Мария Алексеевна 1899 г.р. и Александр 1900 г.р. На третьем году обучения вышивала гладью, шили обувь. Обучали и санитарному делу. После двух лет учёбы работали самостоятельно дома. Рядом жили купцы Бобылёвы. Я их обшивала, но боялась испортить заказ. Это большая ответственность. Мне это надоело, и я стала работать на электростанции конторщицей-табельщицей. К нам временно поселилась семья из Москвы. Папа хотел выдать меня замуж за коменданта дачи Балина, человек он был состоятельный. Жившая с нами семья вернулась в Москву, и я уехала с ними.*

В 1922 поступила на рабфак. Потом жила в семье подруги, жилось хорошо, так как мама моей подруги меня полюбила, хотела выдать замуж за своего сына. Он был по распределению квартир – неохотно выделил мне комнатку. Работала в институте Плеханова на Серпуховской, машинисткой. В 1924 году поступила в Университет на медфак. Пела в церковном хоре. Одна из «подружек» донесла в Университет. Стал вопрос о моём исключении, но я попала в группу Николая Александровича Овчинникова. Эта группа меня защитила. Коля жил на Софийке напротив Детского мира на седьмом этаже. Жил с Серёжей, который заметил: «В нашем лагере прибыло. Не беспокойся, мы тебя защитим. Своих защищаем».

Все они были членами Христианского кружка, который тщательно скрывался. Коля познакомил меня с отцом Георгием из Данилова монастыря[2]*. К нему ходило много наших студентов. Его любили. И отец Георгий просил приходить*

чаще. Я жила на Таганке и ходила пешком. У меня был хороший голос, пела в церковном хоре Даниловского монастыря и в церкви великомученика Георгия в Художественном проезде, где были и артисты Большого театра. Участие в хоре давало мне дополнительный заработок.

Медфак был переполнен и создали 2-ой мединститут (бывшие женские курсы). Я осталась в первом, а Коля попал во второй. Отец Георгий разделил нас на пять лет: «Надо учиться, а не жениться».

Мне говорили, что Колю готовят в «духовные». А я пела в церковном хоре. Серёжа похвалил меня: «Молодец, что так себя ведёшь». У Коли была девушка в Мичуринске, но она вышла замуж, так как он сказал ей, что не женится, пока не закончит учиться, а мне он потом говорил: «Я полюбил тебя и был обрадован, когда она вышла замуж».

Данилов монастырь закрыли. Отец Георгий сидел в Бутырской тюрьме. Это было на 2-ом курсе Университета. Батюшка Георгий меня очень любил. Принял меня в час ночи. Домой не отпустил. Его келейник Пимен накормил меня. В коридоре легла спать. В три часа ночи за батюшкой пришли. Я помогала ему собраться. Шли пешком. Я шла за отцом Георгием. Конвоир прогонял меня: «Отойдите». Батюшка сказал: «Маруся, оставь».

1937 год. Бабушка Маша, Мария Алексеевна Овчинникова и папа, Георгий Николаевич Овчинников (22.10.1930–27.03.2002)

Пошла в Университет. Встретила Колю. Он сказал, что я хорошо сделала, что не пошла домой, но за мной так и не пришли.

После весенней сессии 1929 года работала в Серпухове, в детском отделении. Жила при больнице. В Москве сохранялась квартира на Таганке, на улице Косьмы и Дамиана, на пригорке. Красивое место. Приезжала каждое воскресенье – пела в Николы на Болвановке. Коля закончил Университет осенью 29 года. Не работал. Жил очень бедно, голодал. Однажды в воскресенье, когда вернулась домой узнала, что приходил Коля. Сердце скакнуло, так как стала забывать Колю – его готовили в «духовные». Коля сказал, что распределён в психбольницу города Тамбова. «Я завтра уезжаю. Сегодня венчаемся в церкви Святого

Владимира в Старых Садех. Венчание будет под замком, со свечами, без света. Шафёр – студент технического института Валерий».

Венчал нас отец Владимир Амбарцумов[3]. Батюшка высокой веры, образованный. Было это 28 октября 1929 года. Были Женя Смирнова и студенты-друзья. После, у шафера Валерия был стол, а утром Коля поехал в Тамбов, а я в Серпухов. Только через год, в первый отпуск, переехала в Тамбов. Меня направили в Тулиново, что в 10 верстах от города. Там был женский монастырь. Работала детским врачом, потом главным. Ты родился в Тамбове, на частной квартире на ул. Лермонтова.

Назовём дальнейшие вехи в жизни семьи Овчинниковых. Через год Николай Александрович также переехал в село Тулиновка, где в 1931-1932 гг. работал заведующим медучастком. В 1932-1937 гг. – заместителем главного врача и хирургом 2-й железнодорожной больницы в Мичуринске. В 1937 г. семья переехала в Воронеж, Николай стал трудиться в должности научного сотрудника станции переливания крови. Во время Великой Отечественной войны они находились в оккупации, где с риском для жизни оказывали медицинскую помощь русским военнопленным. В 1943-1949 гг. Николай Александрович руководил областной станцией переливания крови в Воронеже, а Мария Алексеевна работала педиатром, а потом стала главврачом детской областной больницы. После войны он переписывался со святителем Лукой (Войно-Ясенецким), желая вплотную заняться научной деятельностью. Но архиепископ Лука не благословил Николая Александровича на защиту диссертации и посоветовал готовиться к священству[4].

В 1949 г. Н.А. Овчинников взял на себя чужую вину за нарушения в работе станции переливания крови и был осуждён. В 1950-55 гг. работал врачом-хирургом «учреждения п/я ОЖ 118/5» в Воронеже. Судимость с него была снята в 1953 г., а в 1955 г. Николай Александрович уехал в Ташкент к епископу Ермогену (Голубцову), где на Вознесение того же года был рукоположен во диакона, а на день Святой Троицы – в священника. Так моя бабушка Мария Алексеевна стала «матушкой», супругой священнослужителя. После полутора лет службы в Успенском кафедральном соборе Ташкента семья вернулась в Воронеж, где архиепископ Иосиф (Орехов) 11 ноября 1956 г. назначил о. Николая нештатным священником Вознесенского собора Ельца, а 26 марта 1958 г. утвердил его четвёртым штатным священником собора. Не раз в это время о. Николай вспоминал пророческие слова оптинского схииеросхимонаха Нектария о том, что священником он станет в возрасте не ранее пятидесяти лет. Провидела священство Н.А. Овчинникова и воронежская юродивая Феоктиста Михайловна, к которой тот обратился в конце 1930-х гг. в сложный духовный период своей жизни. «Какой ты врач, ты – поп», – сказала ему тогда блаженная Феоктиста.

Так местом духовных подвигов о. Николая Овчинникова, в схиме Нектария, до самых последних дней земной жизни стал богохранимый град Елец и его соборный храм во имя Вознесения Христова. Мария Алексеевна с этого време-

ни уже перестала работать и всю себя посвятила «служению Марфы» – помощи супругу в его заботе о всё умножавшихся духовных чадах. Отец Николай стал тем связующим звеном, которое соединило православную русскую культуру старой России и традиции старчества Оптиной пустыни с искавшими духовного определения, а по сути веры в Бога, здоровыми, национальными силами культуры 1970–1980-х гг. О. Николай стал духовным отцом для многих русских писателей и поэтов, кинематографистов, учёных и пр. Именно здесь, в Ельце, литератор Алексей Макаров, лётчица Мария Орлова, учёные Кирилл Флоренский и Фотей Шипунов, писатели Валентин Распутин и Владимир Крупин, режиссёры Ролан Сергиенко, Ренита и Юрий Григорьевы нашли себя в вере в Господа, получили ответы на мучившие их вопросы, обрели подлинную духовную жизнь.

В 1976 г. о. Николай серьёзно заболел и вскоре был пострижен в монашество с именем Нектарий. По заключению врачей жить ему оставалось недолго, но старец прожил ещё девять лет, принял схиму, и даже тяжелобольной, прикованный к постели, оставался всё тем же «Отче», дающим советы, поддерживающим в трудную минуту, руководящим духовной жизнью своих чад и пробуждающим дремлющие силы православных людей в преддверии грядущего духовного возрождения России. Скончался иеросхимонах Нектарий (Овчинников) 1 марта 1985 г. и погребён на городском кладбище Ельца рядом с могилой своего духовного друга и сослуживца по Вознесенскому собору архимандрита Исаакия (Виноградова).

Бабушка прожила в Ельце ещё 9 лет, до самой своей кончины 28 сентября 1994 года. В старости её поддерживала подруга семьи, тётя Вера, которая сначала ухаживала и за дедушкой в его болезни. Папа Георгий Николаевич тоже часто приезжал поддержать бабушку. Ещё при жизни о. Нектария она приняла монашеский постриг с именем «Марианна», а после его кончины стала схимонахиней Мариамной, каковой и просим её поминать наших южских земляков.

1. В это время регентом Смоленской церкви Старой Южи был П.П. Никольский (1892–1971) // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 1. Иваново-Южа. 2006. С. 82. – *Прим. ред.*
2. Преподобноисповедник Георгий (Лавров) в начале 20-х годов XX столетия был насельником Данилова монастыря и почитался как известный московский старец. Он был воспитанником Оптиной пустыни, затем настоятелем Мещовского монастыря. По рассказам батюшки своим духовным чадам, в 1918 г. он был арестован и приговорен к расстрелу и только чудом избежал смерти. В 1928 г., еще до окончательного закрытия монастыря, архимандрит Георгий был вновь арестован. Архимандрит Георгий был выслан в Казахстан сроком на три года. В тяжелых условиях отец Георгий заболел раком гортани. После освобождения старец поселился в Нижнем Новгороде. 4 июля 1932 г., причастившись Святых Христовых Таин, отец Георгий скончался и был погребен на местном Бугровском кладбище. В 2000 г. архимандрит Георгий был причислен Архиерейским Собором к лику святых. 11 октября 2000 г. были обретены святые мощи старца, которые перевезли в Данилов монастырь в Москве, ныне они почивают в Покровском храме монастыря.
3. Священномученик, годы жизни 1892-1937. Родился в лютеранской семье, кот. перехала в Россию из Германии в 1914 г. В июле 1914 года Владимир поступил на физико-математический факультет Московского университета и стал в это время членом Христианского студенческого кружка, перешёл из лютеранства в баптизм. В кружке он познакомился с Валентиной Алексеевой, на которой женился в 1916 году. В конце 1919 года из-за голода в Москве семья переехала в Самару, где Владимир Амбарцумов стал работать сотрудником музея и сблизился с Владимиром Марцинковским, по благословению патриарха Тихона проводившим активную проповедническую деятельность среди учащейся молодёжи. В 1920 году Амбарцумов был первый раз арестован и перевезён в Москву, через пять недель его освободили с подпиской о невыезде из столицы. В середине 1920-х годов он познакомился с Валентином Свенцицким и под его влиянием к 1926 году принял православие. В конце 1927 года был направлен в город Глазов к епископу Ижевскому Виктору (Островидову), 4 декабря в кафедральном Преображенском соборе рукоположён в диакона, 11 декабря – в иерея и определён на службу в Георгиевскую церковь Глазова. Через две недели был переведён на службу в Московскую епархию настоятелем московского Князе-Владимирского храма в Старосадском переулке. Будучи не согласен с церковной политикой митрополита Сергия, уволился за штат. Затем он был настоятелем храма Святителя Николая у Соломенной сторожки. В 1937 году был арестован и заключён в Бутырскую тюрьму. Допрашивали его 20 и 21 сентября и 12 октября 1937 года. 2 ноября

было составлено заключение по следственному делу; отец Владимир обвинялся в том, что он был «активным участником и организатором контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников – последователей «ИПЦ», среди своих единомышленников проводил большую контрреволюционную работу, направленную к свержению соввласти и реставрации монархического строя в СССР, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК РСФСР». Следственное дело было направлено на рассмотрение тройки при УНКВД СССР по Московской области, которая 3 ноября 1937 года постановила «Амбарцумова Владимира Амбарцумовича расстрелять»; 5 ноября священномученик Владимир был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Канонизирован в 2000 году в сонме Собора новомучеников и исповедников Российских.

4. Священноисповедник Лука, архиепископ Крымский (1877-1961) (Валентин Феликсович Воино-Ясенецкий), выпускник медицинского факультета Киевского университета. Начал своё общественное служение как хирург, участвовал в Японской войне 1904-5 гг., женился на медсестре полевого госпиталя, имел 4-х детей. В разных губерниях имел большую практику, успешно изобретал и применял новые технологии при оперировании и лечении. Блестяще защитил в 1916 г. в Москве докторскую диссертацию хирургического направления. С 1917 г. был главврачом Ташкентской больницы (до 1925 г.), создавал там медицинский институт. Со времени 1-й Мировой войны в нём вновь проснулась свойственная с детства религиозность, после смерти супруги в 1919 г. он через два года принял священный сан, но продолжал работать как врач. В 1923 г. принял монашеский постриг с именем Лука, а скоро и посвящение в епископский сан (с 1943 г. – архиепископ). Многократно арестовывался (1923, 1924, 1930, 1937), дважды (1931-1934 и 1937-1941 гг.) был в ссылке в Архангельске и Красноярском крае (соответственно). В 1944-46 гг. был архиепископом Тамбовским и Мичуринским, когда и встречался с Николаем Овчинниковым, посоветовав ему готовиться к принятию священного сана. С 1946 г. и до кончины был архиепископом Симферопольским и Крымским.

Фото-загадка для наших краеведов-читателей. Снимок сделан предположительно в Юже ок. 1920 года (не подписан, наши догадки). Мария Алексеевна – в 3-м ряду, в центре (в матроске). Если кого-то на нём узнаете, просьба написать по э/почте: yuzha-church@yandex.ru

Ðàçäåë V

Ïåðñîíàëèè, çíà÷èìûå äëÿ þæñêîé çåìè

Ю.Б. Коптяев

В.Г. Никонов – фронтовик, южский и палехский преподаватель

Готовясь выступить на одном из апрельских мероприятий в библиотеке, мама достала две папки неизвестных мне ранее документов её деда-фронтовика Владимира Глебовича. Одного перечисления, где он учился и работал, хватило бы на хорошую статью! Я не мог удержаться, чтобы не помочь ей, тем более, что история и краеведение – это моё призвание, как она говорила уже не раз.

Для меня прадед – член семьи, мысли и думы о котором самые живые, хотя его с нами нет уже полвека. Он бывал везде, где и мы – вместе ходили в лес за грибами, вместе ездили на север, где работала бабушка. Вместе делили и тяготы войны. Он неотделим от многовекового рода, от его самого многочисленного – 9-го поколения и семейства в селе Мордовском, в котором он и родился 14 июля 1899 года. Озорное детство в огромной семье прославилось крепкой дружбой с сестрой Александрой. В 11 лет уже выдержал экзамен и окончил Мордовское сельское училище, отец устроил его в Муромское ремесленное. В юности – 15-16 лет – Владимир был капитаном сельской футбольной команды. А в 17 лет (с 28 октября 1916 года) – уже сам стал учителем «начального училища», где и познакомился со своей будущей женой Александрой Осиповой. Успел поработать и в Южской

Владимир Глебович Никонов

конторе, в отделе народного образования, и школьным работником в Омёловской школе. Избирался заведующим отделом народного образования, в 1923 г. – председателем месткома южского союза работников просвещения, а в 1926-29 гг. – участковым инспектором труда, с него – сразу на инспектора социального воспитания. На одной просветительской работе, только за 1920–1925 годы, послужил: секретарём районного месткома, председателем комиссии по охране труда, председателем культкомиссии, председателем волостного месткома, председателем правления месткома; и ещё членом ревизионной комиссии и заведовал объединённым клубом «Профинтерн»!

Безупречно прошёл двухгодичный испытательный кандидатский стаж в партию, в течение которого по существовавшим порядкам листок с его именем висел на фабричных воротах, где любой мог упрекнуть его в чём-либо и дать отвод его кандидатуре! И подобное было не только с приёмом в партию. Ещё с 25 лет он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

На фото – съезд работников просвещения в Шуе 1924 года. В.Г. – в первом ряду 4-й справа

В 1924 г. назначался заведующим Шуйской школой, а также преподавателем истории, в т. ч. классовой борьбы (1925 г.). В 1931-1934 гг. он работал в Рыбинском авиатехникуме, до 1935 г. – в речном техникуме, в них преподавал обществоведение, историю, литературу. В Осоавиахиме ударными темпами *выполнил*

пятилетку за 4 года! Техникум даже выпустил блокнот с его инициалами. Его премировали 6 раз – давали книжечки, блокноты, благодарности, а через год – и служебную квартиру, в 1931 году в ней стала жить вся семья. С 1935 года он преподавал в Юже в школе повышенного типа и русский язык, и литературу, а также «всеобуч». Обладал таким достоинством и статью, что его называли «барином», «из бывших». В период сталинских репрессий 30-40-х годов Владимир Глебович, как фигура неординарная, не раз подвергался клеветническим нападкам НКВД. Были попытки объявить его врагом народа.

Уже приходилось превозмогать серьёзные болезни. В 35 лет врачи сказали, что сердечная мышца у него – как у 65-летнего. Тем временем у Владимира Глебовича и Александры Фёдоровны подрастали дети – Магдалина и Глеб (младшая дочь Светлана родилась в 1940 г.). Старшую дочь – будущую мою бабушку – он частенько брал на свои лекции, партийные собрания и другие мероприятия. Был всегда в центре культурной жизни, старался всех приобщать и к Балинскому театру, в котором сам с удовольствием играл в спектаклях.

В южских школах был и инспектором (1938, 1940), и зав. РОНО (1939 г.), и директором, в т. ч. 2-й школы и школы для взрослых на месте нынешней больницы – в 1935-38 гг. и в 1940-41. Директорство Владимира Глебовича заслуживает отдельного внимания. Бабушка с волнением рассказывала о том, что вторая школа находилась в состоянии глубокого кризиса на тот момент, когда её отец был назначен в ней директором, вспоминала, как он полностью отдавался делу, вставая в 6 утра. В течение года наладил работу и вывел школу на хорошие показатели. В книге С. Г. Смирнова «Бедный гений» о художнике И. Ф. Чапкине читаем: «В десятом классе у них появились два прекрасных педагога старой выучки – Сергей Тимофеевич Шашков, учитель физики, и Владимир Глебович Никонов,

директор школы. Обаятельные, благородные и умнейшие люди «из бывших». Оба они оставили о себе особенно тёплые воспоминания у Игнатия Фёдоровича»[1]. С. Т. Шашков приносил «весьма глубокую товарищескую благодарность» Владимиру Глебовичу ещё будучи «шкрабом» (т. е. «школьным работником»), по документу, датированному 1923 годом – вместе с будущей бабушкиной матерью А. Осиповой, бабушкиным учителем Стукаловым и другими интереснейшими людьми. Сам Никонов тогда был уже руководителем их профессиональной ячейки.

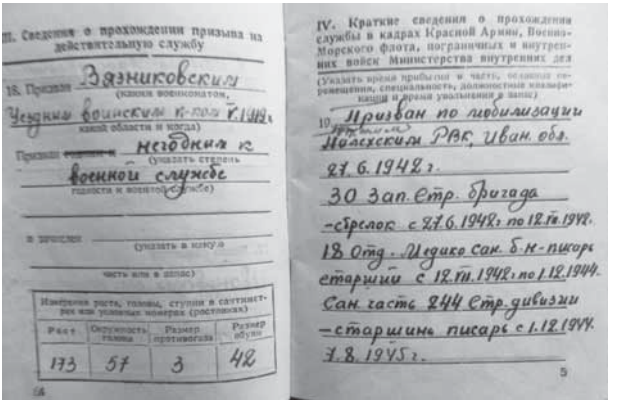
Параллельно с управленческой работой он повышал квалификацию и оттачивал мастерство на различных заочных курсах: в 1939 году – при педфаке МГУ обучался по школьному отделению, а с 1938 по 1941 гг. – в Ярославском государственном пединституте, где и получил высшее педагогическое образование. Сдал 3 экзамена и уже был готов сдать последний…

Но тут началась Великая Отечественная война. К тому времени к ревматизму и больному сердцу добавилась косточка-шпора на ноге и дотла выболевшие с гноем гланды. Какая уж тут строевая служба! В августе 1941-го прадеда забрали на трудовой фронт. «Попал туда – и никаких писем». Моей бабушке было тогда 14 лет. Забрали, не дав сдать экзамен, на который уже была выписана справка. Он ушёл на фронт, оставив дома больную жену, сына и полуторагодовалую дочь на одной старшей дочери Магдалине и на старой бабушке Акулине (дожившей, кстати, только до 1943 г.). Он едва успел проститься с родными. Проводить его пришли Игнатий Чапкин и его друг Николай Сильников. Правда, его уже не застали…

Лишь когда в ноябре он вернулся пешком, страшно исхудавший, родные узнали, что его вместе с призванными из Ивановской, Горьковской и Костромской областей бросили под Ленинград рыть окопы и другие укрепления. А когда на город пошёл немец – командиры разъехались, оставив их с одними лопатами против врага! Или верная гибель, или – плен! И в любом случае – осуждение от своих надзорных органов, ведь тогда было: раз попали в плен – значит, сотрудничали с врагом. Пришлось выбираться самим, по болотам и полям, пешком и лишь изредка на попутках, питаясь подаянием, лесными ягодами, ночевали где придётся.

Когда В. Г. вернулся, и его, и сослуживцев стали вызывать в военкомат и НКВД. Кричали: «Дезертиры! За такое положен расстрел!» И так – каждый день. А потом узнали: это везде было такое бегство. То и дело в народе говорили, кто и как добирался. Когда разобрались, что к чему, отправили «всего лишь» во Мстёру долбить камень. Жили на самообслуживании, а зима стояла морозная. Александра Фёдоровна сшила и пешком принесла ему рукавицы и тёплую шапку.

Потом послали на Святое озеро разнорабочим. Кто чистил, кто убирал… Половина командиров была неграмотна, и на него обратили внимание. Прикомандировали к работе с документами, которые он должен был в т. ч. возить в военкомат.



III. Сведения о прохождении призыва на действительную службу

18. Призван Зязниковским (каким военкоматом)

Уездным воинским к-ром 7.1941 г. (какой области и когда)

Признан негодным к (указать степень годности к военной службе)

военной службе

в запас (указать в какую часть или в запас)

Рост	Окружность головы	Размер противогаза	Размер обуви
173	57	3	42

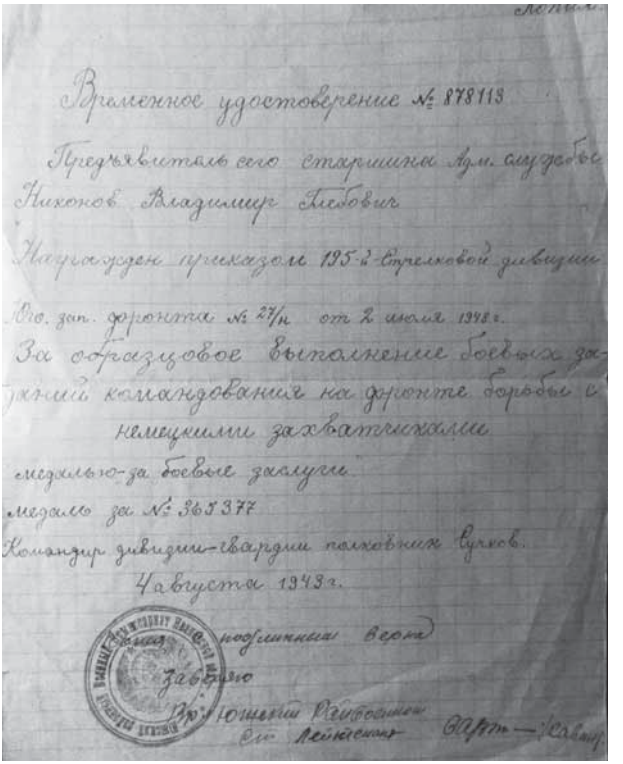
IV. Краткие сведения о прохождении службы в кадрах Красной Армии, Военно-Морского флота, пограничных и внутренних войск Министерства внутренних дел (Указать время прибытия в часть, должность, специальность, должностное назначение, звание и время увольнения в запас)

10. Призван по мобилизации Новским РВК, Иван. обл. 27.6.1942 г.

30 Зап. Стр. бригада – стрелок с 27.6.1942 г. по 18.11.1942.

18 Отд. Медико сан. б-н – писарь старший с 12.III.1942 г. по 1.12.1944.

Сан. часть 244 Стр. дивизии – старшина писарь с 1.12.1944. 7.8.1945 г.



Временное удостоверение № 878113

Предъявитель его старшина Арм. службы Никонов Владимир Глебович

Награжден приказом 195-й Стрелковой дивизии Юго. зап. фронта № 27/н от 2 июня 1943 г.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками

медалью – за боевые заслуги

медаль за № 365377

Командир дивизии – гвардии полковник Бучков.

4 августа 1943 г.

Верно: подлинным Верно

Заверено

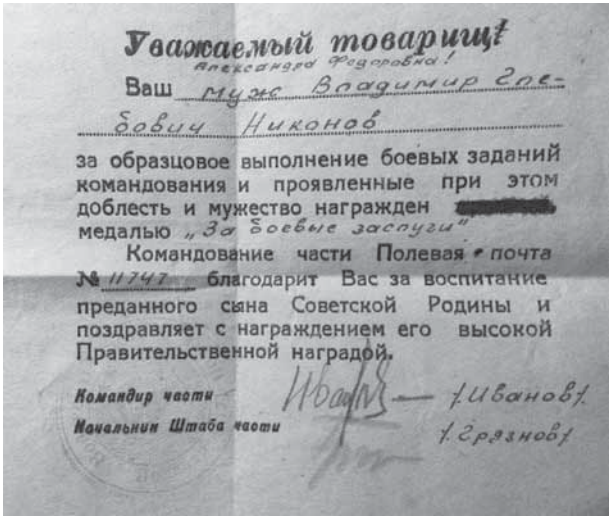
Начальник Разведотдела

Ст. лейтенант

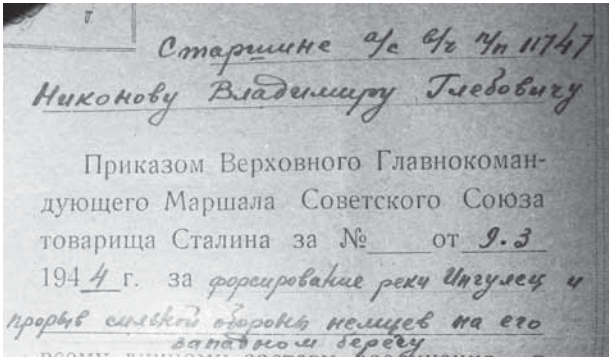
Но Ленинград был ещё полбеды. Вскоре НКВД поставило Владимира Глебовича перед выбором: или служить осведомителем, или – на фронт, уже не на трудовой, а на передовую! Шантажировали и детьми. Согласиться быть доносчиком он не мог. Отпросился посоветоваться с семьёй. Хотя дома оставалась больная жена и трое детей, семья сочла, что выбора нет. Стали собирать отца на фронт. «Старшей» по-прежнему оставалась 14-летняя Магдалина. Крёстная, тётя Ираида Васильевна, благословляя, дала ему образок Спасителя, которым отец – Глеб Васильевич – благословлял самого старшего брата Бориса, уходившего ещё на Первую мировую – реликвию, уходившую корнями как минимум в детство прапрадеда.

27 июня 1942 г. Владимир Глебович отбыл на фронт. Он стал бойцом действующей армии на 3-м Украинском фронте – 30-й запасной стрелковой бригады, в 1943 – 195-й стрелковой дивизии, в дальнейшем – 244-й стрелковой Запорожской Краснознамённой ордена Суворова дивизии.

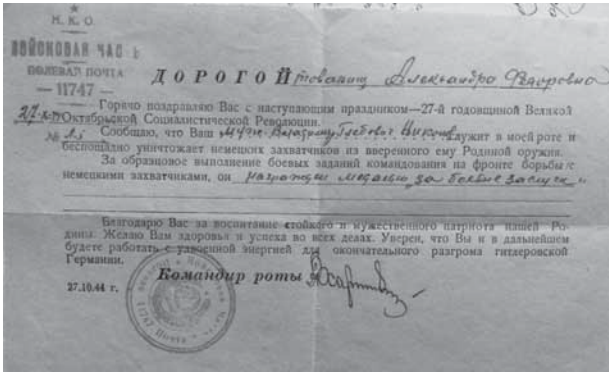
Командование обратило внимание на его грамотность и каллиграфический почерк. А так как был необходим человек, способный вести документацию – Владимира Глебовича определили на эту должность, в часть 11747 (если кто служил



Уважаемый товарищ!
Александра Федоровна!
Ваш муж Владимир Глебович Никонов
за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество награжден [redacted] медалью „За боевые заслуги"
Командование части Полевая почта № 11747 благодарит Вас за воспитание преданного сына Советской Родины и поздравляет с награждением его высокой Правительственной наградой.
Командир части — /Иванов/
Начальник Штаба части — /Грязнов/



Старшине а/с в/ч п/п 11747
Никонову Владимиру Глебовичу
Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина за № от 9.3 194 4 г. за форсирование реки Ингулец и прорыв сильной обороны немцев на его западном берегу



Н. К. О.
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА — 11747 —
ДОРОГОЙ товарищ Александра Федоровна
Горячо поздравляю Вас с наступающим праздником—27-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции.
Сообщаю, что Ваш муж Никонов Владимир Глебович служит в моей роте и беспощадно уничтожает немецких захватчиков из вверенного ему Родиной оружия.
За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, он награжден медалью „За боевые заслуги".
Благодарю Вас за воспитание стойкого и мужественного патриота нашей Родины. Желаю Вам здоровья и успеха во всех делах. Уверен, что Вы и в дальнейшем будете работать с удвоенной энергией для окончательного разгрома гитлеровской Германии.
Командир роты
27.10.44 г.

в 264-м медико-санитарном батальоне – может, вспомните старшину Никонова? Комбатом долго был Владимир Фёдорович Иванов).

Много работы с документами было при медсанбатах. С мая 1944 года Никонов был поставлен на должность заведующего делопроизводством. Командир его части майор В. Ф. Иванов в служебной характеристике с нескрываемым уважением писал: «Он проявил себя исключительно дисциплинированным и аккуратным. За отлично поставленный учёт личного состава и за хорошо организованное общее и секретное делопроизводство тов. Никонов имел ряд благодарностей от командования части и от контрольных органов. За отличное выполнение особого задания командования по борьбе с немецкими оккупантами он награждён правительственной медалью «за боевые заслуги». *Особо отмечаю активное участие тов. Никонова* в общественно-политической жизни части, где он ликвидировал неграмотность у 5 человек, организовал и руководил литературным кружком, проводил литературные вечера и систематически выступал с лекциями и докладами по литературным и историческим вопросам. Лекции т. Ни-

конова отличались ярким языком и глубоким содержанием.» Как значимо по прошествии стольких лет держать в руках и перечитывать выписку из книги отзывов впечатлённых офицеров! Документально подтверждено как минимум 25 подписей.

Служа во фронтовой обстановке, он участвовал в освобождении Старобельска, Днепродзержинска, Кривого Рога и криворожских рудников, форсировал реку Ингулец и даже прорывал сильную оборону немцев на её западном берегу! В семейных архивах до сих пор бережно хранятся листы с благодарностями за участие в этих операциях. А медаль «За боевые заслуги» он заработал ещё в середине войны – в 1943 г.

Ещё из-под Ленинграда прадед привёз дневник с такой откровенной правдой, что юная бабушка для безопасности зарыла его в землю (после войны и сталинских времён перерыла всю усадьбу, но реликвии так и не нашла). Но просила продолжить. Второй «том» (1943-1945 гг.) сохранился до наших дней.

Пожелтевшие страницы дневника… На войне как на войне. Каша одна и та же по 3 месяца кряду. То жуткая зубная боль, то целыми днями вязнуть по грязи чернозёма. Уставал так, что «был готов лечь в эту грязь как в пуховую постель». Но и тут он находил повод для радости. Читаем за 18 мая 1943 года: «У меня полуземлянка под большими соснами, крыша у неё как у часовенки. Вид прелестный. 2 раза звали её «кельей отца Владимира». Перед столом – карточка Рыбинского периода – я, Шура и Линочка.»

«…Новомосковск. Единственное уцелевшее здание – храм… Украина – сплошь разорённые деревни, трупы наших и врагов… Маломихайловка – опять страшные картины, тела повешенных и расстрелянных, ими даже был заполнен целый колодец! Но чем дальше на запад – тем скорее взойдёт солнце победы!»

И вновь по дорогам войны… Сотни и тысячи покорёженных машин, танков, пушек, трупы людей, лошадей, волов, коров… Ночевать приходилось и на кор-

точках, и в конюшне с лошадьми, и в омётах соломы, и в маленькой комнатке, набитой людьми, на двух столах и тумбочке, и на машинах в степи, где «страшно замёрз», и даже в застрявшей подводе под 4-часовой бомбёжкой! Кривой Рог… Ново-Благовещенское… Казанка… Александровка… Новый Буг… Ефремовка… Воскресенск (ныне – Вознесенск), где его часть бомбили 177 вражеских самолётов, целившихся в солдат, взявших этот город тремя днями раньше. Ганновка-первая… Ясная Поляна… Молдавия – Слободзея под Тирасполем… Сталино – в болгарском селе Владимира Глебовича даже приняли за священника. Северный Донец… Днестр… Дунай… Румыния… Болгария… Три новых года, три пасхи встретил В. Г. в отрыве от родных. Тосковал и держался. На вечера со ста граммами, что организовывались в частях, не ходил, – чаёвничал с ординарцем. Днепр с дубами напоминал родную Клязьму и гоголевские строки, квартира болгарского чиновника с 4-мя детишками – милое прошлое семейной жизни… Констанца… Добруч… Сливен… Попово (Воскресенье)… Командировка в Софию, встреча с эмигрантами… Пештрино… Особое впечатление в сердце преподавателя истории оставила возможность побывать на Шипке. И наконец – Казанлык. Там он встретил Победу:

«2 мая. 3 часа ночи. Сначала пришёл от Влад. Федор… Всё существо трепещет – взят Берлин! Сообщение это услыхал по радио в 12 часов. Радости не было конца. На улицах города поднялась стихийная стрельба – салют. Стреляли пушки, пулемёты, пистолеты. Пускали ракеты. А что будет, если закончится война! Радостно виден конец войны! Спать не хочется! Слава русскому оружию! Слава!»…

«9 мая. Сегодня в 4 часа утра меня разбудил ужаснейший стук в окно. Это был связной штаба, который, запыхавшись, мог мне только выкрикнуть «Сегодня в час ночи Москва. Передачи «Мир», «День праздничный», и – как сумасшедший полетел дальше. Сейчас слушал по радио официальное сообщение о безоговорочной капитул. Германии. Свершилось! Ура, ура! Что-то творится в России? Как то восприняли это известие мои милые? Был в городе на городском митинге. Народу была масса. Главная улица вся колыхалась от танцев и пляски. Пройти было невозможно.»

Радость омрачала трёхлетняя разлука с родными. Сейчас вряд ли кто знает, что она могла растянуться *навечно*: «16 мая – прошло шесть дней со дня капитуляции, а никаких сдвигов нет! Всё идёт по старому руслу. Сегодня к-н Халиков заявил, что никакой демобилизации не будет – мы живём в капиталистическом окружении – как обухом по голове! Все надежды на радость встречи померкли… Снова кругом непроглядная мгла. С двойной силой давит тоска! Боже спаси! Вчера получил от Шуры письмо полное радости скорой встречи… Переживут ли они такое разочарование? Нет, не переживут…»

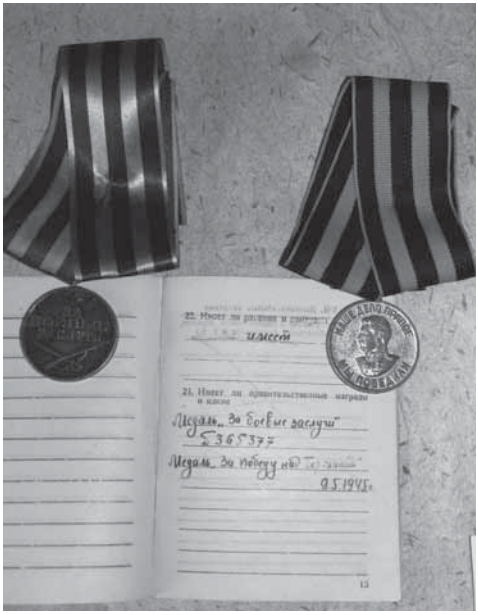
С родными он не только переписывался, но и слал посылки. Беспокоился больше не о себе, а об оставшейся бедствующей семье, которой за годы войны и голода пришлось выменять на еду почти все вещи, а на дрова распилить

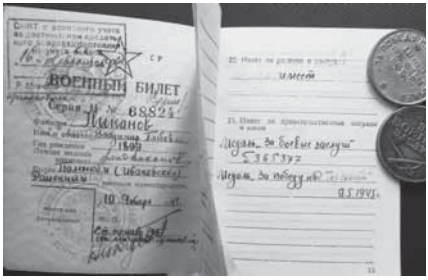
весь бревенчатый двор! Он рассказал своему начальнику, и семье помогли с дровами. Писал, чтобы продавали и его вещи тоже. Послал домой деньги (сколько мог).

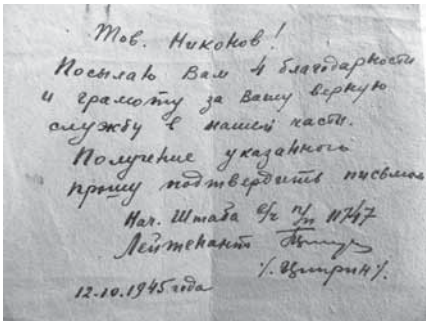
На фото – его часть в гор. Казанлык 1 июля 1945 г. перед демобилизацией.
В. Г. – во 2-м сверху ряду, 5-й справа – с бородой

Демобилизовавшись в июле 1945, привёз шерстяные кофточки и «не очень хорошие» карандаши, которым так радовались дети! Ведь в семейных традициях было заведено оформлять стенгазеты и устраивать праздники с импровизированными концертами, в которых участвовали и дети, и взрослые. Писал сказки и он сам. Так трогательно рассказывал о птичках и зверушках – нельзя было слушать без слёз! Любил он и пошутить. А как он пел! Начинал петь ещё в детском хоре в неразорённой ещё Спасской церкви родного села. А впоследствии его приятный баритон часто украшал семейные праздники, когда звучали стихи и пелись любимые песни. «Вечерком за окном в тёмном небе мерцает звезда…», – было его коронное. Мог сыграть и партию в шахматы.

А, поработав в военном госпитале, именно он убедил старшую дочь учиться на врача. Свидетельства о его участии в боевых действиях приходили и после войны. На странице ниже приводим все 4 фото благодарностей с сопроводительной запиской от лейтенанта. Он получил поздравление с 20-летием Победы – 1965 был первым годом, когда этот великий и святой для любого россиянина праздник был только что учреждён. А ведь для прадеда это был последний год жизни!

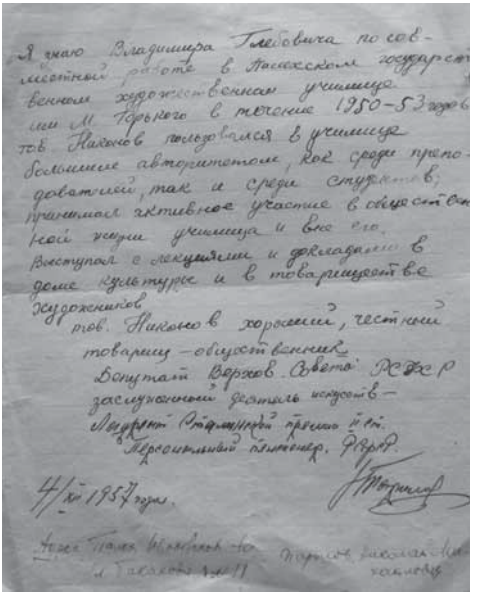





Тов. Никонов!
Посылаю Вам 4 благодарности и грамоту за Вашу верную службу в нашей части.
Получение указанного прошу подтвердить письмом
Нач. Штаба в/ч п/п 11747
Лейтенант
/. Цитрин /.
12.10.1945 года

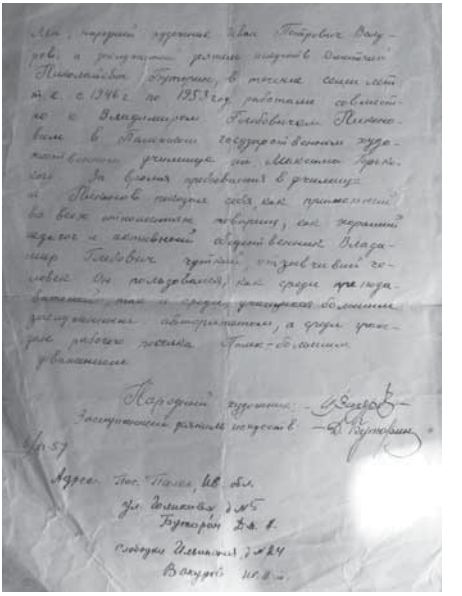
После войны Никонова пригласил на работу в Палех художник и большой друг семьи Николай Вихрев (родственник писателя Ефима Вихрева!), и там он хорошо вписался в коллектив преподавателей. Работал в районо, в 1946 г. руководил лекторской группой при отделе культурно-просветительской работы на общественных началах. С 2 сентября 1946 г., уже с 26-летним стажем, учителем русского и литературы работал в Палехском художественном училище, том самом, где потом училась мама. Параллельно преподавал и историю искусств, после чего остались журналы, репродукции и другие исторические материалы. Как преподаватель, он был очень любим в студенческой среде, где с восторгом принимали его артистичную манеру вести занятия. Его уроки проходили ярко и интересно, материал усваивался быстро и легко. Среди его учеников – Ермолаев, Миронов, Страхова, Кривцова, Кургалимова и многие другие, ставшие потом серьёзными художниками. Был в их числе и будущий почётный гражданин Южи В. В. Емельянов (теперь уже покойный).

Впоследствии, когда В. Г. был уже не в Палехе, учащиеся писали ему очень трогательные письма, с благодарностью вспоминая его уроки и приглашая на все свои студенческие спектакли, концерты и праздники. В одним из писем – подписанном именем Аня – читаем: «Нет ни одного студента, который не отзывался бы о Вас с восторгом». В другом – подписанном Виктором: «С тех пор как Вы покинули Палех, мы лишились корня в училище, души студентов, того тёплого обаяния и какой-то дружеской ласки…». Какому бы ещё учителю после отъезда



Я знаю Владимира Глебовича по совместной работе в Палехском государственном художественном училище им. М. Горького в течение 1950–53 годов. Тов. Никонов пользовался в училище большим авторитетом, как среди преподавательского, так и среди студентов. Принимал активное участие в общественной жизни училища и вне его. Выступал с лекциями и докладами в доме культуры и в товариществе художников. Тов. Никонов хороший, честный товарищ – общественник. Депутат Верховного Совета РСФСР, заслуженный деятель искусств, лауреат Сталинской премии и т.п. Прекрасный педагог. Рекомендую.

4/XII 1957 года.



его освободившиеся от уроков ученики стали бы писать трогательные и восторженные письма с просьбой вернуться?!

Благодарные ученики оставили нам его цветной графический портрет. Он работал с корифеями первой Палехской артели. Похвальные отзывы о нём оставили Виктор Голов, Иван Вакуров, Дмитрий Буторин и даже депутат Верховного Совета РСФСР Николай Михайлович Парилов. В 1952 году его удостоил грамотой А. Рыжков (зав. Ив. обл. отделом культурно-просветительской работы).

Палешане посвящали ему стихи:

Вам 60, а вы – всё те же.
И старость вовсе не видна,
Лишь волосы немного реже
И в них сверкает седина.
Всё тот же смех задорный, звонкий,
Всё те же искры ваших глаз,
Румянец щёк и профиль тонкий,
Усы, бородка красят вас.
Ваш путь нелёгкий педагога
Сумели с честью вы пройти,
Преодолели очень много
Препятствий всяких на пути.
Вы с тьмой боролись в этом мире,
Поскольку неученье – тьма,..
Старались знанья глубже, шире
Дать молодёжи для ума.
Чтоб был в стране свободной нашей
Культуры взлёт могуч и крут,
Чтоб жизнь цвела полней и краше,
Вносили вы свой скромный труд,
Хоть силы есть ещё немало,
Сверкают искры ваших глаз,
Но отдохнуть пора настала –
– Теперь так водится у нас.
Владимир Глебыч! Мы желаем
Вам счастья, жизни многих лет,
Чтоб жизнь была цветущим маем,
Чтоб лился ярче солнца свет.

Палех 1959 г. Н. Вихрев

С 10 сентября 1955 по 1 апреля 1958 г. – прадедушка работал в южской (тогда ещё семилетней) школе № 1, где спустя 40 лет учился и я. С 1950 года – в профессиональном союзе работников начальной и средней школы РСФСР, с 1957 – член Всесоюзного общества по распространению научных знаний. За свою жизнь Владимир Глебович написал и несколько статей в газеты.

Даже на заслуженном отдыхе его жизнь была активной и наполненной. Продолжал иногда выезжать в знающие его учреждения с лекциями и уроками, как живая легенда. У дома насадили сад, с десяток отборных яблонь, которых не сыщешь ни у кого в городе. В засушливые месяцы ревматик на седьмом десятке не жалел сил выливать под каждую по 20 вёдер воды. В сфере садоводства и огородничества он всегда прислушивался к голосу главной хозяйки – жены, читавшей много литературы на эту тему, ведущей все соответствующие записи и работавшей не покладая рук рядом. С супругой Александрой Фёдоровной они прожили 40 лет в верности и согласии. Жизнь не была лёгкой, но все испытания преодолевались в семье дружно. У детей и внуков прививали любовь к родному дому, природе, учили их честно трудиться на земле. Мама часто рассказывала о времени, проведённом в доме своих дедушки и бабушки, с необыкновенной теплотой.

Но сердцу было уже тяжело. И вот – инфаркт миокарда. 2 декабря 1965 года Владимира Глебовича не стало. Люди, пришедшие проводить его в последний путь, заполнили улицу. Его долго несли на руках, до Юбилейной площади. Некрологи в двух газетах оставили и парторганизация, и местком, и дирекция и коллектив Палехского художественного училища им. Горького. И, конечно, родственники.

Когда пересматриваешь фотографии предков и вчитываешься во все эти документальные свидетельства о них, память наполняется моментами живого общения с дорогими, близкими людьми, не зря прожившими свою сложную и содержательную жизнь. Вот таким был мой прадед. Мы благодарны всем, кто что-либо помнит о нём.

1. С.Г. Смирнов. Документальная повесть о провинциальном художнике Чапкине из Южи. Иваново. 1999. С. 25.

Ðàçäåë VI

Íàøè ïóáëèêàöèè

Н.А. Зонтиков

Протоиерей Павел Острогский (1877-1937)

Данная статья была опубликована в «Книге памяти жертв политических репрессий Костромской области» / Сост. В.Ф. Никитин. Кострома. 2007. Небольшой тираж (1000 шт.) давно разошёлся, необходимо переиздание. Иллюстрации любезно предоставлены Александро-Антониновским музеем.

К числу наиболее выдающихся священнослужителей Костромской епархии первой половины XX века относится протоиерей Павел Феодорович Острогский (1877-1937). Его родной отец – священник Феодор Родопианович Острогский (1829-после 1917). Фамилия «Острогский» произошла от более старого названия села Боговское Макарьевского уезда (ныне Антроповский район), именовавшегося в прошлом с. Острог. Название «Острог», судя по всему, происходит не от современного значения этого слова как «тюрьма», а от первоначального значения «острог», то есть укреплённое место, крепость[1]. Когда-то, по-видимому в XV-XVI вв. на р. Кусь на месте этого села находилась небольшая крепость, прикрывавшая подходы к Галичу от набегов татар. Феодор после обучения в Костромской духовной семинарии почти тридцать лет, в 1854-1882 гг., служил диаконом в церкви Рождества Христова в с. Прискоково Костромского уезда (ныне Красносельский район). Эта церковь, в первую очередь, известна тем, что с 30-х годов XVII века и до 1855 года её прихожанами являлись т.н. коробовские белопашцы – потомки Ивана Сусанина, жившие неподалёку, в деревне (с 1855 года – селе) Коробово. Целый ряд поколений потомков национального героя России, начиная с дочери Сусанина Антониды и её внуков Даниила и Константина, завершил свой земной путь на приходском кладбище у стен прискоковского храма. 7 июля 1877 г. в Прискокове родился и был крещён в церкви Рождества Христова шестой ребёнок о. Феодора Острогского и его жены Елизаветы Павловны[2]. Мальчик, наречённый в честь святого апостола Павла, был первым сыном о. Феодора (до это у него рождались только дочери). В 1882 г. о. Феодор был рукоположен во священника Никольской церкви[3] с. Никольского Галичского

Семья о. Павла, ок. 1911 г.

уезда (ныне Галичский район), в связи с чем семья Острогских перебралась в это село. В Никольском о. Феодор прослужил вплоть до 1896 г. В 1888-1892 гг. Павел Острогский обучался в Галичском духовном училище, а в 1892-1898 гг. – в Костромской духовной семинарии. После её окончания он два года работал учителем церковно-приходской школы в родном Прискокове[4]. По воскресениям молодой педагог стал проводить в школе «повторительные» занятия для взрослых и устраивать религиозно-нравственные чтения, в которых он сам являлся «главным участником»[5]. 24 мая 1901 г. Епархиальный училищный совет отметил, что во время своей работы в церковно-приходской школе учитель Павел Острогский «отличался выдающимся усердием к своему делу»[6].

В 1900 году Павел Острогский женился на Елизавете Александровне Парийской (1882-1972 гг.), дочери священника Никольского храма в с. Николо-Трестино вблизи Костромы. В 1899 г. семнадцатилетняя Лиза Парийская окончила Костромское реальное училище со званием «учительница начальных училищ». 2 июля 1901 года, в субботу, в Троицком соборе Ипатиевского монастыря епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) рукоположил Павла Острогского во диакона, и в воскресенье, 3 июля, в Богоявленском кафедральном соборе – во священника Никольской церкви с. Николо-Трестино Костромского уезда[7].

Никольский приход был весьма велик: помимо самого села Николо-Трестино в него входило полтора десятка окрестных деревень, в т.ч. Поддубное, Малое Андрейково, Семёнково, Турябьево, Шувалово, Зубьево, Никулино, Катино,

Жужелино, Глазово, Байдарки и Давыдовское[8]. Часть этих селений и сейчас существует на прилегающей к Костроме территории Костромского района; часть «поглотил» разросшийся город.

В Николо-Трестино о. Павел прослужил шестнадцать лет. Здесь родились и выросли его дети: Зинаида (1902-1979 гг.), Серафим (1904-1934 гг.), Нина (1906-1996 гг.), Николай (1909-1924 гг.), Василий (1912-1914 гг.), Ираида (1914-1989 гг.) и Владимир (1914-1998 гг.). Уже в Николо-Трестине о. Павел проявил себя как истинный пастырь. В мае 1909 года во входящей в его приход деревне Малое Андрейково в праздник Святой Троицы вспыхнул пожар, в результате чего сгорело 14 изб и большая часть жителей остались без крова. Желая помочь погорельцам, о. Павел обратился в газету «Костромская жизнь» с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Зная горячую отзывчивость русского человека на помощь каждому несчастному, обращаюсь ко всем добрым людям с призывом помочь несчастным погорельцам, кто чем может. Повторяю, в огне всё погибло. Вещами или деньгами, но только помогите, господа! Не дайте несчастным погорельцам надеть на руку корзину, помогите сделаться им опять добрыми, трудолюбивыми хозяевами-крестьянами»[9]. Под письмом стояла подпись: «Николаевской церкви с. Трестина священник Павел Острогский».

С началом в 1914 году войны с Германией положение жителей прихода, как и везде, ухудшилось: большая часть мужчин была призвана в армию, дома остались почти одни женщины, старики и дети. В начале августа 1915 года о. Павел обратился в комитет «Помощь семьям воинов» при Костромском уездном земстве с письмом, в котором писал, что «солдатки его прихода испытывают острую нужду в рабочих руках. Убедительнейше прошу, если найдутся свободные рабочие артели, направить их сюда. Солдатки согласны помочь земству и комитету в содержании артели»[10].

В мае 1917 г. в жизни о. Павла наступил новый важный этап: епископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков) перевёл его из Николо-Трестина в Кострому на освободившееся место священника Феодоро-Давидо-Константиновской церкви при богадельне имени сестёр Чижовых[11]. Эта богадельня для слабовидящих и слепых женщин, открывшаяся в Костроме в 1897 году, была создана на средства сестёр одного из самых выдающихся уроженцев Костромы Ф.В. Чижова. Под богадельню сёстры приобрели двухэтажный каменный дом на берегу Волги (современный адрес: ул Лесная, д. 1)[12]. При богадельне имелась церковь, освящённая во имя святых благоверных князей Феодора Смоленского и его чад Давида и Константина Ярославских[13]. Таким образом, в мае 1917 года, в разгар революционных преобразований и потрясений, о. Павел оказался в Костроме. К сожалению, нам не удалось выяснить, когда были закрыты богадельня и храм при ней.

С 1921 года о. Павел стал настоятелем Александро-Антониновской церкви в пригородном селе Селищи. В Селищах о. Павел в начале 1922 года пережил всероссийскую кампанию по изъятию церковных ценностей, проводимую под предлогом помощи жертвам страшного голода в Нижнем и Среднем Поволжье. Одна беда почти сразу перешла в другую. Вслед за изъятием ценностей в 1922 году

Церковь Св. мучеников Александра и Антонины в Селищах. Ок. 1910 г.

в Русской Православной Церкви произошёл инспирированный органами ВЧК и ОГПУ т.н. обновленческий раскол – первый после Великого раскола нашей Церкви в середине XVII века. Обновленцы, активно поддерживаемые на первых порах властями, в 1922 году выступили против законного Предстоятеля Церкви – Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Несмотря на содействие властей, в Костромской епархии обновленцы почти не имели поддержки среди духовенства и верующих. Сохранила верность Патриарху Тихону и возглавляемая о. Павлом община Александро-Антониновского храма. В 1923 году о. Павел Острогский был арестован органами ОГПУ[14]. Обстоятельства ареста нам неизвестны, но, скорее всего, он был связан с событиями раскола. Известно, что в начале 20-х годов ОГПУ почти открыто поддерживало обновленцев, арестовывая наиболее авторитетных «тихоновцев», как стали называть сторонников Патриарха Тихона. Вероятно, арестовав о. Павла, чекисты хотели, чтобы он перешёл в обновленчество, но, не добившись этого, выпустили его.

В конце декабря 1928 года, в самый канун нового 1929 года – «года великого перелома», как чуть позднее назвал его Сталин, – актив Селища, в основном, комсомольцы, начал борьбу за закрытие Александро-Антониновской церкви. Понимая, что сразу закрыть церковь будет нелегко, всю свою энергию активисты направили вначале против храма Василия Блаженного. Этот храм, освящённый в 1831 году, стоял вблизи Александро-Антониновской церкви и был приписан к ней.

Возглавляемая о. Павлом религиозная община делала всё, чтобы защитить храм. 13 января 1929 года в Александро-Антониновской церкви состоялось собрание верующих в количестве 160 человек. На повестке дня собрания был один вопрос – о закрытии церкви Василия Блаженного. Обсудив вопрос о нависшей

над церковью угрозе, собрание постановило: «Войти с ходатайством перед Губисполкомом об оставлении её за общиной, а в это время собрать подписи по … селениям»[15]. 5 февраля 1929 года община направила в Костромской Губисполком обращение, в котором верующие протестовали против закрытия храма Василия Блаженного. Это обращение подписал 371 чел.[16]

Но всё было тщетно. В феврале 1929 года селищенский сельсовет принял постановление о закрытии церкви Василия Блаженного и о передаче её здания под рабочий клуб[17]. 16 сентября 1929 года президиум Костромского окрисполкома постановил закрыть церковь Василия Блаженного[18]. 9 октября 1929 года это постановление утвердил Ивановский облисполком[19]. Окончательная передача здания церкви Василия Блаженного под клуб состоялась, по-видимому, в начале декабря 1929 г. Очевидцы помнят, что сразу после этого на храме был сломан венчающий его крест и взамен – в знак того, что ещё с одним «очагом религиозного дурмана» покончено, – водружён красный флаг.

Именно в это время, в конце 1929 года, прот. Павел Острогский был назначен благочинным церквей города Костромы после того, как в октябре 1929 года в Костроме органы ОГПУ арестовали большую группу духовенства, в том числе и прежнего благочинного о. Михаила Изюмова. Попытавшийся защитить арестованных архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести; 1870-1929 гг.) получил предписание немедленно покинуть Кострому. По-видимому, перед отъездом владыка Севастиан и назначил о. Павла благочинным церквей города Костромы. До революции этот пост являлся одним из наиболее значимых и почётных в епархиальной иерархии. В эпоху же жестоких гонений на Церковь в глазах партийных и чекистских органов благочинный Костромы уже по определению являлся одним из главных «вожаков церковной контрреволюции», расправа с которыми есть лишь вопрос времени.

После закрытия храма Василия Блаженного все силы селищенского партактива были брошены на закрытие Александро-Антониновской церкви. Как обычно, делался вид, что трудящимся остро не хватает помещений для культурной работы. В конце января 1930 года «Северная правда» сообщала: «Общее собрание проживающих в с. Селище кожевников постановило передать селищенскую церковь на культурные нужды. В Селище проживает немало металлистов и текстильщиков. Профсоюзные организации должны подхватить решение кожевников»[20].

По-видимому, в начале февраля 1930 года по обвинению в «контрреволюционной агитации и пропаганде» о. Павел был арестован[21]. Безусловно, этот арест был произведён для того, чтобы обезглавить общину и облегчить дело закрытия церкви. Таким образом, всё развивалось по отработанной схеме: через какое-то время советская власть как власть трудящихся должна была прислушаться к требованиям масс и закрыть церковь. Как вспоминают очевидцы, в январе или феврале 1930 года с колокольни Александро-Антониновской церкви были сброшены все колокола на каменное крыльцо храма. Большой тяжёлый колокол, весивший 252 пуда (т.е. свыше четырёх тонн)[22], при падении, сам частично разбившись, как

Протоиерей Павел Острогский. Фото из следственного дела

ножом разрезал всё крыльцо, глубоко уйдя в землю. На долгие десятилетия селищенская колокольня «онемела»...

Однако форсированная коллективизация поставила страну под угрозу срыва весеннего сева с перспективой всеобщего голода, и руководство страны пошло на тактический манёвр: в начале марта 1930 года во всех советских газетах была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Относительно сельских церквей в статье содержалось указание, смысл которого сводился к тому, что вначале надо загнать людей в колхозы, а уже потом закрывать церкви. В результате, с марта 1930 года шумная кампания, что рабочим в Селище не хватает культурного очага, для чего непременно надо закрыть храм, прекратилась как по мановению волшебной палочки. Испуганные статьёй вождя местные руководители поспешили выпустить о. Павла на свободу.

Летом 1930 года в храме Василия Блаженного был открыт клуб. По воспоминаниям старожилов, на месте алтаря появилась сцена, а основную часть здания занял зрительный зал. В последующие несколько лет здесь показывали кинофильмы (ещё немые), читались лекции, в частности – антирелигиозные, местный драмкружок ставил спектакли[23].

Отец Павел продержался на посту благочинного церквей Костромы почти четыре года, являясь ближайшим сотрудником обоих сменившихся за это время на костромской кафедре архиереев: священномучеников Димитрия (Добросердова) и Никодима (Кроткова).

В Селище о. Павла Острогского знали как очень доброго человека. Екатерина Ивановна Костромина (р. в 1915 г.) вспоминала: «Я до замужества жила в деревне Дербино и с детства ходила в селищенскую церковь. На исповедь мы ходили с вечера, собирались несколько девчонок и ночевали в Селище. Всегда исповедовались у отца Павла Острогского. Отец Павел нас ласково встречал, гладил по головке и разговаривал с нами. Его все любили, он был истинный священник»[24].

Особенно о. Павел Острогский любил детей. По воспоминаниям местных старожилов, он, в частности, всегда носил с собой коробочку леденцов, которыми обычно угощал встречных детей (надо напомнить, что в те времена для большинства детей конфеты являлись редким лакомством). Варвара Дмитриевна Баскова (р. в 1913 г.) вспоминает: «...дети всегда выбегали на улицу, сообщая друг другу, что отец Павел вышел из дому и пошёл, например, с вёдрами за водой, так как он всегда одаривал детей конфетами»[25].

В первой половине 30-х годов о. Павел помог поселиться в Селище целому ряду гонимых людей. В конце 1933 года по приглашению святителя Никодима в Кострому из Вязьмы приехал бывший викарий Киевской епархии священному-

ченик Макарий (Кармазин; 1875–1937), епископ Днепропетровский. Священномученик Макарий (в миру Григорий Яковлевич Кармазин) родился в местечке Меджибож Винницкого уезда Подольской губернии в семье землемера. По окончании Подольской духовной семинарии он несколько лет служил священником в сельских храмах Подольской губернии. В 1902 году о. Григорий Кармазин стал военным священником. Всю первую мировую войну он провёл на фронте, в 1915 году был дважды тяжело контужен. За личное мужество и пастырские труды о. Григорий Кармазин был возведён в сан протоиерея. Во время Гражданской войны о. Григорий служил священником в разных приходах Киевской епархии. В 1922 году он принял монашество с именем Макарий, и митрополитом Киевским и Галицким Михаилом (Ермаковым) был рукоположен в епископа Уманского, викария Киевской епархии. После последовавшего в том же году ареста митрополита Михаила, обвинённого в сопротивлении изъятию церковных ценностей, руководство Киевской епархией легло на епископа Макария. В 1923 и 1925 гг. владыка Макарий подвергался арестам и по нескольку месяцев находился в тюрьме. В конце 1925 года он был назначен епископом Екатеринославским и Новомосковским, но в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) его вскоре опять арестовали. После почти года заключения в тюрьме он был выслан в Харьков. В 1927 году епископ Макарий опять был арестован и на три года сослан в Сибирь, в Томскую губернию. По окончании срока ссылки епископ Макарий поселился в Вязьме, откуда позднее и переехал в Кострому[26].

Приехав в Кострому 13 ноября 1933 года, епископ Макарий, сопровождаемый о. Павлом Острогским, посетил святителя Никодима в его доме на ул. Свердлова. При помощи о. Павла гонимый епископ поселился в Селище.

Семья о. Павла. Ок. 1931 г.

Владыка Макарий ежедневно посещал Александро-Антониновскую церковь, в частности, помогая о. Павлу читать поминальные книжки[27]. Разумеется, то что в Селище поселился опальный епископ, каждый день посещавший церковь, не могло не привлекать на богослужения ещё больше людей. Ведь до революции архиерей посещал селищенский храм лишь раз в несколько лет, и каждое такое посещение являлось событием в жизни прихода. После революции, когда число храмов стало быстро сокращаться, костромские архиереи обычно совершали богослужение в Александро-Антониновском храме ежегодно, на престольный праздник. В следственных делах НКВД по Селищу не сохранилось сведений о том, участвовал ли епископ Макарий в совершении богослужений, или же он молился в храме как обычный прихожанин. Но второе вероятнее: чекисты, скорее всего, поставили бы в вину владыке его участие в богослужениях, придав этому «контрреволюционное» значение. От бывшего киевского викария члены Александро-Антониновского причта узнали о страшном голоде на Украине в 1933 году (впоследствии о. Павел Острогский был дополнительно обвинён в распространении «контрреволюционных провокационных слухов о голоде и массовой смертности на Украине, с целью создать недовольство массы к существующему строю»).[28]

В мае 1934 года в Селище нашёл приют ещё один гонимый – видный церковный историк, бывший профессор Московской духовной академии Николай Ильич Серебрянский (1872–1940 гг.). Н. И. Серебрянский родился в с. Крекшино Новоржевского уезда Псковской губернии в семье священника. После окончания Псковской духовной семинарии (1892 г.) и Московской духовной академии (1898 г.) Н.И. Серебрянский преподавал в духовных учебных заведениях в Смоленске, Торопце и Пскове (во время службы в Псковской духовной семинарии он познакомился со святителем Никодимом (Кротковым), в 1905-1907 гг. бывшим её ректором). В 1914 году он впервые попал в Кострому, где преподавал в Костромской духовной семинарии. В 1916 году Н.И. Серебрянский – автор ряда фундаментальных научных трудов – стал профессором Московской духовной академии, после закрытия в 1919 году академии. Н.И. Серебрянский несколько лет преподавал в Псковском педтехникуме, а в 1925-1930 гг. состоял научным сотрудником Академии наук в Ленинграде. 22 декабря 1930 года он был арестован по так называемому «академическому делу», инспирированному ОГПУ с целью разгрома старых кадров Академии наук. Н. И. Серебрянский был приговорён к 10 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). К счастью, на Соловках бывший профессор духовной академии пробыл только один год: по состоянию здоровья пребывание в лагере ему заменили на ссылку в Судиславль. По окончании ссылки в мае 1934 года архиепископ Никодим пригласил Н.И. Серебрянского из Судиславля в Кострому[29]. По просьбе святителя о. Павел нашел в Селище жилье и для Н. И. Серебрянского.

Н.И. Серебрянский был арестован в Селище 27 апреля 1938 года, заключён в костромскую тюрьму и обвинён в принадлежности к «церковно-монархической организации»[30]. 26 сентября 1938 года Особое Совещание при НКВД СССР «за

контрреволюционную деятельность» осудило Н. И. Серебрянского к заключению в «исправтрудлагере» сроком на пять лет[31]. Для больного старика этот относительно «мягкий» по тем временам приговор был равнозначен смертному. Выдающийся русский историк скончался на 69 году жизни 21 мая 1940 года в каком-то из лагпунктов гигантского Сиблага[32].

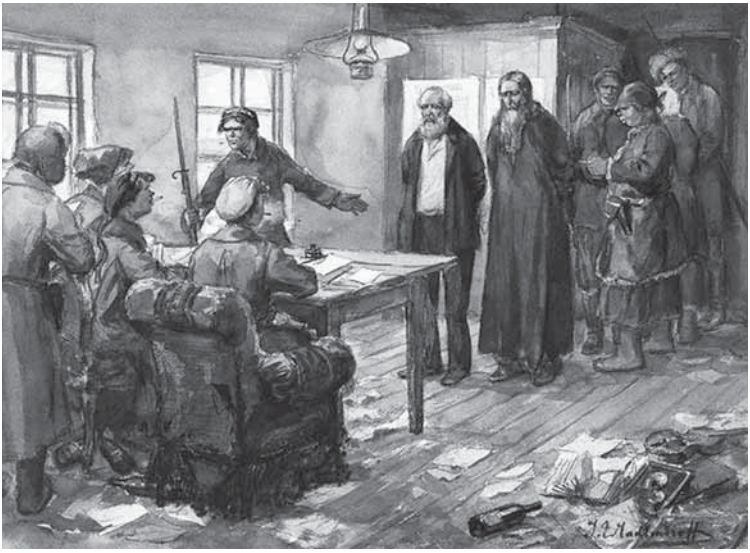
Служба о. Павла Острогского благочинным пришлась на период, когда служителей Церкви постоянно арестовывали, ссылали, сажали в тюрьмы и лагеря, а их семьи, лишившись кормильца, бедствовали. В начале 1933 года по благословению архиепископа Никодима о. Павел создал при Александро-Антониновском храме нелегальную кассу для помощи ссыльному духовенству и их семьям, в которую поступали отчисления от всех городских церквей[33]. Этот шаг свидетельствует о большом мужестве о. Павла, к этому времени уже дважды побывавшего в застенках ОГПУ и прекрасно понимавшего, чем он рискует, идя на создание подобной кассы (ведь с точки зрения властей, материальная поддержка обвинённым в «контрреволюции» являлась не элементарной помощью ближнему, а опасным контрреволюционным преступлением).

В это же время о. Павла постигло большое личное горе. 20 декабря 1933 года в Новосибирске был арестован его старший сын – Серафим Павлович Острогский (1904 – 1934 гг.), технолог предприятия «Льноконоплеводтрактор». В духе времени его обвинили в принадлежности к «контрреволюционной диверсионной группе». 13 марта 1934 года Коллегия ОГПУ осудила С.П. Острогского к высшей мере наказания – расстрелу (при аресте и вынесении приговора чекисты, несомненно, учли то, что Серафим Павлович – сын «служителя культа»). Приговор был приведён в исполнение в Новосибирске 22 июня 1934 года[34].

Разумеется, ОГПУ тщательно контролировало каждый шаг поселившихся в Селище «бывших», в частности, епископа Макария. Уже переживший столько арестов, он не мог не понимать, что долго продержаться в Селище чекисты ему не дадут. Осенью 1934 года, возможно, кем-то предупреждённый о его готовящемся аресте, епископ Макарий предпринял попытку уехать из Селища: 30 сентября он сел на старом вокзале в Заволжье на поезд, имея при себе билет до Харькова. Уже в вагоне его арестовали сотрудники НКВД, и вскоре владыка оказался в одной из камер Ардома (арестного дома) НКВД на улице Свердлова. Раскрутка «дела селищенской контрреволюционной группы» началась.

В ночь на 8 октября 1934 года в своём доме был арестован протоиерей Павел Острогский. В последующие дни арестовали ещё несколько человек. Уже 10 октября всех взятых в Селище под спецконвоем отправили в Иваново[35].

На следствии о. Павел держался стойко. На допросе 11 октября 1934 года он, в частности, сказал: «Советскую власть я считаю властью антихристовой – безбожной, посланной нам за грехи наши как испытание»[36]. На допросе 14 октября о. Павел сказал: «Я лично считаю, что православная вера никогда не падёт», и выразил уверенность, что придёт время, когда «власть поймёт, что она делает ошибку по отношению веры и церкви, признает их и даст им нужное положение»[37].



Картина из Александро-Антониновскогого музея

17 марта 1935 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило почти всю селищенскую «группу», в том числе епископа Макария и протоиерея Павла Острогского, к ссылке в Казахстан сроком на 5 лет[38].

Отца Павла сослали на самый юг Казахстана – на железнодорожную станцию Чу в Чуйском районе Алма-Атинской области. Его супруга Елизавета Александровна, подобно жёнам декабристов, поехала вслед за ним в далёкие казахские степи и прожила в Чу более двух лет. В 1937-1938 гг. на Русскую Православную Церковь обрушились новые жестокие гонения. В числе жертв этого времени – снова владыка Макарий и протоиерей Павел Острогский. Епископ Макарий, проживавший в Казахстане в Каратальском районе на железнодорожной станции Уш-Тоб, был вновь арестован 20 ноября 1937 года, доставлен в столицу республики Алма-Ату и заключён в тюрьму. Уже 1 декабря 1937 года священномученик Макарий был приговорён к расстрелу, а 3 декабря расстрелян[39]. В 2000 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви епископ Днепропетровский Макарий (Кармазин) был прославлен в лике святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

В конце 1937 года на станции Чу был арестован и о. Павел Острогский. 10 декабря 1937 года «за ведение среди населения антисоветской агитации, направленной против мероприятий партии и советского правительства» тройка УНКВД Алма-Атинской области приговорила его к расстрелу. 13 декабря 1937 года приговор был приведён в исполнение[40]. Где находятся могилы владыки Макария и о. Павла, неизвестно.

После ареста о. Павла Елизавета Александровна вернулась в Селище. Долгое время ни она, ни её дети ничего не знали о судьбе главы семьи. На все за-

просы Е.А. Острогской из органов приходили уклончивые ответы (в семейном архиве Острогских сохранилась недатированная выписка из одного такого ответа, согласно которому о. Павел скончался в заключении «от упадка сердечной деятельности» 13 ноября 1941 года). Семья о. Павла узнала правду лишь в середине 50-х годов. В настоящее время в Александро-Антониновском приходе в Селище ведется работа по подготовке церковного прославления о. Павла Острогского как священномученика.

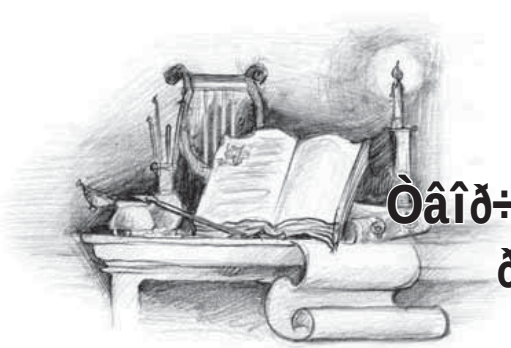
Эта статья об отце Павле не случайно была выбрана нами для раздела «Наши публикации» – дело в том, что прихожане Свято-Смоленского храма в Юже побывали на его месте служения в Александро-Антониновской церкви. Это было во время Рождественского паломничества в Кострому 2019 года, когда нынешний настоятель прот. Игорь Шашков любезно принял нас на 2 ночи в их Гостевом доме. Надо отметить, что на этом замечательном приходе создан настоящий, входящий в каталог учреждений культуры города, Александро-Антониновский музей (сайт http://alant-usadba.ru/museum). При этом память исповедника веры о. Павла не просто чтится на приходе (что тоже важно!), но ведётся систематическая работа по исследованию его биографии, по подготовке его к канонизации и по музеефикации как его исповеднического подвига, так и истории храма и всего костромского правобережья. В музее есть экспозиция, посвящённая героям стояния за веру в XX веке, там и их личные вещи, и тематические картины, и фотографии семей (любезно предоставленные нам для данной публикации), и справки из репрессивных органов, и даже копии протоколов допроса. Даже один из колоколов, недавно отлитых для храмовой колокольни, несёт на себе барельефное изображение о. Павла. Так находит своё проявление любовь к народным страдальцам, воспитываемая самим строем жизни на этом приходе.

Здание Александро-Антониновского музея

Барельеф церковного колокола

По нашему мнению, именно такой комплексный подход, когда богослужебное почитание (через панихиды, если исповедники не канонизированы, через молебны – если прославлены) сочетается с культурно-просветительскими формами работы будет способствовать подлинному увековечению памяти наших новомучеников, их подвига по сохранению христовой веры.

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М. 1956, с. 707.
2. Е.П.Острогская (1834 – 1910 гг.) скончалась в Прискокове на 76 году жизни. 3 августа 1910 года. 6 августа в церкви Рождества Христова состоялось её отпевание и погребение на приходском кладбище у стен храма. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО), ф. 56 оп. II, д. 190 л. 56 об. Овдовевший о. Феодор Острогский прожил в Прискокове вплоть до революции, будучи штатным священником. Точное время его кончины неизвестно, скорее всего, о. Феодор умер вскоре после революции и был погребён в Прискокове рядом с Елизаветой Павловной (их могилы не сохранились).
3. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома. 1911, с. 79; Смирнов Ю. Деревня Никольское – родина отца М. Ю. Лермонтова. СПб. 20.12.1990; Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, с. 145.
4. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО), ф. 56 оп. II, д. 190 л. 56 об.
5. ГАКО, ф 438 оп. I, д. 1465, л. 1.
6. Там же, л. 7
7. Костромские епархиальные ведомости. 1901 № 12, ч.неоф., с. 65.
8. ГАКО, ф. 130 оп. 9, д. 3729, л. 39.
9. Костромская жизнь. 27.05.1909.
10. Просят рабочих. Поволжский вестник. 9.08.1915.
11. ГАКО. ф. 130, оп. 10 д. 108, л. 2.
12. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 год. Кострома, 1914, с. 78.
13. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома. 1911, с. 21.
14. Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее – **ГАНИКО**), ф. 3656 оп. 2, д. 6179, л. 45 об.
15. ГАКО, ф. Р-7, оп. 1, д. 383 л. 100.
16. Там же, л. 101 об. – 104.
17. Ившин цепляется за церковь. СП.26. П. 1929.
18. ГАКО. ф. Р-371, оп. 1, д. 383, л. 91-91 об.
19. Там же, л. 90
20. Костромской. Церковь под культурный очаг. СП. 26.01.1930.
21. ГАНИКО. ф. 3656, оп. 2, д. 6179, л. 45 об.
22. Церковно-приходская летопись Костромской губернии и уезда села Селище Александро-Антониновской церкви, л. 3 об.
23. Ватолина Е. А. Воспоминания (рукопись). / Архив автора.
24. Острогская Н. Б. О моем деде протоиерее Павле Острогском (рукопись). / Архив автора.
25. Там же.
26. Доненко Н., протоиерей. Наследники царства. Симферополь. 2000, с. 326-327, 333-334, 341, 348 (далее – Доненко Н., протоиерей. Указ. соч.).
27. ГАНИКО. ф. 3656, оп. 2 ед. хр. 6179, л. 51.
28. Там же. л. 64
29. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186 л. 4., и: Голубцов С. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. Сс.71- 73 (далее – Голубцов С. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа).
30. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186, л. 46.
31. Там же, л. 48.
32. Голубцов С. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа, с. 79.
33. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, л. 67
34. Архивная справка УФСБ РФ по Новосибирской области от 12 марта 2002 г. (предоставлена Н. Б. Острогской).
35. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, л. 47.
36. Там же, л. 51
37. Там же, л. 53
38. Там же, л. 50 – 53
39. Доненко Н., протоиерей. Указ соч., с. 354
40. Острогская Н.Б. Вечная память! Благовест. № 1(11), 1991, январь.



Ðàçäåë VII

Òâîð÷åñêîå ïðèíîøåíèå ðîäíîì óêàþ

В.Н. Крупин

Владимир Николаевич Крупин родился в 1941 г. в Вятке (Кирове). Из большой дружной семьи. Закончив школу в пятнадцать лет, работал литсотрудником в редакции районной газеты, слесарем по ремонту сельхозтехники, три года служил в ракетных войсках, учился в Московском областном (ныне университет) институте. Был сценаристом Центрального телевидения, редактором в издательстве «Современник», главным редактором журналов «Москва», «Голоса сердец», избирался секретарём Московского отделения Союза писателей и секретарём Правления Союза писателей СССР. Член Президиума академии Славянской культуры и Славянской письменности, первый лауреат Патриаршей литературной премии. Преподавал в Московской духовной академии.

Автор многих книг. Наиболее известные: «Живая вода», «Возвращение родника», «Крестный ход», «Великорецкая купель», «Море житейское», «Пока не догорят высокие свечи», «Во всю Ивановскую», «Афон», «Святая Земля», «История России в житиях святых», «Книга странствий», «Люби меня, как я тебя», «Подарок православному ребёнку», «Большая жизнь маленького Вани». Любовь – вот главное определяющее чувство прозы писателя. Любовь к Богу, Отчизне, к могилам предков, к родителям, детям, к природе, животным. Теперешнее торопливое время диктует формы для письменности, она становится короче, лаконичней, но и одновременно более чёткой в выражении чувств и мыслей. Выступает в нашем альманахе впервые, с минизарисовкой из сборника «Сушёная малина».

Живая земля

В детстве мама повезла меня к своей маме, моей бабушке. Было мне полтора-два года, я только начинал ходить и говорить. Попросили лошадь в лесхозе, там работал отец, запрягли её в лёгкий тарантас и двинулись. Начало лета. Я спокойно сидел в тарантасе. И вдруг увидел на обочине груду красной глины.

И, как рассказывала мама:

– Ты весь задёргался, стал рваться к этой глине. Тебя ссадили на землю, ты на своих ножонках побежал, падаешь, встаёшь, и стал ручонками хватать её и тащить в рот. Я испугалась вначале, но потом вспомнила, что и сама, когда была в положении, тоже хотела поесть глины. Да и другие женщины так, когда ребёнка

ждут. Даже печуру отламывали от печки, так сухую глину называли – печура, крошили и прямо ели. Значит, чего-то не хватало в организме. Именно для ребёнка. Для костей, или ещё чего.

– Да, – поддержал я, – земля еси и в землю отыдеши. И Адам первородный из земли, из красной глины, так и переводится его имя, и все мы прах земной. Из земли пришли, в неё и вернёмся.

Вспомнил сегодня этот рассказ мамы, когда на ежедневное Чтение Священного писания выпала Книга Бытия, глава четвёртая: «И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

Здесь о земле говорится, как об одушевлённом существе. Она «отверзает уста свои», она «не станет более давать силы своей», она живая, она мыслящая, чувствующая добро и зло. Она содержит в себе все элементы для строительства человека. Клятва на крови была, конечно, одной из самых крепких. Но клятва землёй ничуть не меньше. Хотя сказано человеку «не клясться ни землёй, ни небом», роль земли в продолжении жизни человека была определяющей. Отношение к земле было на уровне святости. Из детства помню, когда кого-то в чём-то обвиняли, а он оправдывался, то ему говорили: «Ешь землю». И если ел, верили в его невиновность. А земля родины, которую зашивали в ладанку уходящим на фронт, это свято. А земелька с могил родных, которую брали с собой, когда находили ещё одну родственную могилу и везли на неё эту землю, как поклон, как привет, как благословение родины.

Очень помню, когда уезжал из нашего села мой друг Вовка Агафонцев, его отца куда-то перевели, и уже погрузили вещи на машину, и я вдруг, даже неожиданно для себя, в каком-то порыве, побежал к своему дому, наскрёб с завалинки пригоршню желтого песка, завернул его в газетку и принёс Вовке. И он, очень помню, был очень рад и положил пакетик в нагрудный карман. Велики ли мы

были, лет по одиннадцать – двенадцать, а понимание величия родной земли уже навсегда поселилось в нас.

И, как ни революционен был поэт, а написал же о русском воине, покидавшем Россию: «Трижды город перекрестивши, трижды землю поцеловавши». И сам я видел, как евреи (это 1998 год), выходя из аэропорта Бен-Гурион, кидались на колени и целовали землю. И разве кто-то усомнится в чистоте этого порыва. Разве и мы не увозим землю Святой Земли в своих сумках, разве не верим в её животворную силу?

А наше троекратное, во славу Святой Троицы, бросание трёх горстей земли в могилу на крышку гроба, разве не выражение надежды на защиту землею души уходящего с земли? И разве земля не слышит нас? Слышит, конечно. И любит нас. Она же год за годом созидает для нас все условия для нашей жизни. И в добавление к выращенным злакам, фруктам, овощам, лечебным травам, являет из себя цветы, эти остатки рая на земле. Этот земной рай вернётся, если мы тоже будем любить землю и беречь её.

Голос земли властно звучит в разлуке. Перед началом Поста поётся горестный псалом «На реках Вавилонских», стенают хоры, исполняющие этот плач-моление пленных. Да, иудеи со времён рассеяния не имеют родины, отсюда такая сила страдания. Они везде чувствуют себя в плену, в изгнании. И в Израиле им неспокойно. Смотрю, слушаю. А ведь нам, русским, тоже надо петь такую же песнь, но не иудеев, не евреев, а пленных русских. Мы в плену. В плену наши власти, наши природные богатства, банки, торговля, средства массовой информации, которые давно не наши, в плену театр, школа, вузы, медицина… Почти везде командуют не русские. А если русские, то уже с психологией полицаев из местных. Такое ощущение, что живёшь внутри лагерной зоны. Жить в этой зоне можно, живём же. Но все равно, как-то очень унизительно. Охранники кричат на нас, плюют в нашу сторону, издеваются, заставляют нас считать себя во всём виноватыми. Что у нас и истории своей не было, что мы её выдумали, что и Гитлера не мы победили, а Соединённые штаты, да Англия, да ещё и Франция, которая цветы под гусеницы немецким танкам бросала. А танки эти чехи делали. Остальное соответственно. И Чернобыль мы специально устроили, чтоб Европу заразить.

Всё по дедушке Крылову: мы «виноваты в том, что хочется им кушать». «Дочь Вавилона, окаянная! Блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень.»

Сведения об авторах

Балдин Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, до 2020 г. профессор ИвГУ, основатель Пожарских Неопалимовских чтений в Юже. Г. Иваново.

Борисов Владимир Вячеславович – краевед, автор публикаций по истории Вязниковского края и его жителей. Пос. Мстёра Вязниковского района Владимирской области.

Валюх Мария Николаевна – студент Шуйского филиала ИвГУ, исторический факультет. Г. Южа Ивановской области.

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор МГУ, Московского государственного института культуры. Автор монографии «Д.М. Пожарский» серии ЖЗЛ. Г. Москва.

Зонтиков Николай Александрович – кандидат исторических наук. Заслуженный работник культуры РФ и Костромской обл., кавалер церковных орденов благ. кн. Даниила Московского, свят. Макария Московского, прп. Сергия Радонежского. Г. Кострома.

Иванов Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Шуйского филиала ИвГУ, почётный работник высшего профобразования РФ. Науч. редактор и координатор проекта «Уездная старина – Чтения по региональной казуальной истории» (ежегодная межрегиональная конференция). Редактор сб. «Провинциальный анекдот» (2000-2020). Г. Шуя Ивановской обл.

Коптяев Юрий Борисович – потомок старинного рода крестьян-иконописцев с. Мордовского Никоновых, выпускник 2002 г. курсов делопроизводителей-архивариусов Учебного центра допобразования и повышения квалификации г. Краснодара. Г. Южа Ивановской области.

Кривцов Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель Библейской школы Автозаводского благочиния Нижегородской епархии, церковный историк и археолог. Г. Дзержинск Нижегородской области.

Крупин Владимир Николаевич – член Союза Писателей России (был секретарём СП СССР), лауреат первой Патриаршей премии в области литературы. Г. Москва.

Лихачёв Алексей Евгеньевич – священник, настоятель Прихода Смоленской иконы Божией Матери в г. Юже. Кандидат богословия, член Ивановского краеведческого общества. Г. Южа Ивановской области.

Макарьянц Борис Леонидович – врач, краевед, автор исследований по истории Шуйской-Смоленской иконы. Г. Иваново.

Овчинников Виталий Георгиевич – врач-хирург, внук схииеромонаха Нектария (Овчинникова), исследователь родословных связей Овчинниковых. Г. Москва.

Семененко Александр Михайлович – директор Государственного архива Ивановской области, координатор проекта «Историческая память» партии «Единая Россия». Г. Иваново.

Ставровский Евгений Сергеевич – краевед, автор нескольких историко-краеведческих книг: «Святые земли Шуйской» (2007), «Род Бальмонтов в лицах и судьбах» (2017), «Шуя. История и современность» (2021) и др., канд. техн. наук, доцент кафедры «Экономики и организации предприятия» ИГЭУ (энергоуниверситет). Г. Шуя Ивановской области.

Фролов Николай Владимирович – журналист, автор большого числа краеведческих публикаций. Воссоздатель ряда музейных усадеб. Г. Ковров Владимирской области.

Содержание

Предисловие 3

Раздел I. К 100-летнему юбилею подвига шуйских новомучеников

А.Е. Лихачёв. О смысле христианского мученичества 5
Ю.А. Иванов. Шуя 1922 года в политической топонимике российской истории 15
А.М. Семененко. И.И. Власов: адвокат, подававший прошение о помиловании по «шуйскому делу» 1922 года 22
Е.С. Ставровский. Поиски биографических данных о шуйских новомучениках 1922 года 30
Д.Ю. Кривцов. Нижегородское монашество в условиях послереволюционных большевистских гонений 35
Д.М. Володихин. Много ли русские писатели говорят о гонениях на русскую церковь? 40

Раздел II. История Южской земли и смежных с ней

К.Е. Балдин. Родственное окружение купеческой семьи Балиных в XVIII – начале XX в. 43
Н.В. Фролов. Серапионова пустынь 51
В.В. Борисов. Мстёрские предприниматели Панкратовы 57

Раздел III. Духовная и нравственная культура

Б.Л. Макарьянц. Шуйский образ Богоматери в обстоятельствах 1935-1939 гг. 67
А.Е. Лихачёв, Е.В. Шаповалова (ассистент). Памятник новомученикам в сознании шуйских жителей 77

Раздел IV. Семейный фотоархив

М.Н. Валюх, А.Е. Лихачёв. Из жизни моей дорогой прабабушки, Марии Фёдоровны Жеганиной (Усовой), 96 лет 85
В. Г. Овчинников. Из жизни уроженки Южи схимонахини Мариамны (Овчинниковой) (1899–1994) 91

Раздел V. Персоналии, значимые для южской земи

Ю.Б. Коптяев. В.Г. Никонов – фронтовик, южский и палехский преподаватель 99

Раздел VI. Наши публикации

Н.А. Зонтиков. Протоиерей Павел Острогский (1877-1937) 111

Раздел VII. Творческое приношение родному краю

В.Н. Крупин. Живая земля 123

Сведения об авторах 126

Продолжающееся издание

Пожарский юбилейный альманах

Выпуск 11

К 100-летию подвига шуйских новомучеников

Над выпуском работали:

Художники – Е. А. Тенина, И. А. Лихачёв
Дизайн – А. А. Сурков
Компьютерная вёрстка – ООО «ПресСто»
Фотографии – авторов

Материалы для настоящего сборника получены в электронном виде, через объявление рассылки Ивановским областным краеведческим обществом. В дальнейшем интересные исследовательские работы будут публиковаться по мере поступления.

Ознакомиться с выпусками Пожарского альманаха №№1-10 можно на сайте Прихода Смоленской иконы Божией Матери в Юже в разделе «Историческая Память»: http://www.old-yuzha.ru/almanah.html
Желающие предложить свои публикации в следующие выпуски альманаха могут присылать их на отзыв по э/почте: yuzha-church@yandex.ru.

Подписано в печать 11.05.2022 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 7,44. Тираж 1300 экз. Изд. № 158. Заказ № 4598.

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8
Тел.+7-930-330-36-20, e-mail:pressto@mail.ru
www.pressto-ipk.com